

ИНКВИЗИТОР

Надежда ПОПОВА

И АЗ ВОЗДАМ

Конгрегация

Надежда Попова

Инквизитор. И аз воздам

«АСТ»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Попова Н. А.

Инквизитор. И аз воздам / Н. А. Попова — «АСТ»,
2015 — (Конгрегация)

ISBN 978-5-17-093426-3

Германия, 1401 A.D. Инквизитор Курт Гессе, лучший следователь Конгрегации, живая легенда, пример для подражания молодежи и гроза малефиков... Он уже устал это слышать и перестал с этим спорить, хоть и уверен в том, что славы своей не заслужил. Но разве начальству что-то докажешь? Поэтому, получив очередное задание, проще не возражать, а направиться, куда велено. Тем более, что на сей раз это дело принципа, дело чести: убит инквизитор. А такое нельзя оставить безнаказанным.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-093426-3

© Попова Н. А., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	38
Глава 5	49
Глава 6	60
Глава 7	72
Глава 8	85
Глава 9	96
Глава 10	108
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Надежда Попова

Инквизитор. И аз воздам

*... mea est ultio et ego retribuam in tempore ut labatur pes eorum iuxta
est dies perditionis et adesse festinant tempora¹
(De.32:35).*

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Н. Попова, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

Летний воздух Гельвеции, чистый, звенящий, тепел даже ночью, когда небесный свод укутывается тьмою с частой россыпью звезд, и лишь легкая свежесть нет-нет, да и охладит щеки, если подует невесомый, едва заметный ветерок. Если неспешно брести по свежей, сочной, как спелый плод, траве, любуясь красотой, сотворенной Господом, можно вдыхать полной грудью и этот воздух, и, мнится, даже запах снега с далеких ледников.

Но если бежать, бежать изо всех сил, чувствуя, что того и гляди отнимутся ноги, что мышцы, кажется, вот-вот лопнут, как перетертая веревка, – тогда воздух жжет легкие, а дыхание обдирает горло, словно точильный камень. Ноги запинаются, и каждый шаг по каменистой жесткой земле превращается в пытку, перед глазами будто висит пелена, не давая видеть путь, а вместо ночной тиши слышится звон и шум крови в ушах. Споткнувшись и упав, надо подняться, невзирая на то, что любое движение отзывается жгучей болью, и бежать дальше, не оглядываясь, не мешкая, выжимая из себя последние силы...

То, как стрела входит в тело, поначалу почти не чувствуется; просто что-то толкает в спину, сбивая равновесие, дыхание перехватывает, и лишь потом приходит боль – на вдохе. Подкашиваются ноги, и тело падает на колени, руки упираются в прохладную траву, и от удара ладонями в землю боль в груди взрывается горячими острыми осколками, разрывая легкие и мешая дышать. Сквозь туманную мглу в глазах видно древко стрелы, прошившей тело насквозь, – темное, влажное от крови; видно, как сбегает крупные капли к наконечнику и там исчезают, не падая наземь, будто холодный гладкий металл вбирает их в себя, точно губка. Но, быть может, это уже бред – бред умирающего сознания, последнее, что удастся увидеть перед тем, как упасть на траву и больше не шелохнуться...

И вновь тишина, не нарушаемая ни топотом ног, ни надсадным дыханием, и луна, яркая, точно забытый на столе светильник, равнодушно озаряет пустые холмы и неподвижное тело в траве. Протянулась и истекла долгая, как вечность, минута, миновала вторая, третья, и из темноты донесся далекий звук шагов – неспешных, спокойных, как будто кто-то мучимый бессонницей вышел на свежий воздух, однако до ближайшего жилища по меньшей мере час пути таким вот безмятежным шагом...

Человек, явившийся из темноты, приблизился к убитому и остановился, в задумчивости легонько покачивая луком в руке. Несколько мгновений он стоял не шелохнувшись, потом наклонился и, упершись в мертвеца ногой, выдернул стрелу.

Глава 1

В коридорах было тихо и почти безлюдно, лишь однажды навстречу попался сосредоточенный хмурый инквизитор. С Куртом он поздоровался, назвав его по фамилии; лицо угрюмого собрата по служению показалось смутно знакомым, однако его имя в памяти не всплыло, посему Курт лишь приветственно кивнул, на ходу пробормотав неразборчивое. Лишь когда следователь остался далеко позади, вспомнилось расследование три или четыре года назад; Нюрнберг... или Аугсбург?... или Франкфурт... Сколько их было, городков и городов, в которые забрасывала судьба и начальственная воля...

У тяжелой двери за поворотом Курт остановился, глядя на двух далматинцев, лежащих у порога. Завидя его, псы поднялись с места, молча, без лая или даже рыка сделав шаг навстречу; он протянул к ним открытые ладони, затянутые в потертые кожаные перчатки, и терпеливо дождался, пока собаки обнюхают его руки и пыльную, пропитавшуюся солнцем одежду.

– Благодарствую, – произнес Курт насмешливо, когда далматинцы нехотя, будто исполняя какой-то обязательный, но давно наскучивший ритуал, вяло махнули хвостами и отступили назад, давая ему пройти.

– ... и так всегда, – успел услышать он, открыв дверь, и голоса внутри смолкли.

Курт приостановился на мгновение, окинув быстрым оценивающим взглядом людей у стола. Кардинал Сфорца явно физически утомлен и морально вымотан; изборожденное глубокими морщинами лицо осунулось и со времени прошлой встречи явно похудело. Без малого восемь десятков лет – не шутки, а когда приходится держать на собственных плечах громаду Конгрегации – удивительно, как до сих пор старик еще держится, даже учитывая тот немаловажный факт, что половину забот папский нунций уже сгрузил на преемника... Преемник, к слову, тоже не в лучшем виде: взгляд мрачный, лоб нахмуренный, под глазами заметные круги, да и в целом Антонио Висконти, который младше мастера инквизитора на семь лет, выглядит сейчас как хорошо потрепанный жизнью следователь после недели оперативной работы. Да и Бруно, сидящий чуть в сторонке, одарил вошедшего взглядом тяжелым, точно скала, и таким усталым, будто за последние пару суток духовник не спал, не ел и даже не присел ни на минуту...

– И что же «всегда»? – осведомился Курт, переступив, наконец, порог и прикрыв за собой дверь.

– Всегда опаздываешь, Гессе, – недовольно отозвался Висконти и, вздохнув, кивнул: – Не стой караулом, садись, коль уж соизволил почтить нас своим присутствием.

– Я не могу опаздывать, – возразил Курт; помедлив, подтянул к себе табурет, уселся и вытянул гудящие ноги под столом. – Я не член Совета, и ваши заседания меня, вообще говоря, не касаются.

– Ты *агент* совета, – возразил итальянец хмуро. – И посему, когда я говорю, что ты должен быть здесь, – ты должен быть здесь. Желательно в назначенный день и желательно – позабыв привычку врываться на заседание, распахивая дверь пинком.

– Клевета, – фыркнул Курт. – Это было лишь однажды, и то потому что я спешил, а руки были заняты. И вот, вместо того, чтобы вынести мне благодарность за невиданную добычу и, быть может, даже выписать премию...

– К слову, книги он тогда притащил и впрямь уникальные, – заметил кардинал, и Висконти вздохнул:

– Да. Вынужден признать, дон Сфорца. Какие бы порицания я ни высказывал сейчас, а работу Гессе выполняет должным образом.

– И даже сверхдолжным, я бы сказал, – усмехнулся Бруно, взиравший на эту короткую перепалку со скучающим видом. – Рад видеть тебя живым и даже целым, Курт. В твоём случае это явление уникальное.

– Что задержало? – спросил Висконти уже серьезно, позволяюще кивнув на винный кувшинчик посреди стола, который Курт с готовностью придвинул к себе вместе со стаканом духовника. – Судя по тому, что ты не потрепан, не ранен, не явился сюда при последнем издыхании на лекарских носилках по своему обыкновению – дело для разнообразия завершилось благополучно?

– Дела и не было, – отозвался он, наливая себе на самое доньшко; поднес стакан к губам, помедлил и, не отпив, поставил его снова на стол. – Снова не по нашей части.

– Но ты задержался, – повторил Висконти; Курт кивнул:

– Пришлось.

– Мы уже достаточно заинтригованы, – заверил его Бруно, приглашающе поведя рукой: – Прошу. Вещай.

– Малефиции не было, – все-таки отпив глоток, отозвался он. – Новобрачная баронесса невинна, как овечка, новобрачный супруг-барон счастлив, свекор-барон доволен, детки-барончики... Родятся – там и поглядим, насколько будут невинны и счастливы. Баронское семейство в полном составе просило передать руководству Конгрегации благодарность, что я и делаю.

– Подробности?

– Подробности излагаю. Лет двенадцать – тринадцать назад сосед этого вашего барона, тоже, что характерно, барон, ввязался в междоусобицу со своим соседом, тоже бароном. Точнее – он ее сам и затеял: земли от императорского ока далекие, свои владения – крохотные, у соседа – не просто большие, а еще и выгодно расположенные (пахота, пастбище, лес). Земли мало, баронов много, вопрос решается просто. К тому же, у зачинщика одиннадцать сыновей, а у соседа – один, да и тот малолетний. Все говорило о том, что победа будет легкой, а добыча солидной. Но – увы, не рассчитал. Сосед не стал отбиваться: он решил напасть. Для чего и пригласил наемников, которым не только заплатил за работу, но и обещал в случае взятия замка беспокойного многодетного папы сей замок на разграбление. Что, собственно, и случилось. Замок взяли, владельца убили. Особо замечу, что наемников сосед вел сам, замок зачищал вместе с ними; это важно. Итак; замок разграбили, сыновей вырезали до единого, и единственный, кто остался в живых из семьи зачинщика, – дочка лет четырех. Имение ее папеньки без затей присвоили, но дочку убивать не стали – видно, на девчонку рука не поднялась, – а не мудрствуя лукаво подарили каким-то крестьянам. Те люди были небедные, набожные, поэтому ребенка приняли. Она с годами все забыла и жила в уверенности, что растет в родном доме.

– Как я понимаю, это предыстория подозреваемой? – уточнил Висконти хмуро. – И приемные родители об этом не рассказали даже ее будущему мужу?

– Твой приятель-барончик намеревался взять в жены красавицу с приданым, – пожал плечами Курт. – Какое ему дело до того, что у нее за спиной?

– Такие браки, – возразил итальянец мрачно, – баронский сын и крестьянка – не столь уж часто совершаются открыто в наше время, и я бы тебя попросил следить за словами, Гессе. Михаэль – глубоко верующий, добросердечный и образованный парень, и он смотрел не на приданое, а на Эльзу.

– Пусть на Эльзу, – согласился Курт. – Красавица, умница, рукодельница, девственница. *С приданым*. Не все ли ему равно, что у нее в прошлом, при таких-то данных?.. Впрочем, – сам себя оборвал он, – это было бы верно, если б то самое прошлое не возникло внезапно и все не испортило. Когда справляли свадьбу, в замок съехались халявщики... прошу прощения, знатные гости, дабы урвать, что удастся... прошу прощения, разделить радость

с новобрачными и родителями. И вот среди гостей обнаружился тот самый сосед, чьи наемники перебили братьев нашей девочки. Эльза, как я уже говорил, все случившееся забыла, но увидела лицо человека, который вырезал ее семью, – и что-то у нее в голове щелкнуло. Воспоминания не пришли, но что-то начало прорываться из глубины памяти. Ночью после празднования ей сначала снились кошмары, а после – привиделось явление Ангела.

– Ангела, – уточнил Бруно недоверчиво-напряженно; Курт невесело улыбнулся:

– Ты слышал про Ангела, но пропустил слово «привиделось». Похоже, что во сне смешались обрывки воспоминаний, Писание, сказки, легенды – словом, все сварилось в одном котле, и получилось неудобоваримое блюдо, из-за которого и весь сыр-бор, из-за которого мне пришлось тащиться за тридевять земель к приятелю нашего Висконти и торчать там почти три недели.

– Не томи, – подстегнул Сфорца; Курт кивнул:

– Слушаюсь... Эльзе явился Ангел и рассказал, что прежде она жила в прекрасном дворце с прекрасным отцом и прекрасными братьями, которых заколдовала злая колдунья, завидующая красоте и набожности их семьи. Колдунья превратила братьев в одиннадцать прекрасных лебедей, и сейчас они летают где-то в северных землях (не спрашивайте, не знаю, почему именно там), но вскоре вернутся, чтобы увидеться с любимой сестрой. Вернуться они должны были, если точнее, осенью. И вот, сказал ей Ангел, чтобы расколдовать их, надо нарвать волшебной крапивы...

– «Волшебной крапивы»? – переспросил Бруно; Курт усмехнулся:

– А чем волшебная крапива хуже волшебной же свечи из жира повешенного? Я бы сказал, она даже лучше. Уж *pro minimum* выглядит и пахнет всяко приятнее... Так, стало быть, Эльзе полагалось нарвать крапивы, размять в волокно, ссучить нить – и из нее сплести одиннадцать рубашек; если надеть их на лебедей, сказал Ангел, те превратятся в людей снова. Причем годится на это не всякая крапива, а именно кладбищенская или та, что растет на земле ее отца. Но главное – рассказывать об этом никому нельзя, иначе братья погибнут «в тот же миг». А дальше и начинается самое интересное. Поскольку до «земли отца» далеко, а кладбище близко, наша Эльза стала наведываться туда ночами, а вечером или днем, когда никто не видел, давила и сучила крапиву в одной из нежилых комнат. Служанки ее любили – девица мягкая, добрая, веселая... была; кто-то ее откровенно прикрывал, кто-то делал вид, что ничего не замечает, но со временем странности стали все очевиднее, твой приятель начал замечать, что руки у его женушки в волдырях, а уж когда он проследил ее до кладбища...

– Это я знаю, – оборвал Висконти. – Все это Михаэль описал мне в письме, а я – тебе перед направлением на место. Говори то, чего я не знаю. Если малефиции не было, то болезни в замке – что это?

– Кишечная инфекция, – пожал плечами Курт. – Твоему глубоко верующему и образованному парню вместе с его, прямо скажем, не слишком образованным папашей следовало не ужасаться ведьме-жене, а пригласить из города лекаря. Что я и сделал вместо них. Отчет о расходах напишу позже и крайне рассчитываю на их возмещение, к слову...

– Итак, это не просто не малефиция, – подытожил Сфорца, – но даже и не преступление вовсе?

– Если не считать преступлением вытоптанную и оборванную крапиву на кладбище – то да. Простая слабость человеческого разума и духа.

– Слабость духа... – повторил Бруно медленно. – Я бы так не сказал. Зная, чем ей это может грозить, не имея возможности объясниться, рискуя *de facto* жизнью...

– Она была не в себе, – возразил Курт. – Это не геройство, не подвиг, а простая потеря свойственных человеку чувств и понятий.

– «Была»? – уточнил Висконти с нажимом; он кивнул:

– Последняя неделя ушла на то, чтобы встряхнуть девчонку и привести ее в разум. Я наговорился на год вперед и сам едва не рехнулся... Но дело в итоге сделано. Инфекцию лекарь остановил, молодая жена пусть и не в полном душевном здравии, но хотя бы не пребывает уже в мире грез и осознает, что с ней случилось и почему, а дальше уж все в руках Господа, ее духовника и молодого мужа.

– А сам Михаэль как?

– В расстроенных чувствах. С одной стороны, радуется тому, как все разрешилось, с другой – корит себя за то, что натравил Инквизицию на собственную возлюбленную... Я поддержал его, как мог.

– *Id est?*² – настороженно уточнил Висконти.

– Рассказал ему, как когда-то арестовал и сжег свою, и объяснил, что ему еще крупно повезло.

– Ты спятил? – нахмурился Бруно; он отмахнулся:

– Когда человек узнаёт, что кому-то хуже, чем ему, это его ободряет. Паршивая человеческая сущность... Ничего, сдюжат. Девчонке куда хуже них, и это держит их на плаву: они занимаются ею, отчего не остается времени на собственные волнения и метания. Все счастливы.

– А сосед? – уточнил Бруно; Курт усмехнулся:

– Вот на его счет я сомневаюсь; до счастья ему далеко. Он, само собою, был тогда вправе защищаться, но как ни крути – пределы он превысил. А тот факт, что захват им чужой собственности прошел без препон и столько лет никем не замечался, – означает, что есть у него и сообщник в кругах, близких к имперскому канцлеру, который и протолкнул нужные документы... Впрочем, сие уже вовсе не мое и не наше дело, пускай разбираются императорские дознаватели.

– Вот только очередного барона-разбойника Рудольфу для полного счастья и не хватает, – хмуро заметил кардинал. – У Императора сейчас деньки веселые: с австрийским герцогом назревает уже прямое столкновение, в Гельвеции бунт, герцог Баварский пытается удержаться за власть на фоне слухов о том, что к власти этой пришел через убийство родителей...

– Забавно вы поименовали наследника императорского трона, Сфорца, – усмехнулся Курт; кардинал пожал плечами:

– Это все дальние планы, в то время как необходимость удержать герцогство – насущная проблема.

– Фридрих хоть и мальчишка, но мальчишка рассудительный и цепкий, – сказал Курт уверенно. – Да и слухи эти не столь уж популярны, куда популярней другие – «враги Императора истребляют лояльную знать».

– Популярней нашими стараниями, – уточнил Бруно недовольно. – До чего дожили: перешибать лживые сплетни правдой приходится все тем же методом распускания сплетен...

– Не суть. Пусть и с нашей помощью, наследник неплохо справляется, и главное сейчас – попросту не хлопать ушами... Так что ж с делом Эльзы? Я его закрываю?

– Уже закрыл, – вскользь улыбнулся Висконти. – Не могу не выразить тебе благодарность за удачное разрешение ситуации.

– Отчет...

– Позже напишешь, забудь.

² То есть (лат.).

– Даже так, – отметил Курт, медленно обведя взглядом лица собравшихся. – Стало быть, стряслось нечто и впрямь необычное... Что у вас случилось и по какому поводу было заседание?

– Быть может, сперва передохнешь? – возразил Бруно; он усмехнулся:

– Конечно. Сейчас я пойду есть да спать, и разумеется, я спокойно усну, не терзаясь любопытством и не пытаюсь угадать, отчего у членов Совета столь постные физиономии, будто завтра наступает Конец Света... Говорите уж. Что происходит?

Бруно переглянулся с Висконти, бросил взгляд в сторону молчаливого кардинала и, помедлив, поднялся.

– Сейчас вернусь, – вздохнул он, направившись к двери. – Услышишь все из первых уст.

В комнату Бруно возвратился спустя несколько минут; войдя, посторонился, пропуская вперед своего спутника, выглянул в коридор, окинул взглядом обе его оконечности и плотно прикрыл дверь.

– Курт Гессе, следователь первого ранга, особые полномочия, – сообщил он, снова усаживаясь к столу, и кивнул на табурет рядом с собою: – Прошу вас.

Вошедший молча кивнул, тяжело опустившись на сиденье, и оперся о стол локтями, перенеся на него вес и как-то неловко отставив ногу в сторону. Итак, больная спина и что-то не так с коленом; рана? Просто суставные боли, возраст?.. Вполне вероятно; лет ему не меньше сорока пяти – сорока семи, и, судя по изможденному лицу, – годы эти проведены не в тиши и скуке скриптории...

Знакомое лицо...

– Дитер Хармель... – продолжил Бруно, и Курт оборвал, договорив:

– ... *curator rei internae*³.

– Знаете меня? – поднял бровь вошедший; он усмехнулся:

– В некотором роде. Одиннадцать лет назад, когда я был начинающим двадцатидвухлетним следователем, вы пытались затащить меня на помост за халатность или преднамеренное саботирование дела. Кельн, расследование убийства студента университета...

– ... погибший на допросе соучастник.

– После допроса, – возразил Курт с нажимом. – Повесился ночью в камере. Отто Рицлер, университетский переписчик. Вам не терпелось доказать, что я должен разделить его судьбу.

– Вашим обидчиком опасно становиться, – усмехнулся Хармель. – Какая нехристианская злопамятность.

– Просто хорошая память. Злобность прилагается в довесок.

– Да, я вижу, – уже серьезно согласился куратор. – Память и впрямь отличная; я бы спустя столько лет имя не вспомнил. Я и не вспомнил, собственно... Оправдываться за свою ошибку не стану: надеюсь, вы понимаете спустя столько лет службы, что я не мог не предположить самого худшего.

– Даже не представляете, насколько хорошо, – согласился Курт, не задумавшись. – И как я понимаю, вы здесь для того, чтобы привести еще один пример этого худшего?

– В том числе, – кивнул Хармель и, помедлив, спросил: – Скажите, Гессе, когда вы в последний раз слышали от осужденного «я невиновен»? Не от подозреваемого, не от обвиняемого, не в процессе расследования, а в минуту, когда он уже стоит перед палачом, – когда?

– Занятный вопрос, – осторожно заметил Курт, искоса бросив взгляд на хмурые лица начальствующих. – Должен заметить, что я вообще такое слышал нечасто. Если подумать,

³ Попечитель внутреннего положения (состояния, обстановки). (*Лат.*).

то последний такой случай имел место несколько лет назад, да и то – мне стало об этом известно из рассказов свидетелей и случилось не после моего расследования.

– Я здесь не для того, чтобы снова попытаться навесить на вас служебное несоответствие... – начал куратор, и Курт оборвал, не дав ему договорить:

– Я это понял, Хармель. Я лишь имел в виду, что в последние годы Конгрегация работает так, что невиновные на костре практически не оказываются. Разумеется, я не исключаю ни судебных ошибок, ни халатности, ни сознательного вредительства, но все же основная часть осужденных поднимается на помост не просто так. Я бы даже сказал, эти самые ошибки и недобросовестность – явление редчайшее.

– А если я вам скажу, что за последний год таких случаев отмечено больше десятка?

– Больше десятка случаев, – уточнил Курт, помедлив, – это *statistica* по Империи, по Германии или какому-то региону?

– По одному городу.

– По городу, – повторил Курт размеренно. – Занятно. На мой взгляд простого *орег*'а, здесь возможны лишь два варианта: внезапная активность малефиции или грубейшая *conruptio*; и, судя по тому, что вы сидите здесь, – уже доказан именно второй. Но в таком случае не вполне понимаю, как это касается меня.

– Не скромничайте, – хмыкнул куратор. – «Простой *орег*»... Это касается вас именно потому, что вы – это вы. Гессе Молот Ведьм, известный во всех уголках Германии и практически по всей Империи; да вашим именем того и гляди начнут изгонять бесов.

– Кхм, – многозначительно проронил кардинал, и Хармель покаянно склонил голову:

– Простите, мессир Сфорца.

– Давайте от славословий к делу, – поторопил Висконти, – покуда вы не возвели его в чин святых.

– Да, – кивнул куратор, – к делу. Отделение Конгрегации в Бамберге – вот причина, по которой я здесь. Как вы понимаете, это и есть тот самый город с повышенным содержанием невиновных на помостах. Предвижу вопрос – точно ли невиновных? Мало ли, кто что может крикнуть напоследок... Но, как вы сами верно заметили, Конгрегация в последние годы относится к расследованиям и определению вины с особым тщанием; в том числе и нашими стараниями. Что бы ни думали о нашей работе следователи или бойцы зондер-групп, а мы все же не плюем в потолок, время от времени снимая с кого-либо из служителей Знак просто от скуки. Можно допустить, что где-то ошиблись в сборе улики или при вынесении приговора, можно предположить, что кто-то решил напоследок напакостить Конгрегации – и перед казнью заявил о собственной невиновности, дабы посеять семена сомнения в людях. Хорошо, пусть не один, пусть двое, даже трое. Но не тринадцать человек за год. И это, замечу особо, те случаи, о которых нам стало известно; но неведомо, сколько их прошло мимо нашего внимания, слухи о скольких таких осужденных до нас не добрались.

– Так это слухи или подтвержденная информация? – уточнил Курт с нажимом. – Не подумайте, что я хочу опорочить кураторское отделение, но...

– Позвольте вам кое-что объяснить, Гессе, – оборвал его Хармель. – Мы так работаем. Мы читаем отчеты, протоколы допросов и судебных заседаний – и ищем в них нестыковки. Мы отзываемся на донесения самих служителей Конгрегации; информация приходит к нам разными путями, но мы проверяем всю. Проверяем дотошно. Вы припомнили, как я едва не отправил под суд вас? Я тоже это запомнил. Всякий раз, когда мне приходится усомниться в честности или добросовестности кого-то из служителей, я вспоминаю одного из лучших инквизиторов Империи; и не говорите, что это незаслуженная слава, а все дело всего лишь в желании руководства создать легенду. Знаю, вы любите это повторять. Но это неправда, и вам это известно не хуже меня. Так вот, вас, Гессе, я вспоминаю при каждом подобном деле. Вспоминаю, чего достиг и кем стал служитель, которого когда-то я заподозрил. И поверьте,

у каждого из нас есть что вспомнить и чем одернуть себя. Но – да, слухи. Их мы проверяем тоже. В этом отношении наша служба ничем не отличается от следовательской. И на сей раз слухи донесли до нас следующее: тринадцать человек за последний год, за минуты до гибели заявившие о своей невинности.

– «До гибели», – повторил Курт медленно. – Вы не сказали «до казни»; стало быть, уже уверены в том, что слухи правдивы?.. И, постойте-ка, Хармель; позвольте я уточню. Эти тринадцать – те, что не признали себя виновными, но (я правильно вас понял?) это значит, что остальные умирали молча или с признанием? Alias⁴, в Бамберге за год было казнено больше тринадцати человек?

– Около двухсот.

Курт присвистнул, чуть подавшись назад и на мгновение замерев, и куратор грустно усмехнулся:

– А мне говорили, что удивить вас невозможно... Да, сто девяносто четыре человека за последний год. О тринадцати из них известно, что вину свою они отрицали до последнего, об остальных сказать не могу ничего, кроме того, что прочел в протоколах.

– Куда ваше отделение смотрело целый год? – поинтересовался Курт, переглянувшись с хмурым Висконти. – На месте вашего руководства я постановил бы, что бамбергское отделение в полном составе надо гнать поганой метлой.

– О том, что вы прямолинейны в беседах, мне тоже говорили, – кивнул Хармель со вздохом. – Но я даже не стану пытаться изобразить возмущение, ибо вопрос ваш вполне логичен и закономерен. Ответ прост и в то же время сложен: мы не знали.

– О том, что в городе казнится в среднем по дюжине человек в месяц? Вы будете изображать возмущение, если я в этом усомнюсь?

– В Бамберге нет священников, вышедших из стен академии. Ни направленных туда открыто, ни... – Хармель замаялся, бросив взгляд на Висконти, и, увидев короткий кивок, продолжил: – Ни кого-либо из тех, чья принадлежность к святому Макарию скрывается. Иными словами, внутренних относительно независимых источников мы не имеем. Отчеты же местного инквизиторского отделения выглядели безупречными. Ситуация на первый взгляд... да и на второй тоже... была схожей с той, что имела место в Кельне во время вашей там службы: множество дел, которые по тем или иным причинам приходилось расследовать служителям Конгрегации, но которые в итоге по большей части оказывались не имеющими ничего общего с maleficia. Редко – местная «политика», участие в заговоре против власть имущих, чаще – заурядные мирские преступления: убийства (в основном отравления) из-за ревности, конкуренции гильдий, наследства... Материалы по дознаниям передавались светским службам, которые завершали расследования и выносили приговоры; казненных по решению Конгрегации – не более двух десятков. Согласен, и это много, но отчеты следователей были заверены и подтверждены бамбергским обер-инквизитором, подтверждались материалами суда, а главное – бамбергским епископом, что, согласитесь, бывает не так часто. Обыкновенно духовные лица чинят нам препоны, не желая упускать из рук власть и не брезгуя толкнуть в спину или подставить ногу; здесь же все до единой казни, осуществленные Конгрегацией, получили подтверждение и одобрение епископа Георга фон Киппенбергера. Мало того; от городского совета, каковой тоже прежде не испытывал к Конгрегации теплых чувств, также не поступило ни одной жалобы на неправомерную казнь или халатно проведенное дознание.

– Но если все так красиво, – помедлив, проговорил Курт, – откуда возникли слухи, что бамбергское отделение недобросовестно, и с чего вообще засуетилось кураторское отделение?

⁴ Иначе [говоря] (лат.).

– Слухи, – повторил Хармель со вздохом, – это такое явление, которое возникает нигде и переносится по миру ни на чем.

– А если без философии?

– Мясницкая почта⁵, – пояснил куратор. – С ней мы получили письмо, которое и привлекло наше внимание. Дочь одного из арестованных передала письмо, в котором просила о защите...

– О защите от кого?

– От следователей Конгрегации. Как вы понимаете, – продолжил Хармель, выдержав многозначительную паузу, – это тоже событие не рядовое. Допросить мясника не удалось – письмо прибыло к нам через десятые руки, пройдя множество людей, не знакомых друг с другом, и будучи переданным нам через случайного прохожего на улице. Видимо, тот, кто вез его, не горел желанием встречаться со служителями Конгрегации, что только добавляет веса всему, написанному в этом письме.

– И что там было написано?

– Заявление о невиновности члена городского совета Иоганна Юниуса, арестованного по обвинению в малефиции; и скажу вам, я много видел заверений в собственной и чужой безгрешности, но от того письма проняло и меня.

– Люди бывают красноречивы, – возразил Курт, – особенно когда пытаются спасти от смерти или пытки близкого человека.

– Не пойму я вас, – покривил губы в улыбке куратор. – Минуту назад вы заявили, что бамбергские служители должны сдать Сигнумы и торжественным строем прошествовать на казнь, а теперь выгораживаете их же?

– Я никого не выгораживаю, Хармель, никогда. Я лишь пытаюсь найти истину: она единственная имеет важность и значимость.

– Вот именно потому я и здесь, – кивнул тот уже серьезно. – Потому я говорю с вами, Гессе, потому, вы мне... *нам* и нужны. Именно вы, именно потому, что ради поиска истины вы пойдете на все и поступиться готовы всем и всеми... Что? – уточнил куратор, перехватив его взгляд. – Это правда. Истина для вас важнее собственной и чужой жизни; вы это не раз доказывали. Я не ваш духовник и, по счастью, вообще ничей, и не мне судить о том, насколько это красит вас как образ Божий; я лишь знаю, что как инквизитора это делает вас незаменимым.

– Нет незаменимых, – возразил Курт тихо. – Есть те, кого заменять никто не хочет... Так для чего вам я? Почему со всем этим вы обратились не к собственному руководству и не к своим сослуживцам?

– Обратился, отчего же нет. Было принято решение направить в Бамберг *inspector*'а, в чью задачу входило выяснение всех обстоятельств дела; говоря проще – проверить отчеты, если удастся – пообщаться с обвиняемым лично, а если же по какой-либо причине это не будет возможным, то с его дочерью, и в любом случае – с ведущими расследование служителями.

– И? – подстегнул Курт, когда куратор умолк; тот вздохнул:

– Наш *inspector* исчез. Через два дня после своего прибытия, еще до того, как успел отправить свой первый отчет. В городе он появился, представился обер-инквизитору и прочим служителям бамбергского отделения, но с кем беседовал в те два дня и где бывал – нам не известно. Из сообщения, присланного обер-инквизитором, следует, что однажды он просто вышел на улицу – и больше его никто не видел.

⁵ В некоторых регионах Западной Европы существовала так называемая «почта мясников». Представители цеха мясников в процессе закупок совершали довольно продолжительные путешествия, в связи с чем заключали соглашения с городами, другими гильдиями или гражданами на перевозку писем и посылок. В некоторых городах Германии это со временем стало их обязанностью, исполняемой в обмен на освобождение от части налогов или повинностей.

– Убит, – уверенно подытожил Курт, и Хармель поджал губы.

– Да, верней всего, – кивнул он тяжело. – Убит, а тело уничтожено или захоронено тайно; оно ведь – тоже улика, тоже след... Особенно если смерть была причинена методом необычным и это можно было бы обнаружить при осмотре.

– А своих вы проверяли?

– «Своих»? – переспросил куратор; Курт кивнул:

– Служителей из кураторского отделения. Напомню вам расследование все в том же Кельне – спустя год после нашей с вами памятной встречи. Тогда был выявлен предатель в ваших кругах, и допросить его не удалось – он, если не ошибаюсь, вскрыл себе вены, пока зондергруппа проникала в дом. Уверены ли вы в том, что больше таких нет, что ваши ряды чисты?

– Разумеется, нет, – вздохнул Хармель. – И разумеется, проверка идет. Мы проверяем в первую очередь всех, кто знал о направлении в Бамберг нашего *inspector*'а...

– А мне, если я верно вас понял, предлагается по вашему поручению отправиться в Бамберг и провести расследование убийства служителя Конгрегации.

– Вы поняли правильно, Гессе, – кивнул куратор. – Как я уже и говорил, вы – лучший; а дело, как видите, сложное и неоднозначное, у нас нет ни зацепки, под подозрением никого – и вместе с тем все сразу. Никаких улик, никаких предположений, и главное – никакой убежденности в том, что *inspector*'а, присланного на замену убитому, не убьют так же тихо, незаметно и без единого следа.

– Вот последний пункт в перечисленном вами меня и настораживает, – угрюмо заметил Бруно. – Не сочтите меня циником, но я что-то не вижу причин, по которым гибель Гессе станет меньшим ущербом для Конгрегации, нежели смерть кого-то из ваших служителей. Я, напомню, все еще не решил, давать ли добро на то, чтобы он рисковал и подставлял шею; именно потому, что это лучшая шея в Конгрегации.

– А я-то, дурак, полагал, что меня ценят за голову, – хмыкнул Курт, не дав куратору ответить. – Брось, Бруно. Я, правду сказать, не разделяю всеобщего восхищения моей персоной, прохладно отношусь к версиям о моей богоизбранности и с еще большим скепсисом – к дифирамбам моим следовательским талантам, но если единственным препятствием для положительного решения являются твои опасения по поводу моей безопасности...

– А он прав, Гессе, – заметил Висконти со вздохом. – Если вероятность сгинуть на бамбергских улицах так реальна, как это утверждается, то слать туда именно тебя – идея не из лучших.

– Предлагаю залить меня в смолу. Покрыть тонким прозрачным слоем и поставить в углу в рабочей комнате ректора – на вечную память... А теперь послушайте, что скажу я. *Primo*⁶. Если вы все правы и я такой единственный и неповторимый, лучший из лучших – то это дело как раз по мне и для меня; что толку в достоинствах инструмента, если его не использовать, опасаясь потерять или испортить? *Secundo*⁷. Если вы все ошибаетесь и меня укокошат в Бамберге прежде, чем я успею что-то нарыть и о чем-то узнать, – стало быть, не столь уж уникальным был этот инструмент, а его потеря никак не отразится на всеобщем процессе. Нашедшему прореху в моей логике предлагаю высказаться... Желаящих, как я вижу, нет, – удовлетворенно кивнул Курт, выждав несколько мгновений и не услышав в ответ ни слова. – *Conclusio*⁸: стало быть, решено.

– Можно узнать, что вас так развеселило, майстер Хармель? – хмуро уточнил Висконти, и куратор распрямился, попытавшись согнать с губ невольную ухмылку:

⁶ Во-первых, первое (*лат.*).

⁷ Во-вторых, второе (*лат.*).

⁸ Вывод (*лат.*).

– Ничего. Всего лишь отрадно видеть, что субординация в Совете не препятствует братской душевности... Но, если позволите, он прав...

– Не позволю, – оборвал Бруно решительно и, вздохнув, кивнул итальянцу: – Он прав, Антонио. Для того мы его и держим, потому он и ездит по всей Империи, потому мы и затыкаем им все дыры – если где-то что-то случается, именно он, как правило и способен это разрешить.

– Забыл упомянуть о том, что, если Гессе направить куда-то, где ничего до сей поры не случалось, – там непременно что-нибудь случится, – буркнул Висконти, одарив куратора тоскливо-неприятным взглядом. – Завтра посвятите его в подробности, майстер Хармель. Снабдите его всей необходимой информацией, какой только возможно. Я не хочу, чтобы он задерживался в этом вашем Бамберге дольше необходимого, а особенно – чтобы погружался в этот омут наобум.

Глава 2

От привычки столоваться в общей трапезной, а не в отдельной комнате, Бруно так и не избавился – он по-прежнему садился за общий стол, как и во времена своей службы под началом Курта, и к такому поведению нового ректора академии святого Макария все уже, кажется, привыкли. Этим утром майстер инквизитор снова нашел своего духовника там же, где и обычно, – у второго стола от двери, поглощающим свой завтрак неспешно и задумчиво.

– Всё так же и всё то же? – уточнил Курт, с подчеркнутым омерзением бросив взгляд в его миску. – По-прежнему пробавляешься постной вареной преснятиной? А между тем мяса, особенно жареного...

– ...мне хватило и за годы службы, – договорил Бруно равнодушно. – Я ничего не имею против традиций, однако сей разговор не считаю необходимой частью каждой нашей встречи. Иными словами, оставь вычуры моего разума в покое, и я не буду трогать твои, интересуясь, не избавился ли ты еще от своей пирофобии.

– Срезал, – признал Курт, установив свою миску на стол, и уселся напротив Бруно. – Не скучаешь по этой самой службе?

– По дням, когда я таскался за тобой по всей стране, ежеминутно рискуя попасть к кому-нибудь на клинок, в лапы вервольфа, под руку ожившего мертвеца или провалиться в межмирье и заплутать там на веки вечные?.. О да. Разумеется, скучаю. Здесь просто-таки унылейшая тоска: какие-то императорские планы да конгрегатские проекты, подличающие курфюрсты да убитые агенты... Скука.

– Что на сей раз?

– Ничего особенного, – передернул плечами Бруно. – Судя по донесениям из Ватикана, Косса вот-вот получит кардинальский чин; а судя по тому, что никаких активных действий он не предпринимает, – сей нечестивец не в курсе, что нам известна его принадлежность к тройке «Каспар – Мельхиор – Бальтазар». Либо же он имеет какой-то план, к исполнению коего идет, не желая отвлекаться на такую мелочь, как Конгрегация.

– Судя по его активности – он таки метит в Папы.

– Верней всего, – кивнул Бруно хмуро. – И если, опять же, правы наши осведомители – случится это вот-вот, возможно даже, в грядущем году. Вот тогда, чую, и начнется веселье...

– А что с Гельвенией? Сфорца сказал «бунт»?

– Скорее – пока лишь «беспорядки».

Но беспорядки, грозящие перейти в нечто серьезное, а потому принц сейчас находится там лично, во главе своего войска, но, – с усталой нарочитой торжественностью уточнил Бруно, – ему, как вассалу Рудольфа, оказана честь вести его под *Reichssturmflagge*⁹.

– Даже так... И это в девятнадцать-то лет, – произнес Курт, недоверчиво качнув головой. – Не знаю, не знаю. Он, конечно, отлично показал себя в Баварии, но так рано швырнуть мальчишку в дела такого полета...

– Скоро уж двадцать, вообще-то... Давно вы с ним виделись?

– А то ты не знаешь. Этой весной, в лагере Хауэра. Фридрих делает успехи, должен сказать; и не только в воинском деле: он заметно повзрослел, в нем чувствуется тот самый «настоящий правитель»... Но все же рано взгружать на парня Империю; ему бы еще хоть пару лет...

– Нет у него пары лет, Курт, – вздохнул напарник понуро. – Их ни у кого нет. К слову, он обижен на тебя: ты так и не появился на его бракосочетании.

⁹ *Reichssturmflagge* (нем.) – военный флаг Священной Римской Империи, под которым полагалось сражаться командирующему, ведущему войну по воле и от имени Императора.

– В это время я был на другом конце Империи, – покривился Курт, – и при всем желании не мог успеть вовремя. Я поздравил его позже, в лагере Хауэра. Хотя, ты прав, поздравлять не с чем... Она хоть симпатичная?

– Ничего, – кивнул Бруно и, вздохнув, повторил: – Ничего; он справится. Я в восемнадцать уже тянул почти на одном себе жену и ребенка; у него задача посерьезней, само собою, но и помощников побольше будет, и они куда толковей, нежели те, что были у меня. Принц уже не ребенок, хочет он того или нет...

– Но тревожит тебя вовсе не Гельвеция и не Бавария, – заметил Курт уверенно. – Как-то между делом ты обо всем этом говорил сейчас. Итак? Давай-ка, колись: чего ты мне еще не рассказал?

– Инквизитор, – хмыкнул Бруно с невеселой усмешкой и тяжело вздохнул, отложив ложку в пустую миску.

– Побойся Бога, сколько лет я тебя знаю? Здесь и никаких инквизиторских навыков не надобно... Так в чем дело?

– Помимо Бамберга, есть и еще новости, – не сразу ответил Бруно, помявшись. – И тоже касаются тебя. В наше ульмское отделение явилась молодая женщина, которая разыскивала инквизитора Курта Гессе... Не давайся. Не в этом смысле.

– Предупреждать надо, – выговорил Курт с усилием; духовник пожал плечами:

– Я и предупредил. Ведь сказал – «новость касается тебя». Так вот; та женщина выглядела странно, вела себя и того странней, зачем ты ей нужен – говорить отказывалась...

– В чем странность?

– Платье на ней сидело, по выражению ульмского оберга, «как камзол на овце», волосы обрезаны по самые плечи, и вела она себя (с его, опять же, слов) так, что «захотелось найти ее отца и поговорить с ним о порке как неперменной части воспитания». Но главное не в этом. Назвалась она Крапивой, а всем, кто пытался слишком назойливо лезть к ней с расспросами о том, для чего ей понадобился инквизитор Гессе, отказывалась что-либо объяснять и тыкала в нос потрепанный пергамент с подписью этого самого инквизитора. И судя по всему – не имея при этом ни малейшего представления, что на этом пергаменте написано. А написано было...

– ... что ей разрешено заниматься врачеванием на территории Германии и Империи *in universum*¹⁰, – договорил Курт, – и никто не должен чинить ей препятствий, ибо ереси, maleficii или чего иного непозволительного ее деяния не содержат... Нессель¹¹. Все-таки выбралась из своего лесного логова.

– А ты довольно спокоен, – заметил Бруно, и он передернул плечами:

– Почему я должен беспокоиться?

– Женщина, которая в прямом смысле вытащила тебя с того света, упертая в своей нелюбви к Инквизиции, принципиальная лесная ведьма, которую ты не видел... сколько?... десять лет, внезапно решила-таки выбраться к людям и разыскивает тебя, путешествуя по Германии в одиночестве... Я бы умирал от любопытства и желания узнать, что происходит.

– Мне любопытно, и я хочу знать, что происходит, – подтвердил Курт, – но ведь ты мне это сейчас расскажешь.

– Не расскажу. Я сам не знаю.

– То есть, вытрясти из нее причину ее интереса ко мне ульмскому оберу не удалось? – недоверчиво уточнил Курт; духовник вздохнул с нарочитой укоризной:

– Вот в этом весь ты. Сразу «вытрясти»... В Ульме решили, что это твой агент или кто-то в таком духе; репутация у тебя соответствующая, поэтому особенно к ней никто и не

¹⁰ В целом (*лат.*).

¹¹ Nessel – крапива (*нем.*).

цеплялся. Нессель пообещали тебя найти, приютили, отправили сюда донесение, и я распорядился перевезти ее в академию. Она здесь, в одной из дальних келий у лазарета, от греха подальше, вот уж третий день.

– И ты ничего не сумел от нее добиться?

– Я не слишком и стремился; ты вскоре должен был вернуться, посему я предпочел не давить на девчонку, разумно рассудив, что вскоре она все равно расскажет о своем деле тебе, а ты – мне. К слову, должен отметить, что вкус у тебя есть: ведьмочек ты находишь себе далеко не самых безобразных... Идем, провожу; не знаю, как ты, а я и впрямь извелся за эти дни, гадая, что стряслось.

– Я их не нахожу, – буркнул Курт, вставая, – это они ко мне липнут... Так стало быть, все-таки что-то стряслось?

– Я так подумал, – кивнул Бруно, тяжело поднимаясь из-за стола. – Я старался не донимать ее лишними разговорами; она натуральная дикарка и от людей шарахается, особенно священников...

– ... особенно инквизиторских.

– Не без того, – согласился духовник, первым выйдя из трапезной и зашагав по коридору. – Но за несколько бесед с нею у меня сложилось впечатление, что она направилась искать тебя через половину Германии не для того, чтобы пожелать доброго утра. Да и, в конце концов, что еще могло ее заставить выбраться из уютной лесной сторожки в большой мир, от которого она столько лет упорно пряталась? Только несчастье, в котором ей нужна твоя помощь. А ты, уверен, в своем обыкновенном духе именно помощь, случись что, и пообещал в качестве платы за свое излечение. Я прав, Курт?

– Она мне жизнь спасла, – заметил он серьезно, и Бруно так же серьезно кивнул:

– Я это помню. И именно потому старался ненароком ничего не испортить, а с нею обращался, как с дорогим гостем.

– И именно поэтому ничего не сказал мне вчера, – уверенно договорил Курт. – Ведь так? Ты предположил, что она попросит о помощи и я не смогу ей отказать: слишком многим обязан. Но на мне повисло бамбергское расследование, и мне нельзя разрываться между двумя делами. И чтобы я свылся с мыслью о важности порученной мне службы, чтобы уже не мыслил о проволочках или возможности отказать (а я мог бы) – ты выждал ночь и лишь теперь все рассказал. Теперь я не поставлю нужды Нессель выше службы, что бы с ней ни случилось... Умно. Становишься циничным сукиным сыном; начинаю тобой гордиться.

– С твоего позволения, – недовольно отозвался Бруно, – я пропущу сию сомнительную похвалу мимо ушей. Признаю, что ты прав. Да, я знаю, что личное выше служебного ты не ставил никогда, но – сам пойми...

Курт лишь усмехнулся, удовлетворенно кивнув, и до самой двери дальней кельи шел молча. Духовник шагал чуть впереди, глядя исключительно под ноги, на истертый подошвами пол, и свое смущение скрывал не слишком удачно. Все-таки порой Курт задумывался над тем, не совершил ли отец Бенедикт ошибку, определив Бруно своим преемником; для должности ректора, требующей принятия порой тяжелейших решений, он был слишком мягок и потому уязвим. Решения, как ни крути, он принимал всегда верные, но это подчас стоило ему немалых душевных мук, и Курт всерьез опасался, что его бывший напарник попросту перегорит и однажды растает, как свечка, и хорошо, если оставшись в своем уме...

– Здесь, – объявил Бруно, раскрыв дверь в одну из келий, и вошел первым.

Курт шагнул следом, остановившись в двух шагах от порога; сидящая у стола девушка рывком обернулась и на несколько мгновений замерла, глядя на вошедших со смесью настороженности, растерянности и затаенного испуга в серых глазах.

Ульмский обер-инквизитор был прав: в не слишком ладно сидящем на ней платье, явно с чужого плеча, привыкшая к охотничьей одежде Нессель чувствовала себя откровенно

неуютно; волосы, некогда коротко обрезанные, едва достигали плеч, и по ровно загоревшему лицу было ясно видно, что полагавшихся женщине головных уборов лесная ведьма не носила никогда. Что бы ни заставило ее выбраться из своего уютного тайного гнездышка, произошло это наверняка впервые в жизни.

– Здравствуй, Готтер, – произнес Курт, шагнув ближе, и Бруно позади него аккуратно, почти без стука, прикрыл дверь, оставшись в комнате. – Рад тебя снова видеть.

– Это ты?.. – проронила она неуверенно, медленно поднявшись и сделав два шага навстречу. – Я тебя и не признала...

– Ты тоже изменилась, – улыбнулся он, окинув гостью выразительным взглядом. – Повзрослела.

– Да и ты, знаешь ли, не помолодел, – буркнула Нессель и запнулась, бросив исподтишка взгляд на Бруно у двери. – Что у тебя с лицом?

– Ликантроп, – машинально коснувшись длинного кривого рубца, пересекающего правую бровь и лоб, отозвался Курт. – Давно дело было.

– Выглядит ужасно. Какой умелец тебя штопал?

– Один наемник.

– Странно, – покривилась Нессель. – Как можно наемничать, когда руки растут из такого места...

– Кое в чем ты все-таки не изменилась, – хмыкнул Курт; пройдя вперед, уселся на один из табуретов и, оглядев лежащее на столе истрепанное полотно и внушительную горку корпии, спросил с наигранным вздохом: – Бруно, ты заставил гостью работать на академию?

– Это я попросила, – поспешно возразила Нессель, неловко примостившись напротив и все так же искоса наблюдая за тем, как ректор академии святого Макария усаживается чуть в отдалении. – Здесь скучно до ужаса, а я к безделью не привыкла. Отец Бруно заходил ко мне несколько раз и читал мне, но все остальное время я просто умирала тут от скуки, вот и попросила дать какое-нибудь дело, чтоб не выходя из комнаты. Поработать в саду или на огороде меня не пустили – сказали, здесь одни мужчины кругом, ни к чему, да еще и не знают, можно ли меня показывать людям.

– Ведь ты не сказала, в чем твое дело к нему, – кивнув на Курта, пояснил Бруно мягко. – А стало быть, я не мог решать, безопасно ли раскрывать твое присутствие здесь, и можно ли позволить посторонним видеть тебя. Ради твоей же безопасности в первую очередь.

– Да, понимаю, – снова внезапно смутившись, кивнула Нессель, опустив взгляд и снова смолкнув; Курт вздохнул:

– Рассказывай, Готтер. Если ты ждешь, когда он оставит нас наедине, – вынужден тебя огорчить: разговор будет проходить при нем. Я же все равно ему все расскажу. Это мой духовник, напарник и друг, и он знает обо мне все.

– А говорил, что никому не расскажешь обо мне, – не поднимая глаз, зло пробормотала Нессель. – Соврал. А я тебе поверила.

– Кроме нас с ним, – возразил Бруно, – о тебе знают только еще два человека. В данном случае – это все равно что никто; эти люди не из тех, кто примется рассказывать о случившемся на площадях или за кружкой пива, а главное – не из тех, кто мог бы причинить тебе вред. Я уже пытался объяснить тебе, что верить мне можно так же, как ему...

– Я не верю Инквизиции, – тихо пробурчала Нессель, и Бруно улыбнулся:

– Но пришла к ней за помощью.

– За помощью я пришла к нему, – уточнила ведьма чуть уверенней, подняв, наконец, взгляд. – Потому что он обещал, что поможет, если у меня что-то случится.

– И я помогу, – согласился Курт, приглашающе кивнув. – Рассказывай, Готтер. Долги я всегда плачу аккуратно; по крайней мере, стараюсь это делать. Что у тебя случилось, раз ты проделала такой путь?

Нессель медленно выдохнула, по-прежнему косясь на Бруно и явно с трудом пытаясь подобрать слова, и, наконец, решительно выдохнула:

– У меня украли дочь.

– Дочь, – повторил он ровно. – Ты замужем? Почему ее судьбой озабочена ты, а не ее отец?

– Отца у нее нет. Это *моя* дочь. И я не замужем.

Курт помедлил, глядя на свои руки, лежащие на столешнице, чувствуя, как напрягаются сцепленные замком пальцы, и взгляд духовника ощущал на себе всей кожей – напряженный, острый, оторопелый...

– Сколько ей?

– Девять, – ответила Нессель, добавив с расстановкой: – И нет, она не твоя.

– Ну, уже легче... – пробормотал Курт, натянуто улыбнувшись. – А чья? Если ты не замужем? Неужто с тем... как его... с Петером все зашло дальше подаренных кошек?

– Нет, – передернула плечами она. – У нас не заладилось; потом Петер женился и... Да какая разница, чья?

– Все может иметь значение. Он жив? Возможно, он же ее и забрал; мне, знаешь ли, приходилось видеть отцов, которые внезапно начинали пылать родительскими чувствами и спустя пятнадцать лет.

– Он умер, – неохотно пояснила Нессель. – Это был путник, такой же, как ты. Наемник. Я встретила его в лесу, точно так же у дороги, летом того же года. Он был ранен и ослаблен, валился с седла... Словом, я приютила его. Но вылечить не сумела: он умер спустя неделю. Рана была слишком старой и серьезной, а тело слишком ослабленным; поначалу казалось, что он пошел на поправку, но... У нас все могло быть серьезно, чтоб ты чего не подумал, понял?

– Попрекать тебя любовниками и в мыслях не было, – заверил Курт. – Я не приходской священник, и сердечные дела – не моя епархия... Итак, ты встретила мужчину и у вас что-то закрутилось, но он умер. Так?

– Да. А зимой родилась Альта – тоже слабой и больной, да к тому же недоношенной; я билась над ней не один день, поначалу она даже ела с трудом и... Найди ее, – попросила Нессель тихо. – Это все, что у меня есть. Все, что меня в этой жизни еще держит.

– Я сделаю все, что смогу, – осторожно ответил Курт. – Но для этого, Готтер, давай условимся: я буду задавать тебе вопросы – много вопросов, – а ты будешь отвечать на них: честно, прямо, без уловок и попыток встать на дыбы. Это – понятно?

– Да, – все так же едва слышно отозвалась Нессель; он кивнул.

– Хорошо. Тогда расскажи, как это случилось. Она просто пропала или ты видела человека, который похитил ее?

– Она пропала. Не вернулась однажды домой.

– Предвидел такой ответ, – вздохнул Курт, переглянувшись с духовником. – Потому и спросил... Ведь твой дом – это глухой лес. Напомню, что даже меня ты предупреждала об опасности нападения зверья; а ведь она еще ребенок, и случись что...

– Нет, – резко оборвала Нессель. – Альту не мог тронуть никто.

– Твоя дочь унаследовала твои способности?

Лесная ведьма поджала губы, невольно скосившись на молчаливого Бруно, и Курт все так же мягко напомнил:

– Ведь мы договорились, да? Решили говорить правду. Пойми, тебе здесь бояться некого и нечего; и уж точно не этого человека.

– Да, – помявшись, неохотно ответила она. – Альта тоже... кое-что может. И когда подрастет, сможет больше, чем я. Я это чувствую. И нет, ее не мог тронуть ни один зверь

в моем лесу; но я понимаю, я знаю, что ты скажешь – что случается все, да и люди есть, помимо зверей, а посему я проверила...

– Ты обыскала весь лес? – поднял бровь Курт; Нессель качнула головой:

– Не совсем. Поначалу я просто искала ее – там, где она должна была идти. А потом прощупала лес вокруг – далеко вокруг своего дома, по дороге, где Альта могла быть, и в стороне от нее, и...

– *Прощупала?* – переспросил Бруно, и ведьма вздрогнула, словно кто-то невидимый внезапно ударил ее спину.

– Я... не знаю, как это объяснить, – медленно произнесла Нессель, запинаясь на каждом слове и не глядя в его сторону. – Это... похоже на то, как собака ищет след, только... это не запах и не отметины...

– Ведьмовское умение «сыскать украденное»? – с легкой полуулыбкой уточнил Бруно – благодушно, словно говоря о чем-то малозначительно и обыденном, вроде покупки кухонной утвари, и Нессель молча кивнула, потупившись.

– Уверена в своих силах? – спросил Курт и, когда ведьма медленно подняла взгляд, пояснил: – Ты не могла упустить что-то, не увидеть, не почувствовать? В конце концов, это не чужой человек, дочь; ты явно была на взводе и тревожилась, могла быть невнимательна, и если она мертва...

– Нет. Я не могла упустить ничего; я нашла бы ее, будь она жива или убита, неважно. Именно потому что дочь. Я не могла ошибиться: в моем лесу Альты нет.

– Хорошо, – кивнул Курт, снова исподволь переглянувшись с духовником; по тени в глазах Бруно было ясно видно, что бывший напарник уже нарисовал в воображении все то, что мог бы дать Конгрегации такой человек, как их нынешняя гостья. – В таком случае, возвратимся в самое начало и пойдем шаг за шагом вперед. Расскажи о последних днях перед исчезновением Альты. Не случилось ли чего-то необычного, не вызвала ли ты недовольство кого-то из жителей деревни? Ты сказала «не вернулась домой»; откуда?

– Из деревни. Я стала часто общаться с людьми оттуда, когда ты уехал. А когда забеременела, тамошние бабы вовсе как-то стали по-другому на меня смотреть... Знаешь, я боялась сначала. Они и так считали, что я мерзость какая-то, а тут такое – без мужа, непонятно от кого, и я думала, что меня тогда вовсе прибьют. А они наоборот... Как будто я не я стала.

– Просто человека в тебе увидели, – пожал плечами Курт. – Не диковинное существо из дремучего леса, а женщину, такую же, как они... Кто-то из них взял покровительство над тобой, и Альта стала навещать ее к ней в гости?

– Да... – неуверенно ответила Нессель и, подумав, сама себе возразила: – Нет. Не совсем. Сначала я принесла дочь крестить, и они собрались все смотреть на это. Может, ждали, что меня поразит молния в доме Господнем или что Альта сгорит в купели, не знаю... Но народу много было. Кто-то потом подходил ко мне и говорил, что это хорошо – ну, что я «решила вернуться к Богу и людям»; как будто это я такую жизнь выбрала, а не они и их отцы мою мать вынудили... А потом, когда я приходила по какому-нибудь делу, они стали говорить – мол, приведи дочку-то, чего она у тебя дикаркой растет... – Нессель снова помедлила и вздохнула, вяло пожав плечами: – Я и стала приводить. Подумала – к чему ей это, правда, жить, как я, зверем в лесу? Может, хоть она как-то приспособится и у нее все наладится... И как-то все так пошло хорошо, она играла с детьми из деревни, и даже ко мне стали относиться... лучше.

– Как-то все подозрительно ладно, – хмыкнул Курт; Нессель невесело улыбнулась:

– Я тоже так думала. И долго не верила им. А еще и священник... Пока деревенские ко мне просто ходили по всяким надобностям – он на меня и внимания не обращал, как-то спускал им с рук, что ходят к ведьме. А когда я стала сама навещать в деревню, да еще и Альту крестить принесла... Как он на меня косился – я, знаешь, поняла, что он думает, а

не сдать ли меня вашим. Я уж и писульку твою приготовила, чтобы ему, как ты тогда сказал, «в нос ткнуть». А потом однажды меня опять позвали к болящему, я пришла – а священник в горячке. Ну, а что делать, поставила на ноги... Он в бред не срывался, все время был в сознании, наблюдал, что я делаю...

– И что ты делала?

– Да ерунда там была сушая, – поморщилась Нессель. – Травами обошлась, ничего иного и не потребовалось; ну, а когда святой отец выздоровел, коситься на меня перестал и, как я поняла, кляузничать тоже передумал. Видно, потому, что как же теперь жаловаться на ведьму, если сам ее же услугами пользовался-то...

– Или просто увидел, что опасаться в тебе нечего и ереси в твоих действиях никакой нет, – предположил Бруно. – А стало быть, и смысла обращаться к нам – тоже нет.

– Не знаю, – передернула плечами она. – Мне, в общем, все равно; отстал – и ладно. Единственное – стал зудеть в уши, чтобы пришла на исповедь, и так и зудел год за годом.

– А ты так и не пришла?

Нессель на миг умолкла, поджав губы и глядя на Бруно искоса, явно с трудом удерживая резкость, готовую вот-вот сорваться с языка, и, наконец, недовольно выговорила:

– Исповедь – это же значит про все рассказывать. Иначе само по себе будет грех. А я про всё – не могу; Богу – могу, а человеку не буду, не его это собачье дело. Я знаю, что это вроде как и не человеку на самом деле, но он же слышит все-таки. И запоминает.

– Хорошо, эту тему мы обсудим как-нибудь позже, – не дав Бруно продолжить, кивнул Курт. – Рассказывай дальше по делу.

– Ну... Так вот и жили несколько лет. Бояться меня вроде как перестали, зато вдруг все жалеть начали. Вот я даже и не знаю, что хуже; раньше ко мне хотя бы не лезли и не пытались воспитывать все кому не лень.

– Ты просто не привыкла к человеческому вниманию. Особенно женскому. Оно, согласен, может довести до белого каления.

Нессель не ответила, поджав губы и неопределенно качнув головой, и продолжила, помедлив:

– А пару лет назад у нас поселилась семейная пара – торговец с женой. Старые уже, лет по пятьдесят обоим, и одинокие. Берта про это прямо не говорила, но я поняла так, что детей у них никогда не было; я предлагала узнать, кто из них бесплоден, и попытаться сделать что-то, но они отказались – сказали «а теперь зачем нам, в такие-то годы». Я и не лезла больше...

– Постой, – осторожно и по-прежнему мягко перебил ее Бруно. – «Попытаться что-то сделать»? Ты умеешь изменять природу бесплодных? Как?

– Я не умею, – торопливо и напряженно отозвалась Нессель, все так же не глядя на него прямо. – Точнее, я никогда не пробовала – мне только мама рассказывала, что надо увидеть и на что прилагать силы, но сделать что-то такое я не пыталась. Не с кем было. Я и не уверена, что у меня получилось бы, но в таких случаях ведь терять все равно нечего, а брать какую-то плату, если бы ничего не вышло, я бы не стала. Да я вообще без платы хотела, просто так, потому что они были добры к Альте и потому что мне их было жалко...

– Не волнуйся, – улыбнулся Бруно. – Я не пытался тебя в чем-то упрекнуть; просто я, прямо скажу, удивлен. Никогда о таком не слышал и не знал, что нечто подобное возможно.

– Ну да, – буркнула Нессель чуть слышно, – ведь ведьмы творят только зло. Убить только кого, или порчу навести, или вот плод выкинуть – это да, а помочь – да ни за что.

– Прямо скажу, что да, – кивнул Бруно со вздохом. – Даже не представляешь, насколько и какая ты редкость. Но удивлялся я не этому, а твоим возможностям.

– Говорю же, нет никаких возможностей: я не знаю, умею ли я это.

– У тебя еще вся жизнь впереди, чтобы это узнать, – заметил Курт, взглядом велев духовнику умолкнуть. – Так стало быть, к Альте они были добры, ты сказала... И это к ним твоя дочь ушла перед тем, как исчезнуть?

– Да, к ним, – болезненно дернув уголком губ, подтвердила Нессель. – Она часто ходила к этой паре в гости; да к ним все окрестные ребятишки бегали, они всех привечали. Берта их угощала вкусностями, а Томас вырезал всякие фигурки из дерева – лошадок, лодочки... Эти двое даже ко мне относились так, будто мне десять лет, я едва отбивалась от них.

– От таких лучше не отбиваться, – хмыкнул Курт сочувствующе. – По себе знаю: проще смириться.

Нессель не улыбнулась в ответ, молча уставившись в столешницу перед собою и словно решая, стоит ли произносить вслух то, что роится в ее мыслях.

– Они мне... не нравились, – произнесла она, наконец, подняв глаза к собеседнику.

– Та-ак, – протянул Курт, посерьезнев, – а вот отсюда поподробней. Чем именно не нравились, в каком смысле и почему? Когда такое говоришь ты, есть смысл над этим задуматься.

– Я не знаю, что сказать, – нерешительно отозвалась Нессель. – Не хочу обвинять людей на пустом месте, понимаешь? Но мне было неуютно рядом с ними. В их присутствии все было в порядке, ни о чем таком я не думала – не скажу, что они были неприятными людьми, что вели себя как-то не так, и говорить с ними было легко и приятно, а уходишь от них – и чувство такое, словно вылезла из глухого колодца.

– А что с... – Курт помялся, скосившись на Бруно, и закончил: – С «нимбами»? Ты говорила, помнится, что он есть у любого человека, и у меня он неприятного серо-багрового цвета. Что было у них?

– Я не могла их увидеть, – вздохнула Нессель. – Никак.

– Вот это уже интересно... Тебя это не насторожило? Или такое случается?

– Случается; ведь тебя я видеть перестала, как только ты узнал о том, что я это могу. А ты не обладаешь никакой силой, кроме сильного духа, который и ограждает тебя. И есть люди, редко, но попадаются, которых тоже нельзя разглядеть, потому что они не любят пускать в душу посторонних. Над ними тогда только что-то вроде дымки, по ней видно: к ним лучше не лезть, они могут быть добрыми, злыми, благодущными или ненавидящими, но ты этого не поймешь, потому что они не хотят. Можно проломить такое, но я не стала. Я решила – это из-за детей. Наверно, их за столько-то лет уже извели расспросами да сочувствием, а то и порицанием; ты же знаешь, как любят люди находить Господню кару во всем подряд...

– Да уж, представляю, – согласился Курт. – И еще вопрос. Ты говоришь о них «были». Почему? Просто потому, что они остались в прошлом, в деревне, из которой ты ушла, или для этого есть иные причины?

– Они пропали оба. В тот же день, что и Альта.

– Кхм... – проронил Курт, распрямившись, и медленно выдохнул, увидев, как опустил голову духовник. – Готтер, я надеюсь, что в твоей жизни больше не возникнет ситуации, когда тебе придется отвечать на вопросы следователя – любого; но на будущее все-таки имей в виду: с этого и надо было начинать.

– Ты сказал, что «начнем сначала», – огрызнулась она. – А начало было там, где на меня перестали смотреть волком в деревне, а мою дочь начали считать почти за свою.

– Она права, – заметил Бруно тихо; Курт отмахнулся:

– Да-да. Права, признаю, я бы все равно об этом спросил... Но сейчас давай все же к делу; судя по всему, именно к его сути мы и подобрались. Иными словами, твоя дочь исчезла вместе с этой парой?

– Она исчезла с ними в один день, – уклончиво ответила Нессель. – Я не хочу...

– ... обвинять кого-либо на пустом месте; знаю. И все-таки.

– Да, – неохотно согласилась она. – Думаю, они исчезли вместе. А точнее, я думаю, что Томас и Берта украли мою дочь. Я не знаю, как они вынудили ее остаться с ними – обманом или запугали, – но это они. Слишком совпало все... Найди их, Курт. Пожалуйста. Я знаю, слышала, что Инквизиция может найти кого угодно, из-под земли достанет, я понимаю, что это не по вашей части, но ведь ты обещал, что поможешь, так помоги!

– Я помогу, – успокаивающе произнес Курт. – Хотя не могу не сказать, что слухи... скажем так, не всегда правдивы; а если точнее, то они порой приписывают людям свойства, коими эти люди не обладают. Словом, наше всемогущество несколько преувеличено. Но я обещаю, что сделаю все, что только будет в моих силах. Для начала – мне надо знать, как выглядели эти двое, вообще знать о них как можно больше – как ходят, как говорят, прикрывают ли рот, когда чихают, нет ли в их речи каких особых словечек; все, что вспомнишь. Начнем с Берты. Какая она?

– Она... обычная, – растерянно проговорила Нессель, и на мгновение показалось, что сейчас она расплчется. – На вид такая добродушная пышка... Не толстуха, но баба в теле. Говорила всегда тихо и так ласково-ласково, как будто у нее все кругом – дети, и рядом еще дети спят. Невысокая, с меня ростом, почти седая уже, но когда-то волосы точно были темные. Не черные совсем, но темные. Глаза карие, нос такой... пупочкой. Знаешь, как гриб, когда он только-только вылез из мха и еще не раскрылся. Никаких особых повадок за нею не замечала или чего-то такого.

– Хорошо, – кивнул Курт, – к ней еще вернемся. А Томас? Вообще, с ходу сможешь сказать, кто, на твой взгляд, в их семье был главный – он или там жена верховодила?

– Мне кажется, что он, – нетвердо предположила Нессель. – Томас – он другой совсем. Уверенный такой, крепкий, как вяз. По виду ясно, что уже немолодой, но силой от него просто пышет. Рослый, широкий, тяжелый... Точно медведь. Глаза у него серые, волосы светлые, но тоже уже с сединой... Что еще сказать... Вот ладони еще – широченные, будто лопата. Я даже удивлялась, как он такими лапищами управляет с фигурками, что детям вырезал...

– Стой-ка, – для самого себя неожиданно тихо проронил Курт, и она умолкла, глядя на него оторопело. – Погоди, – повторил он медленно, тщательно выговаривая каждое слово. – Сейчас не перебивай меня и послушай. Я кое-что скажу, а ты потом поправишь меня, если я не прав или что-то напутал. Договорились, Готтер?

– Да... – растерянно согласилась она, бросив на напрягшегося Бруно испуганный взгляд; Курт кивнул:

– Стало быть, дело было так: около двух лет назад в вашей деревеньке поселилась семейная пара, которую раньше там никто не видел. Он – торговец; *idest*, уезжал время от времени и потом возвращался снова, и это никого не беспокоило. Так?

– Так.

– Он проявлял внимание к твоей дочери, приглашал ее в гости, проводил с нею много времени; говорилось с ним легко и вообще, он располагал к себе людей с легкостью. Он высокий, сероглазый, лет около сорока семи, с очень широкими ладонями и... крючковатым, как у совы, носом.

– Да... – повторила Нессель чуть слышно. – Но... Ты знаешь его? Знаешь этого человека, знаешь, где моя дочь?

– Я знаю этого человека, – согласился он так же негромко. – Но я не знаю, где твоя дочь.

– Сукин сын... – вымолвил Бруно тоскливо. – Он даже не утруждает себя тем, чтобы поменять тактику...

– А зачем, – безвыразительно отозвался Курт. – Если и эта работает. Приехать в далекую глухую деревушку, обосноваться там, жить тихо, время от времени выбираясь во внешний мир, чтобы обтяпывать свои делишки, – и снова в берлогу. А пока наши люди рыщут

по дальним селениям Империи, он спрятался там, где никому из нас и в голову не пришло бы его искать.

– Кто он? – напряженно спросила Нессель. – Откуда ты знаешь его? Что ему нужно?

– Его зовут Каспар Леманн. Это мой давний враг: я ищу его вот уж больше десяти лет, и всякий раз ему удается уйти. Что ему нужно... вот это вопрос. Его конечная цель – гибель Конгрегации, Империи, христианской веры и меня лично. Что ему может быть нужно от твоей дочери, я могу лишь гадать.

– Позвольте и я задам вопрос, – снова вклинился Бруно, придвинувшись ближе. – Вам обоим. Я знаю, что между вами случилось десять лет назад; всего однажды, но порой и этого бывает довольно. Вы понимаете, о чем я. А вопрос мой такой. Курт, когда ты покинул ее домик, то заезжал в деревню; не обмолвился ли ты тамошним жителям о том, что довелось погостить в лесном логовище их ведьмы? И ты, Готтер: за эти годы не говорила ли кому, что у тебя была близость с инквизитором, а главное – не называла ли его имени или хотя бы особых примет, вроде обожженных рук или того, что он носит перчатки, не снимая? Не делилась ли этой тайной с «Томасом»? Словом, мог ли кто-то подумать, что твоя дочь – и его тоже?

– Но она не его!

– Каспар об этом не знает, – мрачно возразил Курт. – Я – никому не говорил о случившемся. А ты?

– Да ни слова! – возмущенно вскинулась Нессель. – Ты за кого меня принимаешь? Я даже твою писульку никому не показывала, пока не отправилась тебя искать, – она так и валялась у меня в кладовке, я ее едва сумела найти, как понадобилась... Я кто, по-твоему, – гуляющая девка, которая похваляется такими вот сомнительными радостями?

– Ты одинокая двадцативосьмилетняя женщина с внебрачным ребенком, у которой жизнь – далеко не мед и которой не с кем об этом поговорить, – возразил Курт ровно, и лесная ведьма запнулась, глядя на него тоскливо и зло. – Каспар, если это он (а это он) умеет расположить человека к себе, это один из его талантов, и этот талант отчасти сверхъестественный. В деревне, где мы с ним столкнулись впервые, он лишь одними словами сумел поднять на бунт все ее население, что уж говорить о том, чтобы вызвать на откровенность о житейских невзгодах. Да и прочие жители, если ты с ними сошлась за эти годы...

– Я никому о тебе не говорила, – твердо сказала Нессель. – Об отце Альты – рассказывала, да. О тебе – нет. Решить, что моя дочь имеет к тебе отношение, было просто не с чего.

– Есть и другая версия, – кивнул Бруно. – Ты сказала, что она унаследовала от тебя твой дар. Об этом знали в деревне?

– Знали... – внезапно растеряв всю свою злость, пробормотала Нессель. – Даже начали шутить, что они теперь целительницами обеспечены на будущее и надо непременно подыскать Альте жениха, чтоб вышла замуж и не надумала уехать куда...

– И ты сказала, что твоя дочь, когда подрастет, станет сильнее тебя.

– Да, если правильно воспитать, если помочь ей и научить... Думаешь, из-за этого? – вновь обернувшись к Курту, спросила Нессель; он коротко дернул плечом:

– Других предположений нет. Или это похищение с целью насолить мне и чего-то от меня добиться, и тогда надо ждать весточки от Каспара... Сколько времени прошло с тех пор?

– Больше месяца.

– Стало быть, эту версию отсекаем, – вздохнул Курт. – Остается одна. Каспар решил прихватить себе ценное приобретение и воспитать «правильно»; то есть, вырастить из девочки свое подобие. Даже женщиной запасся для бытовой помощи; не верю, что эта «Берта» не в курсе дела.

– Вопрос лишь – как Каспар узнал об их существовании, – заметил Бруно, – ведь не совпадение же это, в самом деле.

– Все просто. Он знал, что в лес въехали два инквизитора, и оба были отравлены людьми Мельхиора. Он знал, что спасения от этого яда нет. И он знал, что один из инквизиторов из этого леса выехал – живым и здоровым. Он не мог не заинтересоваться, отчего и как это могло случиться. Дальше – лишь дело времени и желания: явиться на место и узнать, что в лесу обитает целительница, у которой – вот удача – подрастает способная девочка, развитие каковой надо просто направить в нужное русло.

– Столько стараний ради одного ребенка... – с сомнением произнес Бруно; Курт качнул головой:

– Я знаю, на что способна Готтер. И поверь мне, если она говорит, что ее дочь будет еще сильнее, – то оно того стоит. Сам подумай: это же отличный инструмент. Чародеи различного пошиба так или иначе зависят от ритуалов, артефактов или своих богов, а одаренные от рождения – лишь от себя, а главное – способны к развитию и преумножению своих сил. Ведьма, в чьем арсенале имеется *magia naturalis*¹², – настоящая находка.

– Так что же делать? – поторопила его Нессель. – Как и где его искать? Ты гоняешься за этим человеком десять лет, сказал ты, и все еще не сумел найти? Это значит, что... Значит, надежды у меня нет?

– За эти десять лет мы узнали о нем многое, – не дрогнув лицом, возразил Бруно. – И сейчас...

– Сейчас он два года жил в свое удовольствие, – перебила она, – и вы не знали, где!

– Словом, так, – решительно выговорил Курт. – Готтер, слушай меня внимательно. Вчера я получил назначение на службу в один город; я не могу отказаться, не могу отложить это дело, не могу все бросить и заняться поисками Каспара...

– Ты обещал!

– Поэтому, – кивнул он, – я постараюсь завершить то расследование как можно скорее. А пока я буду там, наши люди сделают то, что можно сделать без меня: соберут сведения. Они отправятся в вашу деревню и расспросят жителей, обыщут дом, в котором жил Каспар, обшарят окрестные селения и дороги, узнают, не видели ли Альту там, – согласишься, эти двое с ребенком в таких годах будут приметной компанией. Все равно я не сумел бы сделать все это один. И как только – слышишь? – *сразу же*, как только смогу, я продолжу поиски лично. И я найду Альту.

– Пообещай, – настойчиво потребовала Нессель. – Дай мне слово, что найдешь.

– Хорошо, – кивнул Курт, – даю слово. Вывернусь наизнанку, сделаю все, что смогу, не брошу поиски, что бы ни случилось. Этого тебе довольно? Вот и славно, – подытожил он, когда та лишь вздохнула, вяло кивнув. – А ты, пока будут идти поиски, останешься здесь и...

– Вот уж нет! – вскинулась Нессель, решительно мотнув головой. – Даже и не думай! Ты забудешь обо мне в своих расследованиях. И я – я здесь умру от тоски и изведусь от неведения! Я поеду с тобой в этот твой «один город». Я хочу знать все то же, что будешь знать ты, хочу видеть, что ты не забросил поиски...

– Пусть едет, – коротко изрек Бруно, когда он попытался возразить, и повторил, встретив удивленный взгляд: – Ты направляешься в Бамберг открыто, в своём чине, а зная твою репутацию, никто не удивится тому, что ты притащил за собою какую-то девицу. Если кто-то начнет интересоваться уже всерьез – представишь ее как нашего *expertus*'а; Антонио, случись что, это подтвердит.

– Да ты спятил. А если меня там убьют? Что с ней-то будет? А если и ее убьют как свидетеля – что тогда?

¹² Натуральная магия (лат.).

– Зато если тебя ранят, при тебе будет лучший лекарь из всех, о ком я только слышал, – безмятежно пожал плечами духовник, мимоходом улыбнувшись. – Да и прочие ее возможности вполне могут оказаться кстати в твоём расследовании. Присмотрись там...

«... не пригодятся ли они нам и в будущем», – договорил взгляд Бруно, и его принужденная улыбка стала похожей на болезненную гримасу.

– А поиски девочки я возьму на себя, – добавил напарник, тяжело поднявшись и как-то неловко расправив рясу. – Подберу хороших следователей и буду согласовывать их работу на месте. Как ты верно заметил, соскучился я в этом каменном мешке по инквизиторской службе.

Глава 3

Крепостной стены в Бамберге не было никогда – он сразу раскрывался навстречу путникам, встречая церквями, лавками, домами и извилистыми, точно лабиринт, улочками; издалека еще было видно, что «град на семи холмах» отнюдь не фигура речи, употребляемая аборигенами для вящего позерства. Простёршийся на берегах Регнитца город разбегался по подъемам и склонам, похожий на поселение неведомых созданий из старой сказки.

- Ульм был больше, – тихо заметила Нессель, и Курт усмехнулся:
- Можно и так сказать. Тут, думаю, жителей и трех тысяч не наберется.
- Три тысячи... – повторила она, поевшись. – Мне и этого много. Неуютно.
- Привыкнешь, – возразил он уверенно.

Нессель не ответила, лишь бросив в его сторону напряженный взгляд и неловко расправив складки платья. О том, что будет после, с нею не говорили ни Бруно, ни сам Курт; никто не интересовался ее планами на будущее, никто не спрашивал, намерена ли она возвратиться в свое лесное убежище, или ее выход в мир окончателен. Не догадываться о том, что ректор академии святого Макария положил на нее глаз, Нессель не могла – как бы ни был предупредительно-мягок и немногословен Бруно, как бы ни избегал Курт заводить об этом разговор, а не понимать инквизиторской заинтересованности в собственной персоне могла лишь наивная глупышка, которой лесная ведьма не являлась.

Во время всего пути до Бамберга об этом не было сказано ни слова и не было сделано ни единого, ни малейшего намека; Нессель и Курт беседовали о людской природе и болезнях, о Каспаре в пределах допустимого закрытостью сей темы, равно как и о цели путешествия майстера инквизитора, о погоде этим летом и о верховой езде, которая давалась неожиданной спутнице не слишком легко.

Нессель сидела в седле неловко, к тому же явно тяготясь необходимостью ношения женского наряда. Подаренный ей деревенской доброй душой допотопный мешок, по недоразумению зовущийся платьем, она сменила на строгое облачение, выданное ей руководством академии, в котором смотрелась по-прежнему несколько неуклюже, но хотя бы достаточно благопристойно для того, чтобы пребывать в сопровождении инквизитора. Посоветовавшись и прикинув так и этак, Бруно и Висконти постановили обрядить ведьму в одеяние терциарки – монахиня из нее вышла бы никудышная, однако образ простой мирянки по понятным причинам даже не рассматривался как вариант. Теперь Нессель красовалась в белом платье с черной накидкой в подражание доминиканскому хабиту и белом же крюзелере, полностью скрывающем ее коротко обрезанные волосы. Обвившийся вокруг запястья розарий явно мешал ей, и ведьма лишь ко второму дню пути перестала поминутно спрашивать, нельзя ли обойтись без него, и вправду ли он так нужен для соблюдения образа.

По улицам города она перемещаться верхом не рискнула, и Курту тоже пришлось спешиться, пойдя дальше пешком и ведя жеребца за собою. Лесная ведьма с каждым шагом выглядела все более несчастной и подавленной и шагала, точно деревянная кукла, стараясь не смотреть по сторонам и плотно сжав губы, точно вокруг витало невыносимое зловоние.

- Тебе нехорошо?

На Курта она не обернулась, лишь коротко мотнув головой, и, помедлив, отозвалась негромко:

- Слишком много людей. Давит.
- Потерпи, – ободрил он, чуть придержав шаг. – Попытаюсь найти трактирчик поспокойней и комнаты поудаленней; там отоспишься в тишине – полегчает. Слава Богу, тебе не обязательно отсюда выходить.

– Комнаты? – переспросила Нессель, нахмурившись. – То есть, я буду в четырех стенах одна с утра до вечера и с вечера до утра? Мне это не нравится, я не хочу быть в одиночестве в чужом городе, где (ты сам говорил!) меня могут даже убить. Я не буду тебе мешать, уж ты-то должен знать, что я не из болтушек. Или ты вдруг меня застеснялся?

– Я с удовольствием не отпускал бы тебя с глаз даже в соседнюю комнату, – вздохнул Курт, – хотя про «убить» – это я, должен сказать, перегнул. И если я пойму, что нащупал нечто серьезное, по каковой причине не только мне, но и тебе что-то грозит, – я найду способ сплавить тебя из Бамберга или спрятать до приезда наших. И, разумеется, пребывание с тобою в одной комнате меня не смущает, однако оно смутит окружающих. Надо же хотя бы делать вид, что мы оба – благовоспитанные люди.

– Тебе это будет сложно, – без улыбки сообщила Нессель; он лишь молча пожал плечами и приостановился, глядя на человека в инквизиторском фельдрокке в другом конце улицы, что направлялся прямо к ним торопливо и решительно.

– Майстер Курт Гессе, – не доходя нескольких шагов до гостей города, скорее не спросил, а констатировал молодой парень с открыто вывешенным Знаком и, не дожидаясь ответа, расплылся в улыбке: – Добро пожаловать в Бамберг! Перво-наперво хотел бы сказать, что для меня большая честь увидеть живую легенду Конгрегации, и совместная служба с вами будет...

– Эй, эй, полегче, – осадил его Курт, отступив назад и краем глаза увидев, как напряженно замерла рядом Нессель. – Primo – ты даже не взглянул на мой Сигнум и не удостоверился в моей личности. Secundo – не сказал, кто ты, откуда знаешь о моем прибытии и как исхитрился меня отыскать спустя несколько минут моего пребывания в городе. Для начала разберемся хотя бы с этим.

– Прошу меня извинить, – спохватился инквизитор, выбрасывая вперед раскрытую ладонь. – Петер Ульмер, следователь третьего ранга, служу в бамбергском отделении под началом обер-инквизитора Гюнтера Нойердорфа. Вас я сразу узнал по описанию: человек со Знаком и вашими приметами никем другим быть и не мог. О вашем прибытии было сообщено в донесении, которое нам доставили позавчера, по расчетам вы должны были добраться до Бамберга сегодня, и когда я узнал, что в город вошел наш сослуживец, – вышел навстречу, чтобы помочь вам освоиться и, если потребуется, в чем-то помочь.

– А если точнее – тебя послал майстер Нойердорф?

– Да, – запнувшись, смутился Ульмер. – Это было его указание... Но я исполняю этот приказ с удовольствием: для меня большая честь...

– Брось, – отмахнулся Курт с усмешкой. – И не тревожься: я не буду во время своего пребывания в Бамберге делать из тебя мальчика на побегушках и корчить из себя легендарную персону. Однако за предупредительность – благодарствую. По этим улочкам блуждать можно долго, и если ты укажешь мне дорогу к местному отделению, чтобы я мог переговорить с обер-инквизитором...

– Идемте, я провожу вас, – с готовностью откликнулся следователь, и Курт вскинул руку, оборвав:

– Чуть позже. Сперва порекомендуй мне трактир – не из самых грошовых, но и не дорогой, нечто средней руки, но чтобы там можно было снять две смежных комнаты. Это Готтер, приписанный ко мне лекарь, – пояснил он, когда любопытствующий взгляд Ульмера скользнул к молчаливой Нессель. – Предыдущее расследование завершилось... скажем так, не столь складно, как я планировал, и теперь еще некоторое время для поддержания себя в активном состоянии я буду нуждаться в постоянном присмотре эскулапа. Точнее, – усмехнулся Курт, – так полагает начальство, и на сей раз мне не удалось его переспорить.

– В Бамберге есть врач, к помощи которого служители нашего отделения обращались не единожды. У него добрая слава среди горожан и отличные рекомендации; если ваш...

лекарь столкнется с какими-либо трудностями или возникнет нужда в редких снадобьях или составах – скажите только слово, майстер Гессе, помощь вам окажут немедленно и безвозмездно... Прошу вас, – кивнул Ульмер, приглашающе поведя рукой, и двинулся вперед, указывая дорогу. – Но если желаете, при нашем отделении есть общежитие и...

– Нет-нет-нет, – возразил Курт решительно, не дослушав. – Это не обсуждается. Я предпочитаю нейтральную территорию, где мой распорядок будет зависеть лишь от меня и где никто не будет дышать мне в затылок и маячить за спиной.

– Понимаю, – сочувствующе улыбнулся Ульмер. – Я думаю, что знаю обиталище, которое вам подойдет, майстер Гессе.

«Обиталище», указанное молодым инквизитором, обнаружилось довольно скоро – по кривым и запутанным улочкам их маленькая процессия шла всего несколько минут, выйдя к постоялому двору напротив огромной, похожей на старый дуб, полузасохшей липы. Корни дерева топорщились неровными буграми, частью омертвевшие ветви с редкой листвой закрывали окно верхнего этажа дома, подле которого когда-то пробился упрямый липовый росток, однако срубить этот памятник старины, похоже, никому в голову не приходило.

– Одна из здешних достопримечательностей, – пояснил Ульмер с виноватой улыбкой. – Листвы, как сами видите, на дереве почти нет, тени оно почти не дает, да еще и в окно лезет... Но срубить ее владелец дома не хочет: то ли его отец, то ли дед, стоя под еще молодой липой, сделал предложение своей будущей жене, потом кто-то из их детей выпал из окна, да зацепился за ветки и отделался ушибами, а потому семейство считает это дерево своим талисманом. Ничего серьезного, – торопливо оговорился молодой инквизитор, – никаких еретических теорий, просто... Сами понимаете, как оно бывает. Мы и не цепляемся. Стоит себе дерево, никому не мешает... Даже есть в этом что-то божественное, не находите, майстер Гессе?

– В дереве? – недоуменно уточнила Нессель, и Ульмер с улыбкой кивнул:

– Да. Столько десятилетий минуло, а оно все стоит. Время идет, люди умирают, сменяются поколения, а оно все живет и смотрит на мир, на людей, на само время... Напоминает нам и о конечности бытия, и о вечности вместе. Статуи, или камни, или человеческие строения в себе такого ощущения не несут: они изначально мертвы, в них застыла вечность, они не живут и не могут умереть, только разрушиться. А вот такие стражи времени – они ближе к нам и потому, наверное, люди еще в языческие времена порой относились к деревьям с каким-то трепетом. Разумеется, это были суеверия, но кто мешает нам видеть в части созданной Господом природы благие символы, пробуждающие душеспасительные мысли?

– Думаете, – с сомнением уточнила Нессель, – у хозяев этого дома мысли именно такие?

– Сомневаюсь, – добродушно улыбнулся Ульмер. – Для них это дерево, скорее, какой-то памятный знак, связующий поколения их рода. Вроде личной вещи, доставшейся от отца или матери, которую хранят просто как память... Да и прочие жители Бамберга, я полагаю, относятся к этой липе так же. Подобные живые памятники мне приходилось видеть и в других городах...

– В одном из городков, где я был проездом, – заметил Курт, переступая торчащий из земли корень толщиной с полруки, – неподалеку от колодца на центральной площади росла бузина. Никто уж и не помнил, почему ее там оставили и не выпололи еще ростком; у каждого жителя была своя легенда на этот счет. Не знаю, сколько ей минуло, но ствол был в полный обхват – уже почти каменный, как будто и неживой, однако каждую весну на одной из веток раскрывались листья. Тебе бы понравилось.

– Вот это, я считаю, символ упорства и воли к жизни! – кивнул Ульмер, с сомнением уточнив: – Бузина разве не куст?

Нессель скосилась на инквизитора исподлобья, явно с трудом удержав пренебрежительное «Городские!», однако промолчала.

– Проповеди писать не пробовал? – не ответив, спросил Курт с усмешкой, и Ульмер смущенно пожал плечами:

– Говорить перед толпою – не мой талант, майстер Гессе. Но взгляните на этого великана – неужто вам самому не приходят в голову подобные мысли?

Курт бросил взгляд на плешистую макушку старой липы и лишь молча передернул плечами в ответ, не сказав молодому сослужителю, что единственная мысль, пришедшая ему в голову, была вопросом о том, как скоро истощившийся ствол треснет и кого из прохожих он придавит, упавши поперек улицы. А размазать по земле липа могла и небольшую компанию: на трактир, гордо отстоящий чуть в сторонке от двухэтажных домиков, древесный старец посматривал свысока, возвышаясь над чердачным окошком гостиничного заведения и явно регулярно обновлявшейся вывеской с лебедем на волне и чуть кривоватой надписью «Шваненбайн»¹³.

– Местные зовут его «Ножка», – пояснил Ульмер, явно заметив, что продолжать богословско-природоведческие экзерсисы майстер инквизитор не в настроении. – К слову, готовят здесь и впрямь отменно, но и стоит все это соответственно. Я бы рекомендовал столноваться в одной из пивнушек, их в Бамберге множество – там готовят нехитро, но вполне пристойно. Правда, найти их будет непросто, лучше спрашивайте дорогу у местных: здешние питейные заведения по традиции зачастую располагаются прямо в скалах, в выдолбленных пещерах. Очень необычно, знаю. Но Бамберг вообще необычный город. Здесь почти нет широких прямых улиц – сплошь холмы, из-за чего местные зовут город немецким Римом, река, мосты, крайне живописные островки... Господь и здешние жители постарались, создавая этот город.

– «Здешние жители», «местные»... – повторил Курт, отметив, что из дверей трактира уже вышел и направился к ним кто-то из прислуги, чтобы принять лошадей. – Ты не отсюда?

– Оффенбург, – кивнул Ульмер, – переведен два года назад с повышением. Еще не вполне обжился, но, должен вам сказать, майстер Гессе, мне здесь определенно нравится.

– А мне нет, – чуть слышно пробормотала Нессель, когда, оставив молодого служителя и лошадей снаружи, они вошли в уютный полумрак трапезной залы трактира. – Тяжелый город. Душный.

– Слишком легкий и солнечный, я бы сказал, – так же тихо возразил Курт. – Но я понял, о чем ты.

Та лишь снова молча поджала губы, шагнув к нему почти вплотную, и он готов был биться об заклад, что Нессель с трудом удержалась от того, чтоб вцепиться в его руку, как маленькая девочка посреди ревушей, мятущейся толпы.

Жилище, в которое их проводил лично владелец «Ножки», оказалось в точности соответствующим желаниям майстера инквизитора: две комнаты, разделенные между собою тонкой стенкой и дверью, обе отлично освещаемые, чисто убранные и довольно тихие – сюда, на второй этаж, звуки далекой улицы доносились едва-едва. Бросив свою сумку у стола, Курт отнес дорожный мешок Нессель с ее нехитрыми пожитками в дальнюю комнату и, поставив его на пол, прошагал к окну.

– Что ты делаешь? – спросила лесная ведьма, осторожно присев на самый краешек постели; он прикрыл ставни и вновь распахнул их, пуская в комнату солнечный свет:

– Проверяю, есть ли здесь задвижки. Хиленькие довольно-таки, но все же есть.

– На двери тоже засов, – устало прикрыв глаза, сообщила Нессель. – И на общей, и здесь. Новый, судя по всему.

¹³ Schwanenbein – «лебединая ножка» (нем.).

Курт обернулся, бросив взгляд на створку, и одобрительно кивнул:

– Для не городского жителя просто удивительная наблюдательность в таких деталях.

– Меня пытались обобрать в одном из постоянных дворов на пути к Ульму, – не открывая глаз, пояснила Нессель. – Или похуже чего... Теперь знаю: попала в незнакомый дом – первым делом проверь, куда бежать или где запереться.

– Поверь, – усмехнулся Курт, – даже после пятка ограблений и покушений это доходит даже не до всякого бойца, живущего в пути... Как ты? Сказать, чтобы принесли что-нибудь перекусить?

– Нет, – вяло мотнула головой Нессель, с усилием открыв глаза. – Сил нет. Не хочу есть. Я сейчас, наверное, просто усну.

– Ну, как знаешь. Мне надо встретиться с местным обером и попытаться хотя бы немного войти в курс дела, постараюсь возвратиться как можно быстрее. Ни с кем не говори, ни на чьи вопросы не отвечай, лучше и вовсе никого не впускай; если будут навязываться – прямо посылай прочь с единственным аргументом «все вопросы – к майстеру инквизитору». Хотя не думаю, что они начнут наглеть с первого же дня, но – на всякий случай... Запрись и никому, кроме меня, не открывай.

– «Они»?

– Я здесь потому, что в Бамберге убит наш служитель, а также имеет место либо немыслимая халатность, либо внезапный всплеск преступности и maleficii, – напомнил Курт со вздохом. – Персона я известная, и уже через час о моем прибытии будет знать половина обитателей этой дыры; в том и в другом случае мной заинтересуются и постараются направить по ложному пути. Как правило, этому предшествует попытка вытянуть побольше информации и втереться в доверие.

– Как этот молоденький инквизитор? – хмуро уточнила Нессель; он кивнул:

– Да, как Ульмер. Восторженный, добродушный и готовый услужить... Либо же он и впрямь таков по натуре, а это означает, что ему не продвинуться выше его третьего ранга, и судьба его – навеки остаться на подхвате у обера либо же быть убитым, причем довольно скоро. Такие в нашем деле долго не живут... Отдыхай. Думаю, уж в первый-то день точно будет спокойно.

* * *

Высокое, похожее на собор, здание бамбергского отделения Конгрегации, которое местные обитатели и его служители именовали попросту Официумом¹⁴, явно было возведено недавно – это Курт понял бы, даже не зная загодя о сем факте от *curator*^а: камень кладки еще не обветрил, деревянные двери почти не потемнели, равно как и их металлические детали, плиты пола в приемной зале не стерлись ногами, ступени лестниц еще не выщербились. Вообще, башня Официума походила на игрушку – огромную, мрачную, но все же игрушку; от ощущения, что сия мрачность и подчеркнутая патетика нагнеталась архитектором и строителями нарочно, Курт никак не мог отделаться, и от искусственности окружающей обстановки порой сводило зубы. Быть может, в этом и был какой-то высший смысл, видимый начальствующим, но недоступный ему – вроде внушения почтения и трепета здешним жителям, – однако с показухой здесь явно перегнули палку. «Не хватало еще развешать цепи по стенам и выволочь дыбу в приемную залу», – подумал Курт, покривившись.

– Здесь мрачновато, – словно извиняясь, неловко улыбнулся Ульмер, заметив выражение его лица. – Но к этому быстро привыкаешь. В этих стенах прочий мир не так довлеет

¹⁴ Officium – отделение (лат.).

над душой и разумом. Здесь его порой и вовсе перестаешь замечать и помнить. Ничто не отвлекает и не смущает душу – разве не это главное в нашей службе?

Курт не ответил, лишь бросив еще один взгляд вокруг, и сослужитель ускорил шаг, словно смутившись своей непрошеной проповеди, и до самой двери рабочей комнаты обер-инквизитора хранил молчание. Внутри Ульмер вошел сперва один, оставив гостя за порогом и сопроводив это непочтительное действие десятком своих извинений, но уже спустя несколько мгновений распахнул створку, все с теми же извинениями пригласив мастера инквизитора войти, после чего тихо выскользнул обратно в коридор, аккуратно прикрыв за собою дверь.

– Петер вне себя от счастья, – заметил Гюнтер Нойердорф, выйдя из-за стола навстречу Курту и протянув руку первым. – Вы герой многих молодых следователей, мастер Гессе, и уже одна только возможность увидеть вас вживую для них сравнима с поездкой в Рим.

– Учитывая состояние курии и обстановку в Риме, похвала сомнительная, мастер Нойердорф, – усмехнулся Курт, пожав протянутую ладонь. – Не говоря уже о том, что напрасно служители Конгрегации с ходу верят всему, что слышат.

– Предлагаю обойтись без лишней официальности, – предложил обер-инквизитор, указав на табурет подле стола, и уселся на свое место, сдвинув в сторону листы исписанной бумаги. – Так будет проще.

– Согласен, – кивнул Курт, примостившись на довольно узкое и низкое сиденье, и вздохнул: – В таком случае, я не стану ходить вокруг да около и сразу обозначу свой интерес в вашем городе. Здесь был убит *inspector* из кураторского отделения...

– Он пропал, – многозначительно уточнил обер-инквизитор; Курт отмахнулся:

– Да полно вам, Нойердорф. Вы ведь понимаете, что он не решил прогуляться пешим ходом до соседнего селения и его не вознесли ангелы Господни; также навряд ли он споткнулся на вершине одного из здешних холмов и свалился в канаву. Он убит, и это ясно; не ясно только, кем, по какой причине и каким образом, и именно это я должен выяснить. Сразу оговорюсь, что делать работу *curator*’ов я не намереваюсь, и их возможные подозрения меня не интересуют. Я не стану лезть в ваши дела, требовать отчета по расследованиям, допрашивать ваших людей и собирать сведения о работе Официума в Бамберге.

– Довольно странное ощущение, – медленно проговорил обер-инквизитор. – *De facto* нашему отделению предъявили обвинение в халатности, если не в злом умысле; *de jure* ничего подобного сделано не было, но... Знаете, Гессе, за пять с лишним десятков лет своей жизни я не бывал в таком двусмысленном положении ни разу.

– Понимаю вас, – кивнул он, – и даже лучше, чем вы думаете. Когда-то и я сам попался им под руку; от потери Знака я был *ad verbum*¹⁵ в шаге. Но я, повторюсь, не намерен облегчать им работу; если у кураторского отделения есть к вам претензии – пусть разбираются с ними самостоятельно. От вас я, однако, жду помощи и всяческого содействия – не для того, чтобы сим доказать вашу верность Конгрегации и собственную безгрешность, а потому, что один из нас убит.

– Такое не прощается, – со вздохом согласился Нойердорф. – Иначе устранение служителей изберут как средство решения проблем многие из тех, кого лишь кара и удерживает от подобных действий... Разумеется, вам будет оказана любая помощь, что в наших силах. Правду сказать, силы эти невелики; точнее, невелики те сведения, что известны мне и прочим служителям Официума, – мастер Штаудт не успел толком пообщаться ни со мной или моими людьми, ни, полагаю, с кем-то из горожан. Да и о том, что сумел или не сумел найти, он с нами, ясное дело, особенно не откровенничал.

¹⁵ Буквально (лат.).

– Георг Штаудт пробыл здесь два дня, как я понимаю, – уточнил Курт и, увидев молчаливый кивок, продолжил: – Я полагаю, он так же, как и я, пришел к вам, представился, задал какие-то вопросы... интересовался какими-то конкретными расследованиями? Конкретными осужденными, свидетелями? Говорил только с вами или с кем-то из ваших людей тоже?

– Мастер Штаудт явился на встречу со мною на исходе первого дня своего пребывания в Бамберге. Он остановился в небольшом трактирчике в Инзельштадте¹⁶. После его исчезновения не было найдено никаких странных или не принадлежащих ему вещей, посторонних в его комнате не бывало, с владельцем он не общался... Но если желаете, можете уточнить все это сами, Петер будет рад проводить вас. У меня он попросил несколько протоколов из последних расследований – мне показалось, что совершенно наобум, но утверждать не стану – и из пяти просмотренных дел остановил свое внимание на обвинении магистратского судьи, Иоганна Юниуса.

– Почему вы так решили?

– Мастер Штаудт спросил, как найти его дом, и выразил желание побеседовать со свидетелями и дочерью осужденного.

– Но?.. – поторопил Курт, уловив заминку в голосе обер-инквизитора; тот коротко пожал плечами:

– Свидетелей я ему предоставил, а вот с дочерью вышла неувязка: в день казни судьи она покончила с собой. Повесилась в своей комнате. Больше никаких родственников у покойного не было, дом передан в распоряжение города и сейчас все еще стоит пустой – до сих пор не нашлось желающих купить жилище, в котором жил преступник и произошло самоубийство.

– У них есть на то причины? Было замечено что-то необычное?

– Нет, – устало отмахнулся Нойердорф. – Что вы, Гессе, ничего подобного. Просто страхи. Дом освятили, разумеется, и никаких мятежных душ, бродящих по комнатам, никто не замечал, никаких потусторонних стонов ночами из окон не доносится, но вы же знаете людей...

– А что, собственно, с самим судьей? Вы назвали его преступником, а не малефиком; однако он был арестован вами и вами же проводилось расследование, ведь так?

Нойердорф поджал сухие губы, на мгновение опустив взгляд на свои сцепленные замком руки, лежащие на столе, и со вздохом выговорил:

– Даже не знаю, как вам это объяснить, Гессе...

– Лучше всего – как оно было на самом деле, – вскользь улыбнулся Курт, и собеседник поднял глаза, ответив ему гримасой, мало похожей даже на кривую усмешку.

– Такое происходит часто, – пояснил Нойердорф, помедлив. – Расследование начинается нами, мы доводим его до конца, а в итоге выясняется, что никакой малефиции не было, зато имело место обыденное преступление. Видите ли, Гессе, бамбергский магистрат исполняет возложенные на него обязанности прилежно, блюдя интересы города и горожан, однако есть сферы, где не действуют умения вовремя договориться, правильно рассчитать или верно рассудить. Дознателей у магистрата попросту нет. Некогда был один – мой ровесник, упокой, Господи, его душу... Но вот уж лет пять как преступления, совершаемые в Бамберге, расследуются только магистратскими судьями и канцлером при содействии самих горожан. Думаю, вы сами можете себе вообразить, как это происходит и какова доля ошибок...

– Словом, магистрат попросту сел вам на шею, – подытожил Курт, – и все более-менее сложные случаи перекладывает на Официум. Знакомо. Во времена моей службы в Кельне ситуация была схожей.

¹⁶ Один из трех основных районов Бамберга, его «бюргерская» часть.

– Вот видите, – развел руками Нойердорф. – Вы ведь сами понимаете, мы не можем сказать, что это не наше дело, и тем успокоиться: все же речь идет о людских судьбах, а порой и жизнях... В случае с судьей Юниусом расследование показало, что он был виновен – за крупную взятку покрыл отравление свидетельницы; а вот этой зимой – напротив, был обвинен в краже церковной утвари парень, который оказался невиновным. И выяснили это опять мы, и не вмешайся тогда Официум – идти бы ему на виселицу.

– Когда вы начинали расследование, были подозрения, что судья имеет способности к малефиции, или это было внесено в протоколы, чтобы дать вам право на расследование? Я спрашиваю потому, что хотелось бы понять, в какую сторону могла свернуть мысль *inspector'a* Штаудта, какие шаги могли прийти ему в голову, с кем он мог захотеть переговорить... Чтобы пройти по его следам, хочу понять, на какой тропе он их оставил.

– Да, в начале расследования подозрение было, – кивнул обер-инквизитор. – Оно быстро разрешилось, но поначалу имело место. Судья Юниус принимал участие в рассмотрении имущественного спора; согласно заверению свидетельницы, после первого заседания он подошел к ней, улучив момент, чтобы остаться наедине, и велел отказаться от своих слов, прибавив «иначе пожалеешь». На следующий день свидетельница слегла – с головной болью, необъяснимой слабостью, полнейшим отсутствием аппетита и постоянным беспричинным страхом, переходящим в кошмары. Я, разумеется, поначалу предположил попросту сильный испуг – все-таки женщина, и уже в годах, много ли ей надо для душевного срыва, особенно когда вот так напрямую угрожает не кто-нибудь, а магистратский судья? И ее прошение о расследовании, должен признать, тогда не принял, просто сообщил о ее словах в магистрат и попросил присмотреться к судье или, быть может, заменить его на заседаниях. Вот в этом – свою вину признаю: из-за моего неверия было упущено время... На исходе второго дня ей стало хуже, ночью начались судороги, а к утру она скончалась.

– Нельзя успеть всюду и помочь всему миру, – возразил Курт. – Тем паче, когда помимо собственной ноши несешь чужую. Не вините себя, Нойердорф. В том, что в городском управлении оказался мерзавец, а его соработники закрыли на это глаза, – вы уж точно не виноваты.

– Сложно об этом не думать, – уныло передернул плечами обер-инквизитор. – Я немного знал покойную; в Бамберге все так или иначе знают друг друга, шапочно или близко... Она была доброй женщиной, благочестивой и честной; довольно скверно становится на душе, когда видишь, как такие люди покидают наш мир, в то время как мерзавцы продолжают топтать землю... Впрочем, вам, Гессе, судя по тому, что мы о вас слышали, это должно быть не менее близко и понятно и без моих сетований... Судья был арестован, – продолжил Нойердорф спустя миг молчания, – и допрошен. Упирался он долго, и это понятно: даже при снятии обвинения в малефиции ему так или иначе грозила смертная казнь за соучастие в убийстве.

– И что показало расследование?

– Ответчик, владелец спорного имущества, пригласил ее к себе в дом – якобы для того, чтобы обсудить дело. Разговор затянулся, и его жена предложила свидетельнице отобедать с ними... В этом омерзительном преступлении оказались замешаны сам ответчик с супругой, оба их сына, помощник аптекаря, который и продал им яд, и судья Юниус. Само расследование было проведено полностью Официумом, но по его окончании протоколы (после составления копии для архива) были переданы светскому суду вместе со всеми арестованными, каковые по его же решению казнены.

– Штаудт не говорил, с кем именно из оставшихся в живых свидетелей и участников этого происшествия намеревается побеседовать?

– Со всеми, как я понял, – пожал плечами обер-инквизитор, придвигая к Курту стопку исписанных листов. – Так как о вашем приезде меня оповестили заранее, я предположил, что именно подобные вопросы вы и станете задавать, а посему – вот, если желаете, можете

ознакомиться с протоколами лично. Быть может, они наведут вас на мысль... Майстер Штаудт был довольно замкнутым и, прямо скажем, не слишком дружелюбным человеком, и я даже не могу предположить, к примеру, по обмолвкам, что он планировал и на что мог обратить внимание, – с нами он почти не разговаривал. Лишь задавал вопросы.

– Не слишком он вам пришелся по душе, как я посмотрю, – заметил Курт с усмешкой, придвигая протоколы к себе; обер-инквизитор пожал плечами:

– На мой взгляд, слишком заносчив, предубежден... Да и сложно испытывать нежные братские чувства к тому, кто явился, дабы найти возможные доказательства преступного небрежения – моего или моих подчиненных. Я осознаю, что все мы делаем общее дело, все мы служим Вере и людям, что служба майстера Штаудта и его собратьев не менее необходима, нежели наша, а порой, что уж отрицать очевидное, и более важна... Но все сие понимаешь ровно до тех пор, пока оно не коснется тебя. Прямо скажу: да, не будь он одним из нас – его гибель меня не удручила бы. Это очень не по-христиански, но лицемерить не считаю верным; да, мне он не понравился.

– Эти ребята мало кому нравятся, – невесело улыбнулся Курт. – И не могу сказать, что совсем уж незаслуженно.

– Да... – как-то неловко согласился Нойердорф и поднялся, кивнув: – Читайте. Удаюсь, дабы вам не мешать. Предупрежу Петера, чтобы был наготове; как я понимаю, вам не раз потребуется проводник в Бамберге.

– Благодарю вас, – отозвался Курт, берясь за первую страницу. – Это и впрямь было бы неплохо.

Обер-инквизитор вышел в коридор, прикрыв за собою дверь, и он, выждав с полминуты, вновь отложил лист протокола, окинув взглядом стол. Чернильница, перья – довольно потрепанные, часто используемые; чернильные пятна на столешнице со стороны места Нойердорфа, старая глиняная песочница, стопка пустой бумаги... Судя по всему, протокольная работа в этих стенах – явление неизменное и частое.

Курт приподнялся, обернувшись на дверь, и быстро, осторожно, стараясь не нарушать общего порядка, просмотрел лежащие на столе обер-инквизитора документы. Черновик письма в магистрат – несколько исчерканных и исправленных строчек с просьбой оказывать содействие вскоре прибывающему в Бамберг майстеру инквизитору Курту Игнациусу Гессе фон Вайденхорсту... Второй черновик с тем же текстом... Потрепанный лист бумаги, о который отирали и расписывали перо... В том, что ничего важного обер-инквизитор на столе оставить не мог, Курт не сомневался, равно как и в том, что оба черновика тот оставил на виду намеренно – дабы внушить гостю мысль о том, что его делу намереваются оказывать посильную помощь. В том, что Нойердорф, выходя, ожидал любопытства майстера инквизитора (или, может, даже надеялся на него?), Курт не сомневался тоже.

Протокол следовало просмотреть также лишь ради очистки совести; если расследование деяний судьи Юниуса было проведено *ad imperatum*¹⁷, без намеренных нарушений и подлогов – ничего нового или судьбоносно важного чтение этих страниц не даст, если же какие-то страницы были изъяты или же вовсе не написаны – изучение сего документа будет бессмысленным тем паче. Единственная польза, которую это могло принести, – имена основных участников происшествия. Их Курт и списал на лист, взятый из стопки на столе обер-инквизитора.

¹⁷ Согласно предписаниям (лат.).

Глава 4

Нессель, когда он возвратился в комнату, все еще спала – поверх неразобранной постели, прямо в платье, свернувшись в клубок, точно кошка. Курт подтянул угол покрывала, прикрыв ей ноги и плечи, и лесная ведьма вздрогнула, открыв глаза и рывком сев на постели.

– В комнате прохладно, – пояснил он, отступив. – Ты мерзла во сне. Извини, не хотел тебя будить.

– Правильно разбудил, – возразила Нессель, спустив ноги на пол, и потянулась, подавив зевок. – Иначе не засну ночью... разобрался со своими делами?

– Почти, – вынув список, составленный в комнате обер-инквизитора, отозвался Курт. – Впереди у меня долгое и увлекательное путешествие по свидетелям расследования, которым интересовался убитый inspector перед своим исчезновением. Alias¹⁸, для того, чтобы узнать, что случилось с ним, придется хотя бы отчасти расследовать расследование, которое расследовал он.

– Этот убитый ваш служитель... Он как инквизитор над инквизиторами? Ищет ересь среди своих же?

– Среди своих же ересь ищут в основном духовники, – улыбнулся Курт. – И стараются пресечь ее прежде, чем она разрастется; проще говоря, поставить своим духовным чадам мозги на место прежде, чем эти мозги окончательно съедут не в ту сторону. А эти ребята занимаются уже не помыслами, но делами: находят и передают суду тех из нас, кто исполняет службу не должным образом, сознательно и намеренно либо по глупости, слабости или попросту разгильдяйству... Порой они перегибают палку и цепляются едва ль не на пустом месте.

– Поэтому среди вас их не любят?

– Любовью не пылают, да, – признал Курт, присевши на табурет, и положил лист с именами на стол перед собою. – Но хоть и я сам не раз подпадал под их пристальнейшее внимание, не могу не признать, что пользы от них куда больше, чем вреда. Что было в данном случае – мне и надо выяснить.

– Получается... – Нессель помедлила, подбирая слова, и договорила: – Получается, ты в этом городе будешь делать их работу? Ведь чтобы выяснить, не связана ли пропажа этого...

– Inspector'a.

– Инспектора... с тем, для чего он и приехал, тебе надо будет узнать, правда ли твои собраты здесь виновны в том, в чем их заподозрили?

– Выходит – так... И в этом я бы хотел попросить твоей помощи.

– Моей?... – удивленно и растерянно переспросила Нессель; он кивнул:

– Да. Ты говорила, что после пропажи Альты «обшарила» лес вокруг и не нашла ее там – ни живой, ни мертвой. Ты смогла это сделать, потому что она твоя дочь, или это работает с любым человеком?

– Ты хочешь, чтобы я нашла тебе вашего служителя?

– Было бы неплохо, – подтвердил Курт. – Если ты сможешь это сделать – это намного сократит время нашего пребывания в этом городишке, что выгодно не только мне, но и тебе самой, согласишься. В живых его точно нет, стало быть, искать придется труп. Так как? Сможешь или нет?

– Я могу попробовать, – неуверенно отозвалась ведьма. – Но есть два условия. Первое: я не смогу этого сделать прямо сейчас. Мне тяжело в этом городе, здесь слишком... шумно и тесно, слишком многолюдно. В моем лесу безлюдно, и там ничьи помыслы не мешали мне

¹⁸ Иначе [говоря] (лат.).

работать, а здесь множество людей будет перебивать мне след. Да и сам город... Я не привыкла к такой обстановке. Мне надо освоиться, свыкнуться со здешним духом, надо понять, что следует отбрасывать тотчас же, а на что надо обращать внимание... да и боюсь, просто не отыщу следа в таком шуме... Не знаю, как тебе это объяснить...

– Полагаю, я понял, о чем ты, – кивнул Курт. – И сколько времени тебе понадобится для того, чтобы втянуться?

– Не знаю... Несколько дней. Дня три-четыре... может, пять. Если к тому времени ты не обойдешься без моей помощи – я попробую.

– Ну, не так плохо, – передернул плечами он. – А второе условие?

– Мне нужна его вещь. Неважно, что это будет, главное – что-то очень личное, что постоянно было при нем и чего он часто касался... Если это будет нечто, связанное с ним духовно, – будет совсем хорошо; к примеру, распятие или этот ваш медальон... Он ведь у каждого свой и с вами всю вашу жизнь?

– Да, и вручается в весьма торжественной обстановке; ближе него, разве что, и впрямь распятие, надетое при Крещении. К сожалению, Сигнум исключается: он остался на шее трупа. Где бы этот труп ни был... Но условие я понял, что-нибудь придумаю. Как почувствуешь, что готова, – скажи.

– Полагаешь, ты не найдешь его за четыре-пять дней? В Ульме я слышала, что когда-то давно свое первое расследование ты завершил за неделю, раскрыл при этом заговор и несколько убийств и...

– И чуть не остался валяться на земле, разорванный толпой в клочья, – покривился Курт. – Это было скорее исключением, да и ситуация была иной... Здесь придется копать глубоко.

– И что ты будешь делать, если выяснишь, что твои сослужители совершили преступление? Что вы все будете делать – скроете это?

– Откровенно? Я бы скрыл, – кивнул Курт, не обратив внимания на ее вызывающий тон. – Будь это единичное нарушение одного отдельного следователя. Собрал бы лишь наших служителей, устроил показательное судилище и казнь по всем правилам, но тайно – чтобы видели исключительно свои, те, в назидание кому это и следует представлять. На нас и без того вешают множество грехов, чтобы еще и давать пищу для поддержания таких слухов... Но если здесь обнаружится именно то, что подозревается – а именно, замешаны будут служители высшего ранга либо вовсе отделение целиком, – суд и кара должны быть прилюдными. Быть может, Конгрегация и беспощадна к врагам, но своих, что ведут себя как враги, не прощает, не покрывает и карает во сто крат страшней.

– А хотя бы одно такое показательное судилище было? – с явным скепсисом осведомилась Нессель; он кивнул.

– Было несколько. В основном – над людьми из прежних служителей, в первые годы, когда Конгрегация лишь начинала меняться. Кое-кто никак не желал усваивать, что Знак им вручен не для того, чтобы дать больше возможностей для удовлетворения собственных желаний... Идем, – чуть повысил голос он, не дав своей временной подопечной продолжить. – Время уже давно обеденное, и лично я предпочел бы продолжить беседу не с пустым желудком.

Нессель вздохнула, бросив на него угрюмый взгляд, но вслух не возразила. За трапезой лесная ведьма также не произнесла ни слова о Конгрегации, пропавшем *inspector*'е, грозящей предателям каре или собственной вере в ее справедливость; она вообще все больше молчала, уставившись в свою тарелку и украдкой поглядывая по сторонам. Покончив с обедом, Нессель торопливо ушла в комнату, а Курт остался за столом, разглядывая список причастных к делу и медленно потягивая местное пиво.

– Майстер Гессе...

На голос рядом с собою он обернулся неспешно, без особенного удивления увидев Ульмера; молодой инквизитор переминался с ноги на ногу, ожидая дозволения говорить дальше и косясь по сторонам, точно всякий миг ожидал немедленного и страшного нападения вражеских орд.

– Петер, – поприветствовал его Курт и кивнул на скамью напротив: – Садись. Тебя снова погнал ко мне старик Нойердорф?

– Нет, – мотнул головой тот, примостившись на край скамьи. – На сей раз я сам попросил...

– Но?.. – подбодрил Курт, уловив заминку в голосе следователя; Ульмер помедлил, вновь бросив взгляд вокруг, словно желая убедиться, что никто не смотрит в их сторону, и спросил со вздохом:

– Позвольте мне говорить прямо, майстер Гессе?

– Хотелось бы, – согласился он как можно благодушной.

– Хорошо... – с заметной неловкостью кивнул молодой служитель, явно тяжело подбирая слова. – Я... я понимаю, зачем вы здесь. Попечительское отделение заподозрило, что Официум ведет расследования недобросовестно, а то и напрямую нарушает заветы Веры, закон и тем порочит имя Конгрегации. И в исчезновении, а если говорить без обиняков, убийстве майстера Штаудта подозревают одного из нас. Явившись для его розыска, вы de facto явились ради того, чтобы сделать его работу, чтобы выяснить, не поселилось ли предательство в наших рядах, и если да – покарать изменивших клятве.

– Карать – не моя работа, – осторожно заметил Курт; Ульмер кивнул:

– Да-да, я понимаю. Вы лишь укажете на того, кто виновен, и предадите его суду. И вот для чего я пришел... Понимаете, майстер Гессе, когда я начинал свою службу, я знал, что до высшего ранга никогда не поднимусь; я получил Знак и Печать, меня сочли достойным следовательского чина, но все, и сам я в том числе, понимают, что я не обладаю особенным чутьем или острым умом, каковые могли бы поспособствовать моему возвышению. Я к этому и не стремился: все, чего я желал, – это делать то, на что достанет сил. Я без лишней скромности могу заметить, что на прежнем месте моей службы в проводимых мною расследованиях не бывало ошибок. По крайней мере, таково мнение руководства и на это надеюсь я сам. И когда меня перевели в Бамберг, я ничего иного и не желал, и до сей минуты все, чего я жажду всею душой, – это исполнять свою работу как должно. Майстер Нойердорф, я знаю, уже рассказал вам, из чего по большей части состоит наша служба в этом городе, и позвольте сказать: я ничуть этим не удручен. Покидая академию, я, разумеется, грезил битвой с еретиками и чудовищами, но мир показал мне – порой страшней всего то, что делают с людьми люди же, такие же, как все, добрые христиане. И когда я просто брожу по домам, разыскивая свидетелей обычного душегубства, свершенного из корысти или злобы, – я не чувствую, что теряю время своей жизни напрасно. Я делаю то, для чего меня и воспитали: посылить способствую уменьшению зла в нашем мире.

Ульмер умолк ненадолго, не глядя на собеседника и уставившись в стол; Курт тоже молчал, не торопя собеседника, ни о чем не спрашивая и ни слова не говоря.

– Я хочу, – продолжил тот тихо, подняв, наконец, взгляд, – чтобы вы мне поверили. Я не знаю, насколько оправданны подозрения кураторского отделения, я не знаю, что вы сумеете найти и доказать, но знаю, что я сделаю все, что могу, чтобы вам помочь. Я безгранично уважаю майстера Нойердорфа, этот год под его началом был не самым плохим в моей службе, и по моему глубокому убеждению, он не виновен ни в чем. Но если что-то в Бамберге нечисто – я хочу помочь вам выяснить это. Или доказать, что Официум чист перед Господом и законом. Понимаю, что так говорил бы на моем месте и виновный или соучастник и у вас нет причин мне доверять, но хотя бы дайте мне шанс, майстер Гессе.

Курт помедлил, глядя в лицо молодому инквизитору и видя в глазах напротив знакомый огонек, знакомую горячность, так легко узнаваемое нетерпение...

– Да, Петер, – отозвался он наконец, подбирая слова тщательно и осторожно, – я тебя понимаю. И ведь помимо прочего, впереди у тебя много лет службы, и никому не хочется, чтобы начало его работы навсегда ознаменовалось пометкой «был причастен к делу о халатности отделения»... Верно?

– Не в том дело! – вскинулся Ульмер и, повстречавшись с собеседником взглядом, запнулся, отведя глаза. – Да, – негромко и через силу согласился он. – И это тоже. Если выяснится, что (не приведи Господь) кто-то из наших или даже... сам майстер Нойердорф имеет отношение к исчезновению *inspector*'а и хотя бы части недобросовестных расследований... Мне бояться нечего, понимаете, майстер Гессе? Что бы ни вскрылось – я-то точно знаю, что ни в чем не замешан, ни к чему не причастен, и если что-то совершил по неведению – готов нести за это ту епитимью, каковую руководство сочтет полагающейся. Но я знаю, что в любом случае не совершил ничего, за что мог бы лишиться Знака и инквизиторского чина, а стало быть – мне еще служить и служить. А это означает, что мне ни к чему слава следователя, замешанного в грязных делишках. Если же, напротив, я приложу долю своих скромных сил к тому, чтобы доказать непричастность Официума или лично майстера Нойердорфа к чему-либо противозаконному – убежден, это пойдет на пользу всем.

– А если без околичностей, – вскользь усмехнулся Курт, – это возвысит тебя в глазах обер-инквизитора, каковой в благодарность за подобное рвение, быть может, даже напишет прошение о присвоении тебе следующего ранга. Или, если в чем-то виновен сам старик, тебе не помешает пометка «оказал немалую помощь следствию» в твоих характеристиках, тем паче – пометка, оставленная легендой Конгрегации Молотом Ведьм.

– *Ambitio* – это не моя черта, – оскорбленно возразил Ульмер. – Не стану скрывать, что мне это... будет выгодно, да. Но не для того, чтобы обрести новый чин и возвыситься, не для того, чтобы потакать самолюбию, а для того, чтобы в грядущих расследованиях мною не пренебрегали и к моим доводам прислушивались. Я, как уже говорил, не тешу себя надеждой, что когда-нибудь смогу приблизиться хоть вот настолько к такому следователю, как вы, майстер Гессе, и не вижу себя легендой Конгрегации, но я уверен, что могу больше, нежели мне позволено. Недавний случай: я имел версию в расследовании, каковой версией поделился с майстером Нойердорфом; и он не воспринял ее всерьез, ибо следователь более высокого ранга...

– Кристиан Хальс, первый ранг.

– Да, – поджав губы, кивнул Ульмер. – Он выдвинул свою версию, и она оказалась созвучной выводам, каковые сделал сам майстер Нойердорф. Всем казалось, что новичок третьего ранга бесприменно ошибется... В итоге мою версию стали проверять самой последней, когда все остальные не оправдались. И что же оказалось? Прав был я. И таких случаев бывало уже несколько; где-то в мелочах, но бывало, и нередко. В Официуме ко мне относятся так, словно я лишь вчера вышел из академии... Меня лично это не задевает, но ведь страдает дело. Упомянутые мною случаи касались происшествий несерьезных, порой даже пустяковых, но если бы речь шла о чем-то более значимом, о человеческой судьбе или даже жизни, к примеру?

– Как знакомо, – хмыкнул Курт и пояснил, когда Ульмер непонимающе нахмурился: – Так начиналась моя служба в Кельне. Никто не принимал всерьез мои выкладки, никто не слушал моих догадок, над моими версиями всю потешались – до тех пор, пока они не подтверждались от и до. А так как свое первое расследование я завалил, к этому присовокуплялось еще и мое чувство собственной ущербности и боязнь напортачить... Однако мне, как я погляжу, с начальством повезло несколько больше тебя; майстер Керн, под началом

кого мне довелось служить, вскоре сам же начал толкать меня вперед, подстегивая там, где я опасался сделать лишний шаг...

– Со мною иначе, – вздохнул Ульмер. – Даже после нескольких случаев меня все еще держат за неразумного щенка. Я имею Сигнум и Печать следователя, но *defacto* исполняю работу помощника.

– И теперь напрашиваешься в помощники мне?

– По крайней мере, в этом мое положение хотя бы не изменится, – неловко улыбнулся инквизитор и, посерьезнев, добавил: – Зато хотя бы появится шанс сделать что-то полезное.

– А старик, я так мыслю, не знает, что ты направился ко мне с подобными колоссальными планами?

– Майстер обер-инквизитор сказал, чтобы я был наготове по первому вашему слову явиться, дабы препроводить вас куда скажете, и я заметил, что мне лучше прямо спросить у вас, не требуются ли мои услуги проводника по Бамбергу.

– Alias¹⁹, – уточнил Курт с усмешкой, – ты солгал обер-инквизитору.

– Я... – замявшись, не сразу отозвался Ульмер, – просто не стал обременять его деталями. Я уверен, что изложи я ему свои мысли – и он вновь сказал бы, что я замахваюсь на дело не по силам, что напрасно потрачу время, что... Словом, высказал бы мне все то, что не раз говорил прежде. Быть может, это и так. Вполне может статься, что пользы от меня не будет и я ничем не смогу помочь, но я хочу хотя бы попытаться.

– «Не стал обременять деталями» – это верное решение, – согласился Курт и, помедлив, спросил: – Могу ли я, в таком случае, обратиться к тебе с просьбой, о деталях которой ты также не станешь ставить Нойердорфа в известность?

Ульмер распрямился, даже, кажется, чуть побледнев, и снова исподволь бросил вокруг настороженный взгляд.

– Да, майстер Гессе, – согласился он, наконец, понизив голос почти до шепота. – Разумеется. Что я должен сделать?

– В Официуме хранятся личные вещи Георга Штаудта. Среди прочего в его сумке должно быть шифрованное Евангелие; я хочу его получить. Само собою, я мог бы потребовать его у старика открыто, но мне не хочется возиться с бумажками, а главное – не желаю посвящать Нойердорфа в подробности своего расследования.

– А... полагаете, майстер Штаудт мог оставить что-то в книге? Мы осматривали все его вещи, и никаких записок или отчетов обнаружено не было; каждую страницу Евангелия и майстер Хальс, и я перетряхнули лично, и...

– И тем не менее, – мягко, но настойчиво оборвал Курт. – Отчет – не отчет, а как знать, быть может, где-то стоит не заметная с первого взгляда метка, клякса, точка, стертая буква... Я хочу осмотреть Евангелие сам, лично. Причем так, чтобы об этом никто не знал. Когда я закончу – верну его, и ты тихо и аккуратно положишь книгу на место. Сможешь это сделать?

– Да, майстер Гессе, – с готовностью кивнул Ульмер. – Постараюсь справиться как можно скорее.

– Ну, что ж, благодарю заранее, – неспешно проговорил Курт, разровняв на столе список причастных, уже изрядно помятый, и придвинул его к собеседнику. – Также начать причинение пользы ты можешь с того, что расскажешь мне об этих людях. А там поглядим.

* * *

Домики Инзельштадта, теснящиеся вдоль улиц, были чем-то неуловимо схожи между собою; каждый имел, как водится, некую отличительную особенность – деревянного голубя

¹⁹ Иначе [говоря] (*лат.*).

на крыше, особо изукрашенную фонарную решетку над дверью, флюгер в виде лодки – но все они при этом были точно бы на одно лицо, будто близкие родичи. Дома простых горожан не образовывали собою отдельного квартала в отдалении от обители знати, а стояли вперемешку, толпясь небольшими группками неподалеку от высоких дорогих жилищ.

Дом Вилли Клотца, истца по делу, на котором спалился судья Юниус, был в очередной такой компании своих собратьев крайним – аккуратный одноэтажный домик с высоким чердаком, покатой крышей и тяжелой, точно складская, дверью. Владелец домика был человеческой копией этой двери – такой же массивный и широкий, с громовым, раскатистым голосом и суровым взглядом командира наемников под густыми бровями, и даже его далеко не крошечных размеров супруга смотрелась рядом с ним, точно детская кружка рядом с пивным бочонком. Сам же майстер инквизитор взирал на Вилли Клотца снизу вверх, чуть отступив назад, дабы не задирать голову. В беседе, однако, хозяин дома был учтив и добродушен, даже чрезмерно, и гостям пришлось потратить около минуты на то, чтобы отказаться сперва от участия в семейном обеде, а после – от посиделок за раухбиром²⁰ местного производства, вполне ожидаемо лучшего в Империи.

– Мне и сказать-то нечего, – откровенно смущаясь, пояснил Клотц, едва уместившийся на табурете, явно смастеренном лично – под собственную внушительную комплекцию. – Я уж все рассказывал – не упомню, сколько раз. И вот майстеру Ульмеру, и обер-инквизитору, и в магистрат меня вызывали...

– Я читал протоколы, – кивнул Курт, – и говорил с обер-инквизитором; однако пересказ с чужих слов, а тем паче запись этих слов, по опыту знаю, всегда хоть в чем-то, да против истины погрешат, вольно или невольно. Секретарь поленился или не успел в спешке написать неважное, по его мнению, словечко (суть-то передана) – и внезапно весь смысл меняется... Расскажите суть дела еще раз, Вилли. С чего все началось, как продолжилось... ну, а чем закончилось – я, в общем, уже понял.

– Закончилось... печально, – шумно вздохнул гигант. – А начиналось вполне мирно. Суть, майстер инквизитор, такая. Я и мой двоюродный брат были приемными у друга нашей семьи. Так уж вышло – я осиротел совсем рано, он чуть позже; чума коснулась и Бамберга когда-то, хоть у нас было и не так страшно, как в иных городах, слава Господу. И вот нас обоих взял под свое крыло старый друг наших отцов; говорят, что тоже родич в каком-то дальнем поколении, но никто этого никогда не выяснял, да и ни к чему было. Воспитывал он нас равно заботливо, честно, даже исхитрился сохранить за нами собственность наших родителей, и когда мы оба встали на ноги, у каждого был дом и начальные средства – покуда мы жили в его доме, наши жилища сдавались. А перед смертью наш приемный отец завещал мне место на рынке.

– Вот это первое, что я не вполне понимаю, – заметил Курт. – Из протоколов я увидел, что вы состоите в кожевенной гильдии, доход получаете в виде гильдейской доли, а потому мне неясно, для чего вам рыночное место.

– Рента, – пояснил Клотц, широко улыбнувшись. – Наш приемный отец был тот еще прохвост... Не подумайте дурного, майстер инквизитор, это я по-доброму. Просто умел крутиться и извлекать выгоду на законных основаниях. Когда-то он выкупил у городского управления рыночное место – удобное, хорошее и недешевое; а так как желающих угодить именно на это самое место было много – оно никогда не пустовало, а отчим неизменно получал от торговцев небольшую, но постоянную плату за сдачу лавочки внаем.

– И почему же он завещал эту серебряную жилу именно вам?

– Незадолго до смерти он рассорился с моим братом, – печально отозвался гигант. – Так разругался, что Господи помилуй... Один из его сыновей вознамерился жениться, и девица

²⁰ Rauchbier (нем.) – пиво с особым вкусом, который придает подкопченный солод.

была, прямо скажем, из семейства не слишком благовоспитанного, да и сама поведения... предосудительного. Отчим пытался внушать, доказывать, говорить и по-доброму, и со строгостью, но мой брат и слушать ничего не желал и сына отворачивать от такой женитьбы не намеревался. Любовь у него, видите ли... А девица, должен вам сказать, и сейчас уже якшается, вот клянусь вам, с двумя поклонниками разом, и ее родители даже ухом не ведут. Вся семейка такая, прости Господи...

– Так что с наследством? – поторопил Курт; хозяин кивнул:

– Да, прошу прощения, майстер инквизитор... Так вот, незадолго до того, как отойти ко Господу, отчим завещание и переписал. А старое почему-то не уничтожил – то ли уж память была не та, то ли еще надеялся брата переубедить и все оставить как есть... Поначалу-то лавочное место именно брату и должно было отойти – потому как двое сыновей и место в гильдии пониже моего, вроде как ему нужнее, а у меня и приличный доход, и сын всего один, и тоже на хорошем счету в гильдии – того гляди станет мастером. Брат должен был делиться со мною малой частью дохода, и на этом все. А когда отчим умер, он откуда-то добыл прежнее завещание и выставил его как свидетельство.

– И вы решили судиться с братом? – не скрывая укоризны, уточнил Курт.

– Я б и не подумал, – возразил гигант горячо, – не думайте, что мне денег жалко стало или еще что... Я и не стал бы! Но этот дурак же удумал рыночное местечко передать в полное владение сыну с молодой женой, той самой девицей. Да отчим бы в гробу перевернулся, если б узнал, что все то, на что он годы и труды тратил, досталось какой-то, Господи прости, прошмандовке! Я и решил – нет уж, отсужу себе обратно, а сын у брата все-таки не совсем уж скорбен головой, рано или поздно одумается, увидит, что ему за тварюка досталась в невесты... Вот тогда уж мирно, по-семейному, и решим, как с этой лавчонкой быть. А мирно – вон оно как... Не вышло.

– Ваш брат убил свидетельницу.

– Да, – тяжело выговорил гигант, вздохом едва не сдув Ульмера с табурета. – Так вот оно... У отчима женщина была на примете – вдова, одинокая, благочестивая и умная женщина, в возрасте с ним тоже одним... Решили пожениться – чтобы последние дни не коротать в одиночестве; оно все ж легче так, с родным человеком. Но не успели, отчим слег и... Ясно стало, что не до свадеб ему уже. Но она к нему в дом приходила, навещала, присматривала, как могла. И когда он переписывал завещание – она оказалась свидетельницей. На подписании присутствовали эта женщина, судья Юниус и нотариус. И вот вскоре после смерти отчима погиб нотариус...

– Просто-таки проклятая лавка какая-то, – заметил Курт. – На таком количестве смертей не всякое темное капище строилось.

– Что вы, майстер инквизитор, брат тут никоим образом не замешан! – как-то совершенно по-женски всплеснул руками гигант. – Он, конечно, грех на душу взял, душегубство совершил, но лишь одно; канцлер²¹ по собственной вине погиб. Шел вечером домой, сильно подвыпивши, и с мостика-то в воду того... опрокинулся. Кто поблизости был, выловили его, попытались откачать, но где там... Пока был в бессознании – наглотался воды и преставился. Так вот и остались из свидетелей только судья да та женщина. И вот когда я явился с новым завещанием, судья заявил, что впервые его видит, а свидетельница лжет. Не то чтоб ему сразу поверили, хотя и было его слово против слова какой-то старой вдовы; нет, назначили еще одно слушание, чтобы во всем разобраться... А дальше – все как в протоколе записано: сперва судья Юниус ей угрожал, потом она пошла к моему брату, чтобы устыдить нечестивца, и там-то он ей в обед отравы и подсыпал. Официум начал расследование и... Вот, – уныло развел руками Клотц. – Оказалось, что и брат мой виновен, и его супруга была

²¹ Канцлер городского рата также исполнял обязанности нотариуса.

в курсе задуманного, и оба сына – все они на семейном совете одобрили убить славную женщину за место на рынке... Я тогда пожалел уже, что начал это дело; не хватался я так за эту и впрямь проклятую лавчонку – не подтолкнул бы брата ко греху.

– Я уже вам говорил, Вилли, – вмешался доселе молчавший Ульмер, – всякий сам отвечает за себя. И в грехах вашего брата вам себя винить не должно.

– Все ж родная кровь, – снова вздохнул хозяин дома. – И кто ж знал, что оно так обернется...

– Вот именно, – наставительно произнес молодой инквизитор. – Никто не мог знать, а уж вы – тем паче. Потому перестаньте уже казнить себя. За собственную душу он и должен держать ответ сам; уже ответил перед людьми, а после – и перед Господом.

Клотц понуро кивнул, опустив глаза и пробормотав что-то неразборчивое; Курт слышал печальное «но всё равно...» и кашлянул, привлекая к себе внимание.

– Все то же самое вы рассказали и inspector'у? – спросил он, когда хозяин снова поднял к нему взгляд. – Он заходил к вам и интересовался подробностями дела. Вы рассказали ему то же, что и мне сейчас?

– Да, майстер инквизитор; только он спросил еще, что случилось с дочкой судьи и кто из магистратских занимался его делом.

– И что с дочкой?

– Так удавилась бедняжка. Она ведь до последнего полагала, что отца оговорили, что он ни в чем не виновен, а уж когда все разъяснилось, когда он сознался, когда соучастника нашли... Ее никто не доводил, – поспешно уточнил Клотц. – Не подумайте, майстер инквизитор. Никто ей не тыкал в глаза отцом-преступником, напротив – жалели, соболезновали, спрашивали, не надо ли помочь чем; она ведь со смертью отца совсем одна осталась, без средств к существованию... Но она ни с кем не общалась, всех сторонилась; а в день, как судью казнили, – возвратилась домой и...

– Кто ее обнаружил?

– Соседка. К вечеру решила навестить ее, посмотреть, как она там, узнать, не надо ли чего... Ну, и вот. Я это тоже рассказывал уже вашему предшественнику, майстер инквизитор. Мне кажется, он решил, что убили ее; только никому это было не нужно и не выгодно – наследников нет, дом городу отошел, да и все видели, в каком она подавленном состоянии. И дверь была заперта: соседка звала мужа, чтобы ее сломать, – потому как вечер уже, а в окнах света нет и тишина, и на стук никто не отзывался... Вам теперь сказать, кто из магистратских вел расследование?

– Все те, кто есть в протоколе? – спросил Курт, обратясь к Ульмеру, и когда тот молча кивнул, отмахнулся: – Не надо. Лучше скажите, что это за девица, на которой намеревался жениться ваш двоюродный племянник, и где мне ее найти.

– Девица? – растерянно переспросил Клотц, переглянувшись с молодым инквизитором. – А... девица-то вам к чему? Простите, – спохватился он тут же, – то есть, я хотел сказать, что она-то тут вообще ни при чем, я не собирался вас поучать...

– Я понял, – улыбнулся Курт. – У меня подобных допущений и в мыслях не было. А майстер Штаудт разве не интересовался ею? Не спрашивал о ней, не имел планов с ней побеседовать?

– Если и имел, то никому из нас об этом не известно, – чуть растерянно отозвался Ульмер, когда хозяин дома неопределенно передернул плечами. – Вилли, как я понимаю, он о ней не спрашивал, меня или майстера Нойердорфа тоже... Да и не видели его в той части Бамберга.

– «В той части» – это где?

– Рыбачья деревня в Инзельштадте, – кивнув в сторону окна, пояснил Ульмер. – В самой ее бедняцкой части. Ее семья занимается ловом, а потом сама же продает свою добычу...

– Желание ее несостоявшегося супруга во что бы то ни стало получить торговое место в свете этого становится еще более понятным, – заметил Курт. – Даже странно, что девица оказалась ни при чем... Ты знаешь, где ее дом?

– Покажу, – кивнул молодой инквизитор, – хотя убежден, что время будет потрачено напрасно: не желая никого задеть, замечу, что не при ее... уме и сообразительности оказаться в соучастниках. Я говорил с нею и уверен, что ее никто не ставил в известность.

– Полагаю, что ты окажешься прав, – согласился Курт, когда, распрошавшись с хозяином, они вышли под яркое летнее солнце, – однако для полноты данных все-таки следует с нею пообщаться. Если Штаудт не говорил никому о том, что намерен ее посетить, это значит лишь то, что он об этом не говорил, как и то, что его там не видели посторонние, значит, что его там не видели; и даже окажись девица и впрямь невинней всех невинных – если пропавший *inspector* побывал там, это даст мне след в его поисках. Сожалею, Петер, но доказательство вины либо невинности Официума – не моя цель и не моя работа; вскоре в кураторском отделении решат, кого направить на смену убитому, он этим и займется; если мне удастся что-то выяснить попутно с моим собственным расследованием – слава Богу, если же не сложится...

– Я понимаю, майстер Гессе, – вздохнул Ульмер с вялой улыбкой. – Но я именно на это и уповаю. Не зря же ходят о вас легенды, и мне думается...

– Дай-ка я кое-что тебе объясню, – утомленно вздохнул Курт, не дав ему договорить, – дабы избавить тебя от неоправданных упований. Тебе приходилось наблюдать за тем, как происходят выборы в магистрат? Представители гильдий и знатных семей внезапно начинают совершать до крайности добрые дела для блага города, но все равно больше говорят, чем делают; о многих из них начинают расползаться слухи, в которых оные представители описываются так, что Ангелам Господним остается лишь завидовать... Полагаю, для тебя не новость, что девять из десяти таких рассказов – не более чем преувеличение, и это в лучшем случае? Это работа на публику, от которой зависит их продвижение, наработка репутации, от которой зависят голоса. Попросту эта маленькая *res publica*²² становится для них полем личной деятельности.

– Я все это знаю, – кивнул Ульмер настороженно, – но не хотите же вы сказать...

– Именно что хочу. Когда государство ведет войну, вовремя доставленная и публично оглашенная ободряющая *relatio*²³ поднимает дух подданных, вселяет в них надежду, сообщает имена героев... Если требуют обстоятельства, деяния героев можно преувеличить, успехи превознести, а надежды тем самым – приумножить. Король и его ближний круг будут знать, что происходит на самом деле, но для публики порой важнее не вся правда, а та самая надежда; здесь, Петер, и проходит тонкая граница в понятии «*publicus*»²⁴: где кончается государственное, а где начинается общественное – решается на месте и по обстоятельствам. Так вот, в случае, когда нужна надежда и нужны герои, – эта самая *relatio publica*²⁵ будет, как и в случае с выборами в магистрат, несколько не соответствующей действительности.

– Вы скромничаете, майстер Гессе, – уверенно возразил Ульмер. – Расследование, которое прославило вас – изобличение предательства двух курфюрстов в Кельне – было или не было?

²² Государство; оно же – «общее дело», «общественное дело» (*лат.*).

²³ Донесение, сообщение, доклад (*лат.*).

²⁴ Государственный; оно же – «общественный» (*лат.*).

²⁵ Публичное (общественное) сообщение (*лат.*).

– Положим, было, – неохотно согласился Курт. – Однако оно лишь на словах выглядит так победоносно и полностью представляется моей заслугой. На деле же работало множество людей – агенты слежки, мои сослуживцы, зондергруппа... каковая, к слову, явившись вовремя, позволила мне впоследствии насладиться лаврами, а не уютным гробом. И так – в каждом деле. Вообрази себе стычку, где множество людей бьет сильного и обученного бойца. Каждый наносит ему рану, выматывает его, а потом прихожу я – и наношу последний удар измученному, ослабленному противнику; и кто скажет, что гибель этого бойца – не моя заслуга? Это будет и правдой, и преувеличением. Сие иносказание в некотором роде и отражает истинное положение вещей. А все прочее – исключительно необходимость Конгрегации в громких именах и героях. Я удачно подвернулся под руку, и девять из десяти частей моей столь оглушительной славы – та самая *relatio publica*.

– Таковую славу было бы непросто поддерживать, если б вы ей хотя бы отчасти не соответствовали, – заметил Ульмер. – А посему я все-таки надеюсь, что ваше пребывание в Бамберге завершится еще одним поводом для ее возрастания.

– Ты поставил меня в неловкое положение, – усмехнулся Курт, ступая следом за сослуживцем на изогнутый мостик между двумя островками. – Практически загнал в угол; теперь мне придется вывернуться наизнанку, дабы не обмануть твоих надежд... Куда дальше?

– Желаете сперва переговорить с девицей или с магистратскими? – уточнил Ульмер, указав в сторону: – Вон там – видна крыша ратуши, совсем близко. До дома нужной вам свидетельницы – несколько кварталов, это на той стороне Инзельштадта.

– Стало быть, в магистрат, – кивнул Курт, свернув за своим проводником налево от мостика. – К тому же, я полагаю, о моем прибытии там уже осведомлены и меня наверняка с нетерпением и беспредельной радостью ждут.

Ульмер неловко хмыкнул в ответ на его усмешку, но то ли с ответом не нашелся, то ли счел для себя предосудительным обсуждать представителей городского управления в подобном тоне.

Ратуша оказалась трехэтажным узким строением с приткнувшейся к нему колокольней; приют законности высился на островке посреди реки, соединенный с обоими берегами узкими мостиками – копией многих из тех, что встречались на пути и прежде. О том, что остров был создан людскими руками, Ульмер рассказал еще на подходе; вообще сама история существования магистратского здания была одним сплошным юридическим казусом. Когда речь зашла о постройке, епископ, в чьем владении находилась земля, уперся и пошел на принцип, отказавшись выделять ее в любом виде, – ни в дар городу, ни в аренду, ни продать хотя бы клочок никто так и не смог его убедить. В конце концов, заявив, что река не принадлежит никому, горожане попросту насыпали искусственный остров, положили мосты к левому и правому берегам и возвели ратушу посреди Регнитца.

Здание вышло крепким, солидным, а внутреннее убранство после подчеркнутой мрачности Официума показалось даже, можно сказать, уютным. На третьем этаже размещался городской архив, на втором – канцлер, ратманы, бюргермайстеры и прочий управляющий люд, а на самом нижнем трудилась, по выражению местных, «магистратская плесень» – мелкие секретари и писари, каковые уже в молодые годы обзаводились всеми мыслимыми болезнями суставов по причине постоянной сырости.

Судья Герман Либерт и нотариус Клаус Хопп, пришедший на смену утопшему предшественнику, обнаружили не сразу – в зале, где, по словам молодого инквизитора, их всегда можно было отыскать, была тишина и пустота, и лишь слабый летний ветерок из распахнутых окон прохаживался вокруг столов и скамей. Оставив Курта в зале, Ульмер почти бегом устремился прочь, на ходу пробормотав извинения, и возвратился спустя несколько минут в сопровождении обоих представителей магистрата. Неудивительно, что местный оберинквизитор не принимает своего подчиненного всерьез, отметил Курт, выслушав еще одну

порцию извинений; нрав у парня для инквизиторского чина чрезмерно мягкий и излишне несамолюбивый. То, что при таком складе натуры он вообще угодил в инквизиторы, не удовлетворившись должностью помощника, само по себе было чудом.

Беседа с судьей и нотариусом заняла едва ли не полчаса, однако ничего не прояснила; впрочем, иного Курт и не ждал – если судить по протоколам и рассказам обер-инквизитора и Ульмера, все участие этих двоих в деле ограничилось тем, что они приняли с рук на руки самого обвиняемого, все собранные Официумом улики и доказательства, после чего им оставалось лишь подмахнуть постановление о казни. О канувшем в неизвестность inspector'е Штаудте никто из них также не смог сказать ничего внятного; да, заходил, да, спрашивал о том же, о чем и майстер инквизитор, да, интересовался судьбой дочери казненного судьи, нет, о невесте сообщника-племянника не заговаривал и ее участие в деле не обсуждал.

– Если и есть какой-то путь, по которому отслеживать майстера Штаудта не имеет смысла, так это девица, – убежденно сказал Ульмер, когда ратуша осталась далеко позади. – Не похоже, что само ее существование его как-то заинтересовало.

– В любом случае, оно заинтересовало меня, – возразил Курт и, остановившись, отер взмокший лоб: невзирая на надвигающийся вечер и близость реки, воздух не свежел, а, казалось, становился все более жарким и душным. – Но, боюсь, до нее я смогу добраться лишь завтрашним днем – сегодня на это не хватит ни времени, ни, по чести сказать, сил... Старик Нойердорф говорил, что трактир, где остановился Штаудт, находится здесь же, в Инзельштадте; далеко он?

– Нет, совсем рядом, – указав на противоположный берег реки, отозвался Ульмер, и Курт кивнул:

– Стало быть – туда. Заодно и перехватим кружечку.

Глава 5

Трактир, где некогда нашел приют inspector Штаудт, звался скромно – «Святой Густав»; особенную двусмысленность ситуации придавало то, что вот уже три поколения семья Вигманн, владевшая постоялым двором, именно это имя давала своим первенцам, к коим со временем переходило право на собственность. Нынешний Густав Вигманн и впрямь чем-то неуловимо походил на святого – в беседе владелец был тих и доброжелателен, облик имел самый неприметный, а на вопросы мастера инквизитора отвечал с готовностью. Правда, пользы от этой беседы, как и от прежних, было немного – Штаудта хозяин трактира почти не видел, встречаясь с ним лишь за трапезой да в те минуты, когда inspector, завершив дела в городе, возвращался в свою комнату. В день же, когда тот исчез, они не виделись вовсе, и куда мог направиться его постоялец, Вигманн не имел ни малейшего представления или даже догадок.

– Комната эта сейчас занята? – спросил Курт, когда владелец собрался было отойти от занятого господами дознавателями стола, и тот развел руками:

– А как же. Уж четвертый, кажется, раз в нее с той поры заселились.

– Хотели обыскать? – уточнил Ульмер тихо, оставшись с мастером инквизитором наедине; Курт вздохнул:

– Не особенно надеялся, но не спросить не мог.

– В любом случае, мастер Гессе, даже если б сейчас комната была не занята – всякие следы уже были бы стерты последующими постояльцами или самим хозяином: Вигманн владелец аккуратный, и все комнаты после отъезда гостей тщательно убираются. Мы осматривали ту, в которой останавливался мастер Штаудт, и не нашли там ничего, кроме его дорожной сумки; не похоже было на то, что он просто взял вещи и ушел из Бамберга. Быть может, я б так и подумал – как знать, что он нашел или решил, что нашел, и не возникло ли необходимости что-то проверить за пределами города – но его не видели на окраинах, он словно растворился в пустоте, пройдя всего несколько улиц. Да и жеребец его остался, где был. Он и сейчас там – в Официуме, к сожалению, нет пристойной конюшни; и в день исчезновения мастера Штаудта стоял себе в стойле, не оседланный и к пути не готовый.

– «Пройдя несколько улиц», – повторил Курт с расстановкой. – Каких именно улиц? Где его видели в последний раз?

– У мостика домов через пять отсюда. Дальше улицы плутают, и на глаза он никому не попадался; и сказать, куда именно он направлялся, – тоже никак не возможно.

– Ну, это было бы слишком легко, – невесело хмыкнул Курт. – Завтра навещу девицу и решу, куда мне сворачивать дальше... За пивом составишь компанию или вернешься к своим делам?

– Моими делами сейчас будет отчет перед мастером Нойердорфом, – столь же безразлично улыбнулся Ульмер. – Наверняка он станет расспрашивать меня, где вы побывали и чем интересовались. Мне дозволено рассказать об этом или лучше, чтобы он о чем-то не знал?

– Судя по твоему тону, отчетами тебя старик совсем доконал?... Знакомо. Что ж, можешь сказать ему, что об увиденном и услышанном я лично повелел тебе молчать перед всеми, включая обер-инквизитора; уж это-то мой ранг мне позволяет. Если усомнится – смогу подтвердить это лично.

– Спасибо, мастер Гессе, – с чувством поблагодарил Ульмер; он отмахнулся:

– Такой расклад нам обоим будет выгоден: ты убережешься от лишних хлопот, а я – от ненужных любопытных носов в своем расследовании.

– Тогда я лучше пойду, если помощь проводника вам более не потребуется. Хотя бы явиться ему на глаза я уж точно должен – мы пробродили до самого вечера, и сейчас он наверняка кроет меня самыми нелестными словами.

«И не тебя одного», – закончил Курт уже мысленно, глядя вслед молодому инквизитору. Ситуация была из тех, что принято именовать щекотливыми; если ненадолго предположить, что местный обер-инквизитор чист и не имеет отношения к исчезновению *inspector'a*, а все проведенные под его началом дознания – добросовестны, то чувствовать себя он сейчас должен не лучшим образом. Если же подозрения попечительского отделения имеют под собой основания – ситуация вдвойне неприятная и вместе с тем забавная: майстер инквизитор Гессе вынужден будет проводить расследование на глазах и фактически под контролем одного из главных виновников преступления. К примеру, в том, что запрет Курта на разглашение деталей расследования не помешает обер-инквизитору вытянуть из подчиненного все до слова из услышанного парнем за этот день, он даже не сомневался – в том числе и памятуя собственно дотошное начальство; а Ульмер (даже если допустить его невиновность и искреннее желание помочь) не обладает тем важным качеством, что имелось на вооружении самого Курта, – неизбывной наглостью и способностью перечить руководству...

– Мать Божья, черт возьми!

Курт поморщился, приподняв голову и обратившись к автору сего противоречивого возгласа, решая, надлежит ли ему заниматься насаждением благочестия в Бамберге или стоит услышанным пренебречь. Опыт работы в самых разных городах Империи говорил о том, что оное насаждение, как правило, отнимает немало времени, требует множества усилий и попутно умножает количество врагов, что сейчас было совершенно ни к чему, учитывая обстоятельства – поди разберись потом, кто смотрит на майстера инквизитора косо, потому что он майстер инквизитор, кто – потому что инквизитор лезет в дело пропавшего *inspector'a*, а кто – просто потому, что получил от инквизитора втык за то, что неуместно чертыхнулся...

– Молот Ведьм, собственной персоной! – продолжал возгласивший, сбежав вниз по лесенке со второго этажа, приблизился к столу и уселся напротив, не спросив разрешения. – Здорово, пес Господень.

– Ян, – коротко произнес Курт, с неудовольствием отметив, что на них обернулись и смотрят все – от владельца до посетителя за самым дальним столом. – Вот так встреча.

– А что так кисло, не рад, что ли? – поднял брови собеседник; он вздохнул:

– Для начала я, случайно повстречав тебя в одном из городов, куда меня угораздило попасть, не стал бы кричать через весь зал, полный людей, что-то вроде «Ян Ван Ален! Знаменитый истребитель нечисти из сообщества охотников, которых якобы не существует! Смотрите все!», а подошел бы потихоньку. Или вовсе издали, молча, взглядом, поинтересовался бы, стоит ли мне это делать.

– Ну, – передернул плечами охотник, – я так прикинул – сидишь на виду, Знак висит поверх, открыто; стало быть, здесь ты в собственной роли.

– А если б здесь я был как инквизитор, но под другим именем?

– Да, тут я прокололся, – с показным покаянием кивнул Ван Ален. – Но поскольку ты сказал «если бы» – выходит, пронесло. Да и с трудом я, честно тебе сказать, воображаю, чтоб ты – да без своего имени. Оно у тебя само по себе вместо Знака, меча и полномочий.

– Что ты здесь делаешь?

– Здесь – это в Бамберге?... В некотором смысле работаю. А ты какими судьбами?

– Тоже работаю. В некотором смысле.

Ван Ален помедлил, ожидая продолжения, и, не услышав более ни слова, ухмыльнулся:

– Ясно, скрытничаешь опять...

– Ты тоже не особенно многословен.

– Да просто мне сказать нечего, – посерьезнев, вздохнул охотник и уселся поудобнее, опершись локтями о стол. – Наши давно приглядываются к этому городишке. Не знаю, потому ли ты здесь, почему и я, или еще по какой надобности, но – думаю, слышал: в последнее время здесь слишком много всего происходит. Был город как город – тихий, отдаленный, спокойный, и вдруг где-то за год прямо-таки всплеск инквизиторских расследований. Не бывает же так, верно? Что-то здесь нечисто. Или поганый артефакт привез какой-нибудь идиот, или не идиот, а вполне сознательный малефик, или сам по себе поселился и гадит, или какая-то их шайка что-то мутит и подбивает людей... Словом, наши прикинули, что на пустом месте ничего не бывает, и надо бы взглянуть на то, что происходит, на месте; мы с братом пока сидели без дела, поэтому решили – что тут кот за хвост тянуть? Надо проверить. Вот и проверяем.

– И как успехи?

– Пока никак, – невесело отозвался охотник. – Но мы тут всего три дня, еще не успели ни осмотреться толком, ни решить, в какую сторону нам копать. Узнали только, что комната, в которую мы въехали, – в ней до нас жил один из ваших. И его тут, похоже, по-тихому укокошили; «тут» – в смысле не в комнате, а в городе. Где именно – никто не знает.

– Комнату обыскивал?

Ван Ален умолк, глядя на собеседника сквозь оценивающий прищур, и с улыбкой кивнул:

– Так-так... Совсем не удивился... Так вот, значит, ты тут зачем. Расследуешь, кто убил твоего сослуживца?

– Он мне не сослуживец, – ответил Курт, – а даже наоборот, я бы сказал... Это проверяющий из кураторского отделения – того, что следит за инквизиторами и контролирует добросовестность нашей работы. Чаще всего – назойливые, хамоватые, высокомерные самодуры...

– Странно в таком случае, что ты служишь не с ними, – почти серьезно заметил Ван Ален. – Ты б вписался.

– ...но и от них бывает польза, – пропустив его слова мимо ушей, закончил Курт. – По крайней мере, свою работу они так или иначе делают, и при всей их, прямо скажем, неприятной натуре – люди они крайне нужные.

– И здесь он был для... Вот оно что, – кивнул охотник. – Стало быть, не только нам этот городок показался подозрительным. Ваши... как их... кураторы тоже решили, что здесь что-то происходит, и первым делом послали своего проверить, вправду ли среди местных процветает малефиция, или это тутошнее отделение хватает всех подряд.

– И стоило ему приехать, – продолжил Курт, – как он исчез. Да, ты прав, поэтому я здесь... Так комнату обыскал, узнав, кто в ней жил?

– От потолка до каждого угла на полу. И мебель, всю, какая была. Ничего не нашел. Веришь? Хочешь – поднимемся, осмотришь еще раз сам.

– Верю, – кисло отмахнулся он. – И не думаю, что я что-то найду. Либо Штаудт не успел ничего оставить, либо те, кто его убил, замели все следы тщательнейшим образом.

– А ты тут давно? Успел что нарыть?

– Приехал сегодня. Успел перемолвиться с местным обером, узнать, что один из его подчиненных считает себя недооцененным и жаждет примазаться к моему расследованию, и что дело, которым интересовался проверяющий перед исчезновением, было связано с осуждением одного из магистратских судей.

– Юниус? У которого дочка удавилась? – уточнил охотник и качнул головой: – А у тебя, надо сказать, улов-то побольше нашего, и всего за день.

– Не сказал бы. Ответ теперь вот на что, Ян. Только без твоих обыкновенных уверток и туманных отговорок. Как и почему обратили внимание на Бамберг мы – я знаю, а вот откуда информация попала к вам?

– Информация? – с искренним удивлением переспросил Ван Ален. – Да не было никакой информации. Слухи, Молот Ведьм. И это я безо всяких уверток; просто слухи. К примеру, сестра одного из наших работала в Хальсштадте²⁶, и...

– Среди охотников есть женщины? – поднял бровь Курт; Ван Ален хмыкнул:

– А то среди вашего брата их нет. Уверен, водятся, только не мелькают на людях, как и наши; и их, как и наших, мало... Так вот, там она имела дело с семьей, которая переехала из Бамберга, когда, как ей сказали, «началось». Подробностей не удалось вытянуть, но стало ясно, что местная инквизиция внезапно озверела и аресты начались повсюду. Правда, из всех, кого та семья называла, по их же собственным словам, так никого и не осудили за малефицию – обо всех потом выяснилось, что они наворотили что-то по мирским делам и инквизиторы от них в итоге отступились и сдали светским; а кого-то так и вовсе отпустили. Потом еще один из наших был тут проездом – не работал, а просто остановился в пути – и слышал разговоры о том, что кого-то сожгли несколько дней назад, и этот кто-то до последнего упирался и говорил, что ни в чем не виноват. Потом... По чести сказать – не знаю, что потом. То оттуда, то отсюда, то слух, то пересказ... Так вот и собралось.

– И что где искать думаешь?

– А тебе зачем? – усмехнулся Ван Ален. – Ты ж тут по другому делу.

– Не скажи, – возразил Курт серьезно. – Само собою, разбираться в том, верны ли слухи о недобросовестности Официума, – не мое дело; попечители уже готовят следующего проверяющего, который прибудет в свое время на смену убитому. Но так или иначе кое-что выяснить мне придется – от этого зависит, по какому пути мне двигаться в расследовании смерти Штаудта, кого подозревать и к чему присматриваться. Посему, если уж ты что-то узнал или планируешь узнавать, если у вас с братом есть какой-то план, – будь так любезен, поделись им; прошу как *de facto* собрат по ремеслу.

– Вот когда это говоришь ты, на просьбу это походит всего менее, – буркнул охотник, обернувшись на вход, и вздохнул: – Да нет у нас особого плана. Просто есть списочек, который мы составили по слухам, – кого ваши здесь повязали, кого засудили, кого отпустили, кого сдали светским, а кто так и остался по вашей части. Вот последними в основном и интересуемся. Всё как всегда: ходим, слушаем, говорим с людьми. Я около часу назад вернулся от сестры одного из казненных, сейчас мой брат все еще у соседей другого; вот жду, когда вернется и что скажет.

– А эта сестра казненного – что говорит? По ее мнению, его взяли незаслуженно?

– Да нет, – пожал плечами Ван Ален. – Говорит как раз, что взяли за дело. Пока получается так: часть арестованных передана была светским – значит, не по нашей части, часть отпущена со штрафом – тоже мирские правонарушения какие-то, мелкие, опять не про нас, часть – подтверждается, и эта часть все равно больше, чем в любом подобном городишке... Что? – нахмурился охотник настороженно, перехватив взгляд Курта; он вздохнул:

– Вот внимаю твоим выкладкам. Хороши, аж заслушаешься.

– Я что-то упустил?

– Да в том-то и дело, что нет, Ян. И потому я думаю: отчего ваши не рассказали нам о своих подозрениях? Я понимаю, почему о вас было ни слуху ни духу прежде, понимаю, почему шесть лет назад ты смотрел на меня волком, когда я задавал тот же вопрос; но мои и твои собраты сотрудничают вот уж который год, и давно можно было понять, что...

²⁶ Городок епископства Бамбергского.

– ... что если мы будем бегать к инквизиторам с каждой занозой, нас пошлют ко всем чертям, – хмуро отрезал Ван Ален. – И согласно подлой сущности судьбы это случится именно тогда, когда мы не сможем справиться сами и ваша помощь будет всего нужней. Да и кроме того... Молот Ведьм, а о чем вам сообщать-то? О том, что вы больно много народу перехватывали? Вы что ж – этого не знали, что ль? Или сказать инквизиторам же, что инквизиторы взялись за работу подозрительно деятельно?

– Ты выдвинул сразу три версии, которые могут иметь место в случае, если такой взлет малефиции в Бамберге окажется фактом, – артефакт, малефик-одиночка, колдовская организация. Признаться тебе честно, Ян? Никому из нас этого и в голову не пришло, мы первым делом связали это (если не подтвердится версия злоупотреблений) с умножившимися случаями сверхобычного вообще; ты и сам знаешь, и мы это уже обсуждали с тобою, что в последние годы всевозможная потусторонщина прет изо всех щелей валом. А дело-то все в том, что каждый в первую очередь рассматривает то, с чем чаще имеет дело, у каждого взгляд со своей колокольни. И если б вы потрудились о своем взгляде сообщить... Ладно, – вскинул руку Курт, когда охотник попытался возразить, – Бог с вами. Не «вы» «нам»; ты – мне. Мог сказать? Просто как старый добрый знакомый, безо всяких официальных встреч и запросов.

– Просто чудесно, – помедлив, произнес Ван Ален с расстановкой. – Виделись однажды шесть лет назад, и первое, что ты сделал при встрече, – начал меня распекать... Ты меня, часом, со своим помощником не перепутал? И вся ваша Инквизиция всех нас со своей зондергруппой не путает? Да для чего мы тогда вообще будем нужны, если с каждым чихом станем обращаться к вам?

– Виделись мы дважды, – возразил Курт. – Во второй раз я приехал на оговоренную с тобой встречу, где и было решено, что Конгрегация и сообщество охотников будут сотрудничать и по возможности помогать друг другу, потому что враг, с которым мы имеем дело, не оставляет места для «цеховой гордости», которая *de facto* есть не более чем гордыня. И мы не просто «виделись», Ян; мы бок о бок дрались со стаей тварей и пытались спасти людей, оказавшихся под нашей защитой. Этим мы, позволь напомнить, и занимаемся – мы все, и охотники, и инквизиторы... А с моим помощником тебя перепутать сложно, – устало усмехнулся Курт, – он нынче мой начальник и вообще не последний чин в Конгрегации.

– А-а, – понимающе протянул Ван Ален, – так вот чего ты так бесишься: зло срывать стало не на ком... Странное дело, Молот Ведьм. Ты вот сказал, что вы не подумали, будто дело может быть в малефике с артефактом или в их шайке, которая мутит воду намеренно... Почему? С твоей-то колокольни как раз это-то и должно было б увидеться в первую очередь – ты же вечно именно на колдовские заговоры и натыкаешься, благодаря им и известен стал...

– Вот то-то и оно, – наставительно кивнул Курт. – Да, артефакт, колдовские заговоры, вплоть до вовлечения в них высоких церковных чинов и знати – все это в моей практике было, но это расследования самые громкие. Это то, о чем все *слышали*. Но сколько их было? По пальцам одной руки пересчитать; а вся остальная моя служба – это то, о чем никто не слышал, о чем говорить не будут и на чем не прославишься: местечковые ведьмы, мелкие колдуньки, бытовая малефиция, залетный ликантроп в далекой деревне, кучка еретиков, помешавшихся на Писании... И поверь, у остальных дела обстоят так же; разве что заговоров с участием курфюрстов и замков, захваченных стригами, на их пути меньше попадалось, чем мне. Поэтому – да: первым делом и подозрения у нас появились те, каковые оправдывались прежде. А у тебя, судя по твоим версиям, как я посмотрю, работенка поразнообразней будет.

– Повстречаемся хоть раз в иных обстоятельствах, будет возможность посидеть спокойно за кружечкой – мы с братом тебе как-нибудь расскажем, – усмехнулся Ван Ален. – Там целый эпос сложить можно, да не один...

– И наверняка в этих эпосах мы бы почерпнули немало полезной информации, – заметил Курт и, когда охотник недовольно поморщился, продолжил: – К слову, от упомянутой зондергруппы тебе просили передать благодарность при встрече: твой рецепт выведения яда от укуса ликантропа спас не одну жизнь и сохранил в строю не одного бойца. Посему парни просили передать, если встретимся, что благодарят за дележку «цеховой тайной». А мой лекарь – что руки у тебя растут из задницы и швы ты накладывать не умеешь.

– Передай своему лекарю, чтобы сам шел в задницу, – любезно улыбнулся Ван Ален. – Я тебе глаз фактически сохранил... А вообще, я теперь поднатаскался, так если что – обращайся, зашью и второй.

– Искренне уповаю на то, что глаза мне пока зашивать рано, – хмыкнул Курт. – Все же до конца расследования я рассчитываю дойти живым.

– Что дальше-то делать будешь? – спросил охотник, неопределенно поведя рукой вокруг. – Куда двигаться собираешься? Силы объединить хотя бы теперь – идея неплохая, как думаешь? Похоже на то, что нам и тебе по пути: если ты узнаешь, что твоего сослуживца шлепнули за то, что он раскопал темные делишки местного Официума, – стало быть, и нам с братом тут копать нечего и нет никаких артефактов и малефиков, а есть просто люди, которым напрасно когда-то Знаки нацепили, не подумавши.

– Еще не знаю, что дальше, – пожал плечами Курт. – Сейчас я иду путем, которым шел Штаудт: он интересовался делом магистратского судьи. За сегодняшний день я успел переговорить со всеми, кто отмечен в протоколе, остался один человек, о коем в протоколе ни слова. Вряд ли я и там что-то выловлю, но для полноты данных поговорить надо... Потом буду думать. Если что придумаю – да, полагаю, действовать вместе было бы неплохо. Но и ты уж, будь так любезен, если что узнаешь, если будут какие-то подозрения, намеки, даже фантазии...

– ... сразу расскажу, – кивнул Ван Ален и, увидев удивленно-настороженный взгляд собеседника, усмехнулся: – Что?

– Подозрительно быстро и легко ты согласился на сотрудничество.

– Я не согласился, Молот Ведьм, а сам же его и предложил, – поправил охотник и пояснил, недовольно поджав губы: – Не хочу торчать в этом городишке дольше нужного. Чем-то он меня безмерно раздражает; такое чувство, что сижу в бочке с маслом.

– За сегодня слышу нечто подобное вот уж второй раз.

– В первый раз – от самого себя? – усмехнулся Ван Ален. Курт пожал плечами:

– Меня все города раздражают. В них слишком много людей, а в людях слишком много того, что раздражает... На этом распрощаемся: откровенно говоря, валюсь с ног и мечтаю о нормальном ужине и постели.

– Задержись на минуту, – возразил охотник, когда Курт уже начал подниматься из-за стола.

Он обернулся, проследив взгляд Ван Алена к двери, и уселся обратно, глядя на возникшего на пороге парня – года на три младше охотника, совершенно не похожего на того чертами лица, однако что за человек появился сейчас в трактире, Курт отчего-то понял еще до того, как услышал:

– Лукас. Мой брат, соратник, заноза в заднице и гроза колдунов и тварей, – сообщил охотник, когда парень молча остановился у их стола, глядя на собеседников настороженно. – Курт Гессе Молот Ведьм, инквизитор, гроза всех и вся, в особенности нормальных людей, которым портит жизнь поистине талантливо.

Лукас Ван Ален помедлил, переводя взгляд с одного на другого, и, наконец, уселся, одновременно вытянув руку вперед через стол. Курт так же, не вставая, принял открытую ладонь, отметив, что парень не стал устраивать состязаний, – хватка у него была крепкая, уверенная, но без нарочитой демонстрации силы.

– Много слышал о вас, – заметил Лукас и, помявшись, добавил с усмешкой: – Но по рассказам брата и по слухам я вас представлял несколько выше и суровей.

– Хорошо, что я этих слухов не слышал, – хмыкнул он. – И давай без лишних церемоний; побеседовав с Яном, я сделал вывод, что работать нам в этом городке предстоит вместе, так к чему лишние сложности.

– Да неужели? – поднял бровь Лукас, обернувшись к брату; тот пожал плечами:

– Молот Ведьм тут по тому же вопросу, что и мы. Инквизитор, в комнате которого мы поселились, – это по его душу он прибыл: будет расследовать, кому покойник перебежал дорогу. Под подозрением в том числе и служители местного инквизиторского отделения. Если он выяснит, что инквизитора пришибли свои же, – стало быть, нам с тобою тут ловить нечего, никаких малефиков сверх обычного тут нет, и мы сможем убраться отсюда ко всем чертям.

– А ты не удивлен, – отметил Курт, когда Лукас лишь кивнул в ответ; тот улыбнулся:

– Власть имущих подозревают в том, что они этой властью злоупотребляют и устраняют тех, кто про это узнал... Ничего удивительного тут не вижу.

– Ян сказал, ты говорил с соседями одного из осужденных. Удалось что-то узнать?

– Ничего, все то же, что и прежде. Пришли, арестовали, расследование, малефиции не нашли, передали светским, вздернули. Соседи говорят – за дело. Недовольных не было, с приговором все согласны, казненный признался почти сразу, каялся публично... Вообще, Официум все превозносят – из тех, с кем я говорил, – задумчиво проговорил Лукас. – Нигде пока не довелось услышать хотя бы намек на то, что в их службе что-то нечисто, ни одной жалобы; посему я как-то сомневаюсь, что твоего сослуживца порешили свои. Не похоже, чтобы им было что скрывать от своих проверяющих.

– Очень на это надеюсь, – вздохнул Курт, с сожалением заглянув в опустевшую кружку, и махнул рукой разносчику, подзывая его к себе. – Пожалуй, еще по кружечке – и я пойду; а ты мне пока расскажи, что за дифирамбы тут поют Официуму.

– Я б не сказал, что дифирамбы, – усмехнулся Лукас. – Ругают, куда без того. Наглые, самодовольные, повсюду лезут, во все дела нос суют... Но когда доходит до дела – их заслуги все признают, и там уж никаких нареканий.

– Вот об этих заслугах и расскажи. Вряд ли мне удастся узнать то, что слышали вы: со мною, боюсь, так запросто откровенничать не станут.

* * *

Нессель он увидел еще на подходе к трактиру; лесная ведьма сидела у окна и, подперев ладонью щеку, уныло и скучающе рассматривала улицу, редких птиц и прохожих. Увидев Курта, она вяло махнула свободной рукой, но позы не поменяла, так и оставшись сидеть на месте.

– Я чуть не умерла от скуки, – сообщила ведьма, когда он поднялся в комнату, и к нему даже не обернулась, все так же глядя вниз. – Я разложила свои вещи, я рассмотрела балки под потолком (ты знаешь, что у них тут кругом паутина?), я выучила половину соседей из домов напротив в лицо и до последней трещинки в коре разглядела ту старую липу... И это только первый день.

– В этот первый день я постарался успеть сделать как можно больше, – пожал плечами Курт. – Как только я закончу свои дела здесь – мы встретимся с Бруно и займемся поиском твоей дочки вплотную.

– А мне нельзя быть с тобой? – поворотившись, наконец, к нему, почти жалобно спросила Нессель. – Ты можешь что-то придумать, чтобы я не торчала в четырех стенах, пока ты бродишь по городу? Я сойду здесь с ума от безделья.

– Есть два варианта, – кивнул Курт с невеселой ухмылкой. – При первом на тебя будут коситься со смешками, при втором – тоже коситься, но уже с опасением, и, возможно, попытаются убить еще прежде меня в случае осложнений.

Она нахмурилась, откинувшись назад и прислонясь к краю оконной ниши спиной:

– Это как?

– Первое – я могу представлять тебя окружающим по возможности наиболее глупо. Племянница, сестра двоюродного брата дальнего друга, послушница-помощница... Иными словами, всем сразу станет понятно, что Молот Ведьм притащил с собой любовницу; не сказать, что у меня совсем уж непотребная репутация, но этому особенно не удивятся. Правда, такой вариант, я полагаю, тебя не устроит, да и все равно придется выставлять тебя за дверь при важных разговорах – все-таки, даже самый отвязный оболтус не станет таскать любовницу на расследование. Второе – я могу дать понять, что ты одна из наших служительниц, напустив при этом побольше туману. О том, что у нас на службе состоят люди, одаренные сверхобычными способностями, уже в той или иной мере известно всем, поэтому тебя сочтут одной из наших *expertus*’ов... А поскольку никому не будет сказано, что именно ты умеешь, – тебя могут попросту убрать с пути на всякий случай, если здесь и впрямь творится нечто крамольное и я подберусь к виновным слишком близко.

– Помнится, ты говорил, что меня все равно убьют вместе с тобою, если что.

– Нет, я сказал «а что, если...», – возразил Курт; она отмахнулась:

– Одно и то же. Пока я искала тебя, я многого наслушалась от людей, знаешь. Например, слышала про то, что до сих пор не было такого, чтобы убийство одного из инквизиторов осталось непокаренным, даже если это просто один из ваших посыльных. И слышала, как казнят за такое. Это... просто бесчеловечно.

– Готтер... – начал Курт со вздохом, и она вскинула руку, не дав ему закончить:

– Не желаю сейчас обсуждать это, я про другое. Если кто-то, несмотря на такую жуткую кару, решился на убийство одного из ваших – стало быть, это человек отчаянный, и что бы он ни утаивал, он ни перед чем останавливаться не будет и следы замечает решительно. То есть, если тебя захотят убить, то и меня в любом случае прикончат вместе с тобой, просто на всякий случай. Посему – я согласна на этот твой второй вариант. К тому же, я ведь и правда кое-что умею. Вдруг мне удастся тебе помочь, как-то ускорить твоё дело...

– Вздумала помогать Инквизиции? – с усмешкой поднял бровь Курт. – Кто ты и куда ты дела мою знакомую ведьму?

Нессель нахмурилась, распрямившись, точно курсант на решающем экзамене.

– Не Инквизиции, – отрезала она. – Тебе. Потому как чем скорей ты разберешься с тем, что тут происходит, тем скорей исполнишь то, что обещал. А кроме того, если здесь и вправду творят мерзости местные инквизиторы – я с превеликим удовольствием помогу взять их за шкуру.

– Что ж, не могу сказать, что в этом стремлении я с тобою не единоклубен... – пробормотал Курт и, помедлив, кивнул: – Хорошо. Тогда запомни: ты – мой лекарь, как я и сказал Ульмеру. Что именно со мной не так, ты говорить не имеешь права, просто после завершения одного из расследований мне требуется лекарский надзор. Ты лекарь, а также «еще кое-что по мелочи». Вот так, дословно, и станешь отвечать, если что. Ко мне ты приставлена моим начальством; и запомни – я возражал. В Конгрегации ты около года, нанята со стороны; кто ты и откуда – говорить не имеешь права...

– Почему именно так?

– Что именно?

– Почему год?

– Потому что это объяснит твоё... не вполне обычное поведение. Год. Достаточно для того, чтобы проверить тебя и даже отправлять на расследование вместе с одним из знаме-

нитейших следователей, и недостаточно для того, чтобы ты полностью втянулась в дело. Пойми меня правильно, на праведную монашенку ты не похожа.

– Надеюсь, – буркнула Нессель, поджав губы, и вздохнула, выразительно кивнув в сторону двери: – Ужин у нас сегодня ожидается?

... За ужином, как и во время обеденной трапезы, лесная ведьма была молчалива и всеми силами старалась не привлекать к себе внимания; к людям она явно так до сих пор и не привыкла, и от направленных на нее взглядов, даже случайных, Нессель было заметно не по себе.

Несмотря на то что снедь была поглощена быстро, почти торопливо, к тому времени, как оба поднялись наверх, сумерки за окнами уже сгустились, и в комнатах воцарился тусклый полумрак. На разносчика, от которого Курт потребовал принести огня и зажечь светильник на столе, Нессель смотрела с осуждением и, когда парень вышел, неодобрительно поинтересовалась:

– А прихватить с собою огня сам майстер инквизитор счел ниже своего достоинства? Десять лет назад ты мне не показался человеком, которому надо прислуживать.

Курт помедлил, глядя на пляшущий под сквозняком язычок пламени, и, вздохнув, присел к столу поодаль от светильника.

– Думаю, – проговорил он медленно, все так же не отрывая взгляда от огня, – тебе надо кое-что знать обо мне.

– Да ты, я смотрю, тайнами оброс, словно камень мхом, – усмехнулась Нессель и, не увидев улыбки в ответ, опустила на табурет напротив него, уточнив уже серьезно: – Что такое?

– Когда я был в твоей сторожке, когда ты... объединилась со мною, чтобы исцелить, – помнишь, следующей ночью ты сказала, что видела мои сны? Что тебе снились огонь и страх? И еще ты спросила, что с моими руками.

– Ты сказал, что твой враг пленил тебя, и, чтобы освободиться, тебе пришлось сжечь путы на собственных руках, – кивнула Нессель и вдруг ахнула, подавшись вперед: – Альта! Это тот же человек, что похитил мою Альту? Это он и есть тот самый «старый враг»? Тот, что сделал это с тобой?

– Да, – поморщился Курт, – и обожженная кожа, и уязвленное самолюбие – не единственное, что мне осталось после встречи с ним. Я... с тех пор не выношу огня. Не могу приближаться к нему, не могу взять светильник в руку, не могу пальцами затушить свечу или даже подбросить полено в очаг. Обычно мне удается это довольно успешно скрывать – в том числе и вот так изображая из себя спесивого инквизитора, «которому надо прислуживать», и никто, кроме своих, об этом не знает.

– «Не выношу», – повторила Нессель с расстановкой, пристально всматриваясь в его лицо. – То есть – боишься?

– Да, – оторвав, наконец, взгляд от пламени, тяжело усмехнулся он. – Так будет точнее. Думаю, я должен тебе это сказать, коли уж нам предстоит *de facto* работать вместе и ты в каком-то смысле зависишь от меня; ты должна знать, на что ты можешь рассчитывать и чего от меня ждать, случись что. Точнее – чего ждать не стоит.

– Этот человек... оставил глубокий след в твоей жизни, – сострадающе вздохнула Нессель и, помедлив, спросила: – Как думаешь, когда ты найдешь его, это пройдет?

– Полагаешь, он навел на меня порчу? – хмыкнул Курт невесело. – И убив его, я от нее избавлюсь?

– Нет. Проклятье на тебе есть, я и тогда об этом сказала, но – не это. Просто... зная тебя – думаю, тогда твоя душа успокоится.

– Я не мечтаю о мести, – пожал плечами Курт, и она кивнула:

– Я вижу. Когда ты говоришь о нем, в твоём голосе не звучит ненависть и над тобою не появляется багрянца.

– Ты меня снова видишь? – удивленно уточнил он, поведя рукой над головою. – Вот это? Ты утверждала, что я сумел скрыть это от твоего взора, как только ты рассказала о том, что можешь такое. У меня больше не выходит?

– Ты открылся, когда начал этот разговор, – пожала плечами Нессель и, всмотревшись в него, улыбнулась: – Ну, вот опять. Спрятался. Прямо как ёжик...

– А что скажешь про Ульмера? – не ответив, спросил Курт. – Про следователя, который встречал нас сегодня. Он – какой? Его ты могла видеть?

– Этот инквизитор... серенький, – на миг запнувшись, ответила она. – Не темно-серый, как ты, а серенький, как мышка; он блеклый и... Он никакой. Не знаю, как еще это сказать. Ничего особенного, человек как человек, тут вокруг таких ходят сотни.

– На заговорщика и убийцу, иными словами, не тянет, – уточнил Курт и поднялся, вздохнув: – Провести бы тебя под каким-нибудь предлогом к местному оберу – вот еще на кого интересно посмотреть твоими глазами... Завтра подумаю об этом. Быть может, все дело раскроется за минуту, благодаря лишь твоим умениям. Или напротив – запутается еще более; на обере, надо полагать, людских страданий и подспудной вины без счета... Я спать, – подытожил он, с усилием потерев глаза. – Не знаю, как ты, а я валюсь с ног.

– Я тоже; хоть днем и прилегла, все равно чувствую себя разбитой... Иди, – кивнула Нессель, когда Курт замялся, глядя на светильник. – Я затушу, как ляжешь.

– Просто заberi его в свою комнату. Я уже к темноте привык; уж по крайней мере кровать в комнате найду.

– Во всем есть хорошая сторона, – улыбнулась Нессель ободряюще и, поднявшись, осторожно взяла светильник. – Доброй тебе ночи.

– Да уж... – пробормотал Курт тоскливо, невольно покосившись в окно, на засыпающий притихший город.

Бамберг погрузился в сон быстро и как-то разом; в отличие от многих городов, в коих доводилось побывать до сего дня, здесь, видимо, не в чести были поздние гуляния – ни единого голоса не доносилось из распахнутого окна, не шаркали подошвы припозднившихся прохожих, не было слышно даже постояльцев в трапезном зале. С наступлением темноты город будто бы остановился, как часы, из которых вынули ведущую шестерню.

– Тут, небось, еще и на улицах не грабят... – шепнул Курт себе под нос, поудобней улегшись на подушке и закрыв глаза. – Всё-то тут не как у людей.

Уснуть удалось лишь сознательным усилием – умение, которому он был благодарен не раз и не десять за свою жизнь; мозг, утомленный и перегруженный мыслями, точно выюнный верблюд тюками, отказывался отрешаться от реальности и даже на грани сна все еще пытался раскладывать по воображаемым полочкам и переваривать полученную за день информацию. В забытьи, более-менее напоминающее сон, удалось себя буквально вогнать лишь хорошим пинком.

Смутная дрема была похожа на туман, никак не желала отгородить сознание от окружающего мира всецело и в конце концов отступила совершенно. Курт продолжал лежать с закрытыми глазами, надеясь, что сон вернется, однако старые проверенные приемы не помогали; мысленный отсчет, обычно позволявший отгородиться от внешнего мира, больше нагружал мозг, чем расслаблял, зудящий над ухом комар не звенел – гремел оглушительно, словно рев боевого рога, каждая неуместная складка или вмятина подушки ощущалась, точно каменная, и даже звук собственного сердца казался громким, как кузнечный молот. Не давал покоя и еще какой-то звук – знакомый, узнаваемый, но непривычный; классифицировать его никак не удавалось, но четко осознавалось, что здесь, в этой комнате, рядом, – ему не место...

Курт открыл глаза, усевшись на постели и глядя сквозь темноту в сторону двери смежной комнаты, занятой Нессель; полминуты он сидел неподвижно, вслушиваясь, потом медленно, осторожно ступая, приблизился к приоткрытой створке и остановился на пороге, замявшись. Лесная ведьма лежала, уткнувшись лицом в подушку, и плакала – без истерики и всхлипов, тихо, обреченно и безысходно. Курт, помедлив, все так же тихо прошел в комнату, осторожно присел на край постели и молча опустил ладонь на плечо Нессель; та вздрогнула, на миг задержав дыхание, но к нему не обернулась, лишь еще сильнее сжалась в клубок.

Надо было что-то сказать, но подобрать правильных слов он никак не мог. «Лучший дознаватель Империи, – подумал Курт раздраженно, – способный за пару часов разболтать восемь из десяти арестованных, не знает, что и как сказать». Инквизитор, именем которого пугают друг друга малефики, без дрожи и колебаний способный игнорировать мольбы и рыдания самых невинных с виду заключенных, сейчас ощущал себя неловко, точно вломившийся в баню студент. Внезапно прорвавшиеся эмоции Нессель в самом буквальном смысле застали его врасплох; все эти дни ведьма держалась настолько независимо, спокойно и хладнокровно, что он попросту забыл о том, что рядом с ним – мать, потерявшая единственное чадо...

– Мы ведь ее не найдем, да? – чуть слышно проронила Нессель, все так же не оборачиваясь и не поднимая голову с подушки. – Альту я никогда больше не увижу...

– Я ведь обещал, что сделаю все, что могу, – так же тихо ответил Курт; она прерывисто вздохнула, явно пытаясь не разреветься в голос, и возразила, с видимым усилием выговаривая каждое слово:

– Я верю. Но ты... ищешь этого человека десять лет. И кто знает, не будешь ли искать еще столько же. И найдешь ли вообще.

– Найду, – твердо возразил он. – Эти десять лет мы времени даром не теряли.

Нессель напряглась, явно намереваясь возразить, но лишь тяжело выдохнула и снова зарылась лицом в подушку. Курт поджал губы, все еще пытаясь подобрать слова и вместе с тем понимая, что все утешения будут звучать глупо и неуместно; поколебавшись, он осторожно прилег рядом, обняв вздрагивающее тело, и как можно уверенней выговорил:

– Все будет хорошо.

Нессель всхлипнула, вжавшись в него спиной, и вцепилась в обнявшую ее руку, словно эта рука была единственным спасением для нее, тонущей в вязком, смертельно опасном болоте.

Глава 6

Его разбудило солнце, бьющее в глаза сквозь закрытые веки: небесное светило, уже поднявшееся над крышами, заглядывало в распахнутое окно, расточая лучи с не утренней щедростью и предвещая невероятно знойный день, – всю ночь Курт так и проспал поверх одеяла, однако не озяб совершенно. Он поморщился, осторожно отодвинулся, медленно вытягивая руку из-под головы спящей Нессель, и сел на постели, отвернувшись от окна.

– Будет жарко, – произнес сонный голос за его спиной, и Курт обернулся к лесной ведьме, с улыбкой выговорив:

– Разбудил... Извини.

– Нет, это все солнце, – возразила она, усевшись, и изобразила вялую ответную улыбку. – Да и пора уже. Что-то я заспалась, обычно я не валяюсь в постели до такого часа.

– К слову, я тоже, – заметил Курт и, помедлив, уточнил: – Ты что-то сделала опять?

– В каком смысле?

– В своем обычном. Я вчера долго не мог уснуть, а когда уснул – спал вполглаза, голова была, точно медный котел... А тут просто лег и провалился в сон; проснулся вот только несколько мгновений назад, причем отдохнувшим и бодрым. Твоих рук дело?

– Мне вчера было не до того, – возразила Нессель, пожав плечами, и, поднявшись, стянула со спинки кровати висящее на ней платье. – Это ты сам. Что-то тебя успокоило, похоже, что-то ты для себя решил – какой-то вопрос, который не давал тебе покоя, вот разум и перестал сопротивляться сну. Никакой волшебны.

– Знать бы еще, что же именно я решил, – покривился Курт и, вздохнув, побрел в свою комнату.

В трапезный зал они с Нессель спустились вдвоем, обнаружив за одним из столов Ульмера, явившегося более часу назад и терпеливо дожидавшегося майстера Гессе, дабы препроводить онго к интересующей его свидетельнице. Новость о том, что «лекарь» будет присутствовать при дальнейшем расследовании, молодой инквизитор выслушал без малейшего удивления, будто заранее предполагал нечто подобное, лишь кивнув и отозвавшись коротким «как скажете».

С собою Ульмер принес Евангелие пропавшего inspector'a – небольшую заметно обшарпанную книжицу с когда-то соскобленной кляксой воска на обложке. Перед тем как спрятать Новый Завет среди своих вещей в комнате, Курт мельком пробежался по страницам – скорее для очистки совести, нежели и впрямь надеясь отыскать там какие-то пометки. Страницы были порядком потрепаны, однако ни одного подчеркивания, значка или отметины среди ровно выписанных переписчиком букв не обнаружилось. Позже, разумеется, можно было осмотреть книгу тщательней, однако уже сейчас Курт понимал, что это окажется лишь пустой тратой времени...

За стенами трактира солнце жарило уже в полную силу, сияя на ярко-голубом, без единого облачка, небе, и даже вблизи каналов не стало свежее – напротив, к жару медленно раскалявшегося воздуха прибавилась влажная духота, щедро сдобренная ароматом бытовых отбросов и нечистот, который становился тем сильнее, чем ближе господа дознаватели подходили к кварталу бамбергской бедноты. Здесь к общему букету благоуханий прибилась застарелый запах рыбьей чешуи и потрохов, а вскарабкавшееся еще выше солнце делало окружающую реальность все более невыносимой.

– Что-то случилось, – напряженно произнес Ульмер как раз в тот момент, когда Курт поддержал под локоть ведьму, едва не скатившуюся в канал по осклизлой узкой дорожке перед домами, и сам чуть не съехал вместе с нею. – У ее дома люди от магистрата.

Курт восстановил равновесие, постаравшись отступить как можно дальше от обрывчика, который язык не поворачивался назвать «набережной», и взглянул туда, куда указывал молодой инквизитор. Небольшая толпа собралась перед низким домиком, гулом голосов заглушая чей-то плач и злобные выкрики; вокруг чего или кого собрались горожане, было не разглядеть, и Курт, ускорив шаг, вклинился напрямик в людскую массу, молча демонстрируя Сигнум самым упрямым и расталкивая локтями остальных.

– Курт Гессе, инквизитор первого ранга, – сообщил он двум горожанам, облаченным в более добротные одежды, нежели окружившие их обитатели квартала, с деловым и сосредоточенным выражением лиц. – Что произошло?

– Убийство, – хмуро ответил тот, что был старше, и отступил в сторону, позволив Курту разглядеть, наконец, причину всеобщего внимания. – Девуцу, живущую в этом доме, утопил любовник минувшей ночью.

– Бедняжка... – чуть слышно проронила Нессель. – В такие годы...

Курт не ответил, подойдя ближе к телу, лежащему прямо на земле у входа в дом. Женщина с заплаканным покрасневшим лицом, нечленораздельно воя сквозь слезы, вцепилась в руку с посиневшими ногтями и не позволяла себя увести; хмурый молчаливый мужчина подле нее лишь безнадежно тянул ее за плечо, уже не пытаясь перебить рыдания бессмысленными утешениями. Лицо покойницы распухло от воды и словно бы выцвело, но даже сейчас было видно, что Нессель не ошиблась, – девушка и впрямь была молода и при жизни даже привлекательна.

– Откуда стало известно? – спросил Курт тихо; горожанин вздохнул:

– Убийца сам пришел. Явился под утро к церкви, пьяный вдребезги; непонятно, как на ногах-то держался... И начал долбиться в двери с криками, что совершил душегубство и нуждается в покаянии, прямо здесь и немедленно. Святой отец решил, что парень попросту перебрал, но на всякий случай служку послал в магистрат, а сам тем временем стал принимать исповедь. Ну и вот... Сами видите. Нашли ее там, где он указал, – под мостом, придушенную и утопшую.

– Причина?

– Поругались они намеренно, – пожал плечами горожанин. – У ней, говорят, на подхвате был еще один ухажер... Парень ее вроде как послал куда подальше, когда она отказалась порвать все отношения с его соперником, а потом решил помириться и попытаться убедить еще раз; назначил ей встречу – ночью, подальше от чужих глаз, чтоб пришла тайком от родителей и никто не видел. Сам перед встречей для смелости или, уж не знаю, с горя принял хорошенько, там они опять поцапались, слово за слово – он ее сгоряча и того...

– Сгоряча ли? – уточнил Курт с сомнением. – «Тайком от родителей», ночью... Зачем?

– Так другой ее ухажер по соседству живет, – сообщил второй активист от магистрата. – И к нему ее отец более благосклонен был... Я не думаю, что он это планировал, майстер инквизитор. Он сейчас сидит в магистратской тюрьме... хотя, скорее, дрыхнет – после такой-то попойки... Так вот, видел я его, и поверьте: парень сам в ужасе от того, что наворотил. Уже дважды попросился на виселицу прямо сейчас.

– Протрезвеет – перестанет проситься, – уверенно возразил Курт; бросив тоскливый взгляд на мертвую свидетельницу, он медленно приблизился к мужчине, что все так же молча стоял подле плачущей жены, и осторожно тронул его за локоть, привлекая внимание. – Твоя дочь?

На человека с Сигнумом тот взглянул рассеянно, надолго задержавшись взглядом на стальной бляхе Знака, словно ожидая увидеть на полированной поверхности какое-то откровение, и, наконец, медленно, тяжело кивнул.

– Соболезную, – как можно мягче произнес Курт и, выждав мгновение, продолжил: – Знаю, что сейчас тебе не до других людей, дел и расспросов, но то, что я хочу спросить, действительно важно. Сможешь собраться и ответить мне?

– Для кого важно? – тускло уточнил рыбак.

– Хороший вопрос, – согласился Курт. – Быть может, для тебя и памяти твоей дочери, для того, чтобы не предполагать, а знать, почему и как она погибла.

– Мою девочку убил пьяный ублюдок, – сквозь зубы выговорил рыбак. – Что тут еще выяснять, мастер инквизитор?

– Как знать, – многозначительно отозвался Курт, понизив голос; рыбак запнулся, бросив напряженный взгляд в толпу вокруг, увлеченную обсуждением подробностей свершившегося смертоубийства, и, помявшись, спросил так же тихо:

– Что вы хотите узнать?

– Ты слышал, что в Бамберге убили инквизитора? Видел его?

– Нет, – мотнул головой рыбак, растерянно передернув плечами. – Слышал, что было такое, но самого его не встречал.

– То есть, к вам он не приходил, с твоей дочерью или с тобою не говорил, не задавал вопросов о судьбе Юниусе и деле, в котором был замешан ее бывший поклонник?

– Нет, ничего такого... А почему спрашиваете, при чем это семейство здесь?

– Быть может, что и ни при чем... – вздохнул Курт; помедлив, развернулся и осторожно потянул Нессель за собою. – Идем. Здесь всё.

– Умереть так глупо... – с сожалением произнесла лесная ведьма, когда толпа осталась позади; он хмуро кивнул, обходя лужицу непонятной субстанции на пути:

– Да. И главное – так вовремя.

– Вы думаете, что это не случайное совпадение, майстер Гессе? – нахмурился Ульмер. – Но преступление ведь бытовое, обыденное, ничего таинственного, даже убийца известен и сознался – сам, по своему почину; да и не приходил к ним майстер Штаудт, как сами слышали...

– В моей жизни было множество совпадений, – отозвался он, – счастливых и не очень, но именно в совпадения я верю в последнюю очередь... Старик Нойердорф требовал у тебя отчета о вчерашнем дне? Что ты ему рассказал?

– Вы же не думаете, что... – начал Ульмер с неловкой улыбкой и осекся, на миг даже замедлив шаг в растерянности; Курт пожал плечами:

– Думать я могу, что угодно, но это ни о чем не говорит: нет фактов, нет твердых доказательств, потому пока я лишь пытаюсь выяснить, что происходит. Так что ты ему рассказал?

– Я пытался отговориться от него, как вы сказали, – заметно смутившись, ответил Ульмер. – Но майстер обер-инквизитор... С ним сложно спорить. Я подумал, что вы все равно не выяснили ничего нового, что все это и без того известно, все есть в протоколе; все то, что вы вчера узнали, он и так знал...

– Словом, о том, что я намереваюсь говорить с этой девицей, ты ему поведал, – подытожил Курт, и парень лишь молча и понуро кивнул. – Просто отлично...

– Ты думаешь, что девушку убил обер-инквизитор, чтобы ты не смог поговорить с ней? – вклинулась Нессель и, не дожидаясь ответа, неуверенно и словно бы нехотя возразила: – Но если кроме него и майстера Ульмера никто не знал про это, то поступить так – навлечь на себя подозрения. И ведь ты сам слышал: убийца найден и не отрицает своей вины.

– «Магистратская тюрьма» – это подвал в ратуше? – не ответив, спросил Курт и, увидев понурый кивок Ульмера, развернулся к ближайшему мостику, ускорив шаг. – Стало быть, мне нужно туда.

– Хотите поговорить с парнем? – пытаюсь не отставать от него, уточнил молодой инквизитор. – Не лучше ли подождать, пока он придет в себя? Думаю, сейчас он вряд ли будет способен и два слова связать.

– Однажды я уже подождал, и вот чем это кончилось... Его взяли ранним утром, сейчас уж скоро полдень; он будет вменяемым ровно настолько, чтобы отвечать на вопросы, а большего от него и не требуется.

Ульмер безмолвно шевельнул губами, явно намереваясь заспорить, но, в последний миг придержав возражения, переглянулся с Нессель и лишь вздохнул, зашагав дальше в унылом молчании, не произнеся более ни звука до самых дверей ратуши. Тюремный охранник – неопределенного возраста вооруженное нечто, которое язык не поворачивался назвать солдатом или стражем, наверняка такой же доброволец из горожан, как и «следователи» у дома убитой, – невнятно и как-то растерянно поздоровался с Ульмером, потом долго и опасно рассматривал Сигнум приезжего мастера инквизитора, бормоча что-то себе под нос, и, наконец, проводил господ дознавателей к камере с заключенным – отгороженному решеткой сырому вонючему закутку. Дверь в камеру заперта не была, а арестант попросту валялся на полу у стены, сотрясая окружающий мир мощным, раскатистым храпом.

– Да он же все равно никакой, – пожал плечами охранник в ответ на упрек мастера инквизитора. – Куда он денется-то?

– Свободен, – отмахнулся Курт и, проводив взглядом бурчащего горожанина, распахнул решетчатую дверь.

Перед неподвижным телом арестанта он присел на корточки осторожно, стараясь ненароком не ткнуться коленом в покрытый многолетней грязью пол, и перевернул на спину спящего лицом вниз человека, встряхнув его за плечо. Тот замычал, всхрапнув громче прежнего, поморщился, зачавкал губами, уронив на пол длинную нитку слюны, однако проснуться так и не соизволил.

– Эй! – окликнул Курт, встряхнув парня сильнее, и, не увидев ответной реакции, ответил ему звонкую оплеуху. – Просыпайся.

Мутный взгляд из-под медленно приподнявшихся опухших век устремился мимо мастера инквизитора, вперившись в каменную стену; несколько мгновений арестант лежал неподвижно, явно пытаюсь собраться и возвратиться к реальности, и перевернулся набок с недвусмысленным намерением снова провалиться в забытие.

– Эй-эй-эй! – повысил голос Курт и, сгребши парня за воротник, рывком приподнял, усадив и прислонив к стене спиной. – Не спать.

Тот застонал, схватившись руками за голову и сдавив виски ладонями, и снова открыл глаза, глядя прямо перед собою уже чуть более осмысленным, хотя и по-прежнему тусклым взглядом.

– Имя? – спросил Курт, сдвинувшись чуть в сторону, чтобы оказаться прямо напротив лица арестанта и, не услышав ответа, повторил громче: – Имя! Как зовут?

– Ральф... – хрипло отозвался парень и тяжело, будто шею его сдавливали колодки, повернул голову, тупо уставившись на своего мучителя. – Ты... кто? Где это я?

– Инквизиция, – коротко пояснил Курт, приподняв Знак за цепочку к самым глазам арестанта, и кивнул на решетку позади себя: – А ты в тюрьме.

– Чо?.. – проронил Ральф, растерянно мигнув, и, пошатнувшись, попытался распрямиться. – Какая еще, к черту, Инквизиция, почему тюрьма...

Курт промолчал, не попытавшись вынести парню порицание за непочтительность к следовательскому чину в частности и священному ведомству в целом; несколько мгновений он сидел неподвижно, дожидаясь, пока во взгляде напротив поселится хоть в какой-то степени осмысленное выражение, и ровно поинтересовался:

– Ну, как? Вспоминаешь, почему тюрьма?

– Я вчера... – пробормотал Ральф и снова застонал, зажмурившись и стиснув голову еще сильнее: – Это не приснилось...

– Что именно? – уточнил Курт все так же сдержанно. – Что помнишь о вчерашнем вечере? Что ты сделал?

– Попить... дайте... – выдавил парень, не открывая глаз; он кивнул:

– Непременно. После того, как ответишь на мои вопросы. Так что ты вспомнил сейчас? Что тебе «не приснилось»? Почему ты в тюрьме – понимаешь? Помнишь?

– Дайте воды! – сиплым шепотом выкрикнул тот, и Курт повторил, чуть повысив голос:

– Сначала ответы, Ральф. Я спрашиваю, ты отвечаешь. Это – понятно? Итак, – продолжил он, когда арестант снова застонал, облизнув пересохшие губы и поморщившись от очередного приступа головной боли, – что ты помнишь о вчерашней ночи и почему, как ты думаешь, ты очнулся в тюрьме?

– Гретхен... – проговорил парень с усилием. – Я ее убил вчера... Господи, я проснулся и подумал, что это был сон...

– К твоему и ее несчастью – нет, не сон, Ральф. Как это случилось и почему?

– Я не знаю... Мы повздорили, она стала смеяться и нести всякие глупости, и я не выдержал... Я напился вчера, сильно.

– Это я заметил, – вздохнул Курт. – Хорошо, зайдем иначе... Где пил и с кем? Это – помнишь?

– Ни с кем, один, – все так же не открывая глаз, выцедил арестант сквозь плотно стиснутые зубы, явно сдерживая внезапную тошноту. – У этого... в этом... в гадюшнике...

– Где? – нахмурился Курт. Ульмер позади кашлянул, привлекая к себе внимание, и чуть слышно пояснил:

– Пивнушка в том квартале. Дешевая и с дурной репутацией. Я знаю, где это, если надо – покажу, майстер Гессе.

– К тебе никто не подсаживался, не заговаривал с тобою, не подходил? – молча кивнув сослуживцу, продолжил он. – Хотя бы на несколько мгновений, хотя бы перекинуться парой слов? Девушка какая-нибудь, приятель, незнакомец?

– Нет.

– Никто не подходил или ты не помнишь?

– Да никто, сказал же! – тяжело простонал Ральф. – Господи, как плохо...

– Встречу своей Гретхен ты назначил до или после того, как нагрузился?

– Дайте попить... – снова попросил арестант, с усилием разлепив глаза, и сполз по стене на пол, по-прежнему сжимая голову ладонями. – Сил нету...

– До или после, Ральф? – повысил голос Курт, и тот страдальчески покривился:

– Господи... До того! Вчера еще, утром! Потому и выпить решил – для смелости. Я поговорить хотел! А она знай свое твердит – «не брошу его, но и тебя не оставлю», и смеется... Гретхен! – простонал он болезненно и вдруг завыл, изогнувшись, точно в судороге, и запрокинув лицо к потолку. – Что ж я наделал... сучка ты драная... довела-таки, тварь!.. Девочка моя...

Курт медленно поднялся, постоял неподвижно, глядя на заливающегося похмельными слезами арестанта, медленно вышел из камеры и двинулся прочь по коридору, кивком велел Нессель и Ульмеру следовать за собою.

– Дай парню воды, – бросил он, проходя мимо охранника у выхода. – Не то загнется еще до суда.

Тот что-то недовольно буркнул себе под нос, но останавливаться, дабы переспросить или прочесть проповедь о субординации, Курт не стал.

– Не понимаю... – произнес молодой инквизитор растерянно, после сырости подвала с наслаждением расправив плечи под раскаленным солнцем. – Что вы надеялись узнать, майстер Гессе?

– Однажды в Кельне парень из городских отбросов был арестован за убийство, – не оборачиваясь к нему, проговорил Курт. – Был взят прямо над трупом, с окровавленным ножом в руке.

– И? – поторопил Ульмер, когда он умолк. Курт пожал плечами:

– Оказался невиновным. Накануне он пил – в пивнушке в дурном квартале и с дурной репутацией. К нему на пару минут подседа незнакомая девица, после чего парень перестал помнить и соображать, что делает, зато в точности исполнял то, что сделать ему приказывали... До сих пор не знаем, что ему подсыпали тогда.

– И вы полагаете, что сейчас случилось так же? – недоверчиво уточнил Ульмер; он вздохнул:

– Похоже, что нет. Встречу девице он назначил, будучи трезвым, по собственному произволению, посторонних или даже приятелей подле него, когда напивался, не было, да и с девицей у них, судя по всему, разлад старый... И главное – на это свидание он ее позвал еще до того, как с девицей решил поговорить я. Просто так вышло, что разрешить ситуацию Ральфу пришлось в голову именно этой ночью. Просто совпадение... Как ни крути, а и они в жизни приключаются.

– И что теперь? – растерянно спросил Ульмер. – Куда теперь идти, по какому следу? Что дальше?

– Пока не могу сказать, не знаю, – отозвался Курт сумрачно. – Мне надо подумать... Вот что, Петер, возвратись в ратушу и скажи, чтобы с судом не спешили, а то я знаю светских – у них разговор недолгий, без вопросов сразу на виселицу... Как знать, быть может, этот мученик-душегуб, окончательно протрезвев, вспомнит что-то еще, что окажется полезным или наведет меня на мысль. Быть может, например, в те редкие дни примирения, которые у него, очевидно, с покойницей все же случались, она упоминала при нем, что к ней приходил или останавливал ее на улице приезжий служитель Конгрегации. Быть может, если это случилось, она рассказывала и о том, что тот говорил или спрашивал... Надежда призрачная, прямо скажем, но лучше, чем ничего. Твои услуги проводника мне сегодня уже точно не понадобятся, посему – после разговора с магистратскими можешь смело отправляться по своим делам.

– Уверены, майстер Гессе?

– Да, – невесело усмехнулся Курт. – Сегодня я буду смотреть в потолок своей комнаты, корить судьбу и пытаться отыскать иные пути... Иди. Ты свободен.

– Полагаешь, тот парень все же может что-то знать? – тихо спросила Нессель, когда Ульмер, попрощавшись, направился обратно в ратушу; он пожал плечами, развернувшись и зашагав по улице:

– Не уверен. Но хочу убедиться.

Лесная ведьма тяжело вздохнула, молча ускорив шаг, дабы не отставать от него, и долгую минуту шла безмолвно, лишь изредка взглядывая на своего спутника, – искоса, словно бы оценивающе и задумчиво.

– Что? – уточнил Курт, перехватив очередной взгляд, и она смутилась, отведя глаза.

– Когда ты сказал, кто ты, – не сразу отозвалась Нессель, – я все пыталась вообразить себе, как это выглядит, когда ты...

– ... за работой? – подсказал он, снова уловив заминку в голосе. Та кивнула:

– Да. Воображала себе жуткие вещи... И вот увидела, как оно на самом деле.

– И как оно?

– Ты меняешься, – вздохнула Нессель, пояснив, когда он вопросительно поднял брови: – Ты в тот миг, когда заговорил с этим человеком, словно исчез. Ушел в какую-то дверь и прикрыл ее за собою, а вместо тебя из той двери вышел кто-то другой. Тоже ты, но не ты. А ты стоял в сторонке и наблюдал за собой... Ты это ощущаешь сам, когда вот так допрашиваешь людей?

Курт помедлил, глядя себе под ноги, в высохшую и утопанную, точно камень, землю; память картинка за картинкой услужливо и с готовностью подбрасывала то, что, впрочем, никогда и не забывалось, и как-то неуютно становилось от того, что идущая рядом женщина наверняка понимает и видит происходящее в нем, несмотря на всю его хваленую защиту...

– Когда вот так – не чувствую, – наконец ответил он. – И ты не видела, как оно *на самом деле*.

– Зачем ты это говоришь? – нахмурилась Нессель; Курт пожал плечами:

– Затем, что это правда.

– А я полагала – ты станешь убеждать меня, что вот так оно и проходит всегда и ничего страшного в своей службе ты не сделал, – усмехнулась она неловко. – Чтобы я сочла вас славными ребятами и старательней помогала тебе в этом городе.

– Я за годы службы сделал много такого, о чем тебе лучше не знать и чего лучше никогда не видеть, – отозвался Курт твердо. – Это бывало не так часто, как принято думать и как о том твердят слухи, однако же бывало. Но каяться в этом я не стану, и если б какая-то неведомая сила меня возвратила снова в те дни и те минуты – сделал бы все то же самое снова, потому что так было надо. А помогать мне в расследовании ты, помнится, и так вызвалась сама. Стало быть, нравлюсь я тебе или нет, а помогать будешь.

– Не слишком самонадеянно с твоей стороны? – зло нахмурилась Нессель, и он подчеркнуто благожелательно улыбнулся:

– Ну, как знаешь. Если мысль сидеть день за днем в комнате трактира в одиночестве, разглядывая потолок и соседей на улице, тебе ближе – я с готовностью провожу тебя назад и пойду по своим делам один.

– По каким еще делам? – уточнила ведьма с подозрением. – Ты сказал, что... Ты ему соврал? Не веришь ему все же?

– Я никому не верю. Практика моей работы показала, что порою верить нельзя даже самому себе. И это, к величайшему сожалению, не фигура речи.

– Но мне ты при этом почему-то доверяешь.

– Кому-то же надо, – просто сказал он, и Нессель смущенно смолкла, вновь пойдя дальше в полном молчании.

– Куда мы? – спросила она лишь спустя долгие четверть часа, увидев, как Курт направился ко входу в «Святой Густав». – Кто здесь живет?

– Жил, – поправил он, посторонившись, когда из дверей торопливо вывалился взмокший толстяк, похожий на торговца в затыжном запое и, как знать, быть может, им и являвшийся. – Георг Штаудт, *inspector*, до того, как его убили. А сейчас здесь обитает парочка моих приятелей, с которыми мне хотелось бы обсудить текущее положение дел.

– Но так, чтобы об этом не знали обер-инквизитор и Петер Ульмер?

– Именно, – кивнул Курт и, ткнув в физиономию подступившего владельца Знаком, молча направился к лестнице вверх, к комнате охотников.

Ян Ван Ален, открывший дверь на его стук, на мгновение замер на пороге, молча глядя на Нессель с подчеркнутым удивлением и не спеша впустить гостей.

– Готтер, наш *expertus*, – пояснил Курт, уловив краем глаза, как ведьма поджала губы. – В большом городе это ее первое дело, к излишнему людскому вниманию она не привыкла, посему сразу прошу придержать свою натуру в узде.

– Фу, – покривился Ван Ален, отступая в сторону и давая им войти. – Вот так с первых мгновений взять – и заранее испортить девушке все впечатление о человеке... Чего сразу моя натура-то?

– Ты понял, – усмехнулся Курт, кивком поздоровавшись с Лукасом, что сидел у стола с видом скупающего нотариуса. – Новости есть?

– Тебя хотел спросить о том же, – отозвался охотник, не отводя взгляда от Нессель, осторожно примостившейся на табурет в сторонке. – Намеревались ведь встретиться вечером; я так понял, ты что-то нарыл и потому явился раньше?

– Не совсем, – вздохнул Курт, усевшись за столом напротив Лукаса. – Явился я скорее для того, чтобы узнать, не нарыли ли что-то вы, и обсудить дальнейшие планы, ибо я пока в тупике... Минувшей ночью убили свидетельницу, с которой я намеревался побеседовать этим утром.

– Кто убил? – нахмурился Лукас.

– Что за свидетельница? – уточнил Ван Ален. – Что могла знать?

– Невеста одного из семейки отравителей. В протоколе ее имени нет, допросов с ней не проводилось (если обер не врет), и по мнению одного из причастных, девица к произошедшему не имеет никакого отношения ввиду особой тупости и вздорного характера. Однако, будь я на месте Штаудта, иди я по следу дела судьи Юниуса – я непременно побеседовал бы с нею. Допустив, что именно так он и поступил, я планировал навестить ее этим утром. А ночью ее убили.

– Кто знал о твоих планах? – спросил Лукас; он пожал плечами:

– Вы двое. И юный оболтус, который пристроился ко мне то ли в надежде въехать на моих заслугах в следующий ранг, то ли горя жаждой справедливости, то ли будучи приставлен ко мне местным обером в качестве соглядатая.

– Иными словами, знал наверняка и обер тоже.

– Думаю, да, – кивнул Курт, – даже уверен, что знал. Однако вот в чем незадача: девицу утопил в одном из каналов бывший ухажер – спьяну и на волне чувств, и на встречу он ее позвал еще до того, как я узнал о ее существовании.

– Думаешь, совпадение? – недоверчиво спросил Ван Ален; он усмехнулся:

– Не веришь в совпадения?... Вот и я не верю. Не верю, хотя они и со мной частенько случались, и не люблю их, хотя они мне порой помогали. Что-то я упустил и пока не увидел...

– А что убийца? – поинтересовался Лукас хмуро. – С ним говорил?

– Пребывает телом в городской тюрьме, а разумом – в похмельном аду. Да и не протрезвел еще до конца... Однако поговорить с ним мне все же удалось. Его никто не подбивал на это, не провоцировал, мысль эту не подбрасывал. Когда горе-ухажер напивался – к нему никто не подсаживался (был в моей практике случай, когда парня опоили и взяли под контроль), он просто нагрузился вдрызг и убил любовницу, которая бегала к другому, не скрывая этого.

– Кроме того, – медленно и задумчиво проговорил Лукас, – подозревать твоего оболтуса я бы не стал еще и вот почему. Ты сказал, что о твоих планах побеседовать с девицей знали мы и он. Но нам ты лишь сказал «хочу поговорить с тем, о ком не сказано в протоколе». Мы не читали протоколов, не знаем, о ком там говорилось, а о ком нет; вот как раз мы с Яном и могли бы себе позволить убить ненужного свидетеля, если б, скажем, имели какое-то отношение к возможным злоупотреблениям в этом городке. А твой парень, надо полагать, не просто располагал сведениями о том, чьи имена внесены в протокол, но и из первых рук знал, с кем именно ты собрался говорить. Думаю, ты же сам ему об этом и сказал, так? На его месте я бы не рыпался и уж точно не привлекал бы к себе внимания таким явным ляпом.

– Ян говорил, ты на адвоката пытался выучиться? – усмехнулся Курт, и тот хмыкнул в ответ:

– Да. «Пытался» – это ты верно обозначил. Не срослось...

– Что так?

– Отец, – пояснил Ван Ален. – Помнишь, я сказал, что он исчез, и я подозревал, что он напал на след убийц матери?.. Лукас бросил университет, и мы целый год мотались по Германии, пытаясь найти отца.

– Нашли?

– Нашли, – тяжело вздохнул охотник. – Лучше б не находили. Или лучше б мои опасения сбылись и его успокоила какая-нибудь тварь...

– Ян, – нахмурился Лукас; тот покривился:

– Да-да. Знаю. Нехорошо так говорить...

– Тогда почему сказал? – тихо спросила Нессель, и охотник вздрогнул, словно лишь сейчас вспомнив о ее присутствии.

– У отца совсем снесло чердак, – пояснил он нехотя. – Мы отыскиали его в какой-то дыре, где он выслеживал гнездо стригов. Он сказал – это те самые... Гнездо зачистили легко, кровососы оказались молодые и неопытные, повозиться пришлось только с мастером. Отец уснул в тот вечер почти счастливым... А наутро, представляешь, он забыл об этом. Начал гнать нас дальше и дальше; у него была целая тетрадь с заметками, расчетами, записями – слухи, сведения от наших, какие-то выводы... Мы нашли еще одно гнездо, и когда отец снова сказал «наконец-то, это те самые, я узнал их!» – мы поняли, что с головой у него совсем неладно.

– И когда вы уничтожили новое гнездо, он снова забыл об этом следующим утром? – осторожно уточнил Курт; Ван Ален тяжело кивнул:

– Да. Во всем прочем был человек как человек, рассудительный и разумный, вменяемый, понимаешь? Но вот этот заскок... Кто знает, что было бы дальше, во что все это вылилось бы...

– И?..

– Сдали его одной семье из отставных охотников. Там такая глушь, деревня почти заброшенная, дай Бог семей десять или около того... С трудом убедили в том, что ему нужен отдых, что он хорошо потруился, что мы вполне взрослые для того, чтобы обойтись без его участия, а лучше просто будем обращаться к нему за подсказкой, если что. Уж третий год живет там. И, кажется, начал мало-помалу терять рассудок вовсе; в последний наш приезд не спросил, как обычно, сумели ли мы найти убийц матери, да и нас самих едва признал.

– Лучше так, – хмуро заметил Лукас. – Чем та его... одержимость.

– И в университет ты так и не вернулся, – все так же тихо отметила Нессель. – Почему?

– А почему ты в Инквизиции? – отозвался тот. – Ты же не штатный служитель, как я понимаю, но все равно с ними работаешь. Почему?

Лесная ведьма замаялась, невольно распрямившись и бросив на Курта украдкой короткий взгляд.

– Это... сложно объяснить, – через силу выговорила она и, поняв, что отделаться этим не удастся, продолжила, подбирая слова осторожно, точно на допросе, от коего зависела жизнь ее собственная и всех ее близких: – Потому что в мире много зла. Я бы хотела, чтобы его стало меньше, но в одиночку я не могу ничего сделать. Точнее, я могу очень мало. Я могу совладать с обыденным злом: с болезнью или бытовой неурядицей. Но... есть великое зло, с которым должны бороться другие люди, у которых есть для этого силы и средства. А я могу помочь им.

– Вот, – кивнул Лукас уверенно. – Иного ответа и не ожидал... Тогда ты меня должна понять и без моих объяснений. Разница лишь только в том, что я и есть тот человек, у кото-

рого есть силы и средства для борьбы с этим великим злом. Знаешь, среди охотников так говорят: «почему мы этим занимаемся? – потому что другие не могут». И они правы.

– Красиво, – заметил Курт, ухватившись за возможность сменить тему и не позволить братьям еще глубже затянуть Нессель в обсуждение инквизиторской работы, – но вранье. Кроме вас может и кое-кто еще, а из вас помощь и сведения клещами вытягивать надо... Да Бог с ней, с вашей помощью, вашу братию приходится зажимать в углу, как ломаку-девственницу, чтобы вы приняли помощь *от нас*.

– Вашей Конгрегации – четыре десятка лет от роду, – беззлобно огрызнулся Ван Ален, – а охотники существуют черт знает сколько столетий. Привыкли полагаться на себя. Мы-то были, есть и будем, а вот что с вашим ведомством может приключиться спустя год-другой – одному Богу известно. Не могу порицать наших за то, что они осторожничают и вот так с ходу кидаться к вам в объятья не желают... Возвращаясь к нашей беседе о возможной ненадежности конкретных представителей Конгрегации, – с подчеркнутой язвительностью продолжил охотник, – помимо упомянутого тобою молодого оболтуса, есть еще обер-инквизитор. Если ты и впрямь напал на след (к слову, спроста ли девчонку в этот самый протокол не внесли?), если местная инквизиторская братия нечиста на руку и обер-инквизитор все это контролирует... Он бы мог покойницу и... того.

– Если б парень не признался, что убить любовницу решил сам, – вздохнул Курт; Ван Ален передернул плечами:

– Ты сам сказал: он еще не окончательно пришел в себя. Быть может, протрезвев, припомнит что-то такое, что в общую канву не уложится... Сам-то парень замешан в истории быть не может?

– Нет, – качнул головой Курт, с усилием потерев глаза пальцами. – По крайней мере, ничто на это не указывает... Так что у вас? Хотя что-нибудь есть?

– Не совсем, – неуверенно отозвался Ван Ален. – Мы решили зайти с другой стороны и проверить слухи о призраках в доме судьи. Тебе твой обер рассказал, что такие сплетни ходят в Бамберге?

– Он говорил, что слухи были проверены и опровергнуты. Не так?

– Так, – подтвердил охотник. – Но кое-что занятное мы все-таки выяснили. О том, что наследников не осталось и дом отошел во владение городу, ты знаешь?... Так вот, сейчас ситуация немного иная: никто из горожан в бывшем жилище судьи так и не поселился, но город им уже не распоряжается, ибо дом у него выкупило семейство Гайер.

– Гайер, – повторил Курт неторопливо, припоминая просветительскую лекцию, прочитанную ему служителем кураторского отделения накануне отъезда в Бамберг. – Местная патрицианская семейка, владеет островком Вёрт и имеет немалое влияние на городскую политику.

– Можно сказать и так, – кивнул Лукас с усмешкой. – Вот и здесь они тоже «повлияли». Станным образом слухи все множились и множились, цена на дом все падала и падала, и когда она дошла до предела стоимости, сравнимой с оценкой какой-нибудь лачуги в трущобах, – явился Лютбальд Гайер и широким жестом избавил город от мертвого груза. После чего (не *до этого*, а *после*) привлек к делу местный Официум, каковой произвел обследование жилища и вынес заключение, что дом чист, призраки – сплетня, и жить в доме можно со спокойной душой.

– И цена опять поползла вверх, – договорил Курт. Ван Ален кивнул:

– К нынешнему дню снова добравшись до своей реальной стоимости.

– Я надеюсь, – заметил Курт скептически, – ты не хочешь сказать, что семейство Гайер подставило судью и довело до самоубийства его дочь, чтобы прикупить себе домик?

– Нет, – невесело улыбнулся Лукас, переглянувшись с братом, – но сам согласишься, дело странное.

– Как вам удастся все это узнавать? – оборвал его Курт. – Когда я задаю вопросы, мне отвечают, потому что я инквизитор и имею право эти самые вопросы задавать. Но вы – никто. Как вы исхитряетесь получать информацию так, чтобы люди не интересовались причиной вашего назойливого любопытства? Сбор сплетен и слухов по трактирам – понимаю; застольные беседы с незнакомцами – обычное дело. Но вы говорите с соседями, родственниками, знакомыми, приходя к ним в дома. Почему они вам отвечают, а не шлют тотчас же далеко и внятно?

– А ты, как всегда, сама учтивость, – хмыкнул Ван Ален. – Да, порой у нас интересуются, для чего нам знать все то, о чем мы спрашиваем, и мы даже говорим, для чего. А нужно нам все это, потому как занимаемся мы сбором сведений о происшествиях дивных, чудесных, невероятных и поучительных для доброго христианина. Сию миссию нам поручил доктор теологии, каковой по старости и немощности не имеет возможности путешествовать по просторам Империи, но желает до своей кончины завершить труд, призванный собрать в себе наиболее удивительные события, связанные с человеческими грехами, святостью, чудесами, дьявольскими кознями и Господней милостью. У меня даже документ надлежащий имеется.

– Документ, – повторил Курт безвыразительно; охотник кивнул, расплывшись в улыбке:

– Точней, их два. Когда мы работаем ближе к северо-востоку – в ходу верительная грамота от Хайдельбергского университета, когда ближе к юго-западу – от Эрфуртского. Оба университета достаточно известные, чтобы про их существование знали, но недостаточно прославленные, чтобы кто-то мог выяснить, что там за доктора водятся и чем занимаются.

– Ну, и к чему это? – устало вздохнул Курт. – Для чего мухлевать с поддельными документами, если можно получить официальную лицензию от Конгрегации и работать, не боясь, что вас внезапно раскроет кто-то чересчур умный или осведомленный?

– Лицензию, – повторил Ван Ален недовольно. – А к ней в довершок необходимость подчиняться правилам и приказам вашей братии. Пошел-ка ты, Молот Ведьм, с такими дарами... далеко и внятно.

– Все равно до того, чтобы показывать эти бумажки, почти никогда не доходит, – примирительно улыбнулся Лукас. – Люди любят поболтать. А когда узнают, что их байка может «попасть в книгу», – рассказать готовы все, что угодно, вплоть до подробностей первой брачной ночи. Правда, порой приходится отделять правду от придуманного по ходу дела, чтоб история выглядела повнушительней, но это уж дело опыта.

– А когда вас возьмут за задницу, примчитесь ко мне с просьбами прикрыть и оградить?

– Ну, должна же быть какая-то выгода от знакомства с инквизитором, – пожал плечами Ван Ален и лишь еще шире улыбнулся, когда Курт одарил его молчаливым прожигающим взглядом. – Так вот, возвращаясь к нашим пройдошливым ребятам с островка, – продолжил охотник, посерьезнев. – Мы выяснили: Гайерам принадлежит значительная часть недвижимости в Бамберге. И дома большинства, если не всех, кто был казнен Официумом или магистратом, не имея при этом наследников, – прошли через руки этой ушлой семейки.

– Euge²⁷, – покривился Курт. – Только этого не хватало.

– Пока, – осторожно заметил Лукас, – похоже на то, что попросту обер-инквизитор в сговоре с магистратом наладил освобождение жилищ для перепродажи семейством Гайер, вероятно, за долю в сделках. А это значит, что никакого всплеска малефиции в Бамберге нет, и твоего сослуживца, вероятнее всего, убрали, когда он то ли догадался об этом, то ли каким-то образом вычислил, идя по следу дела судьи Юниуса.

²⁷ Отлично (лат.).

– Или семейство Гайер подбивает магистрат и Официум на аресты тем, что подбрасывает инквизиторам дела, созданные своими собственными руками, – неуверенно и тихо добавила Нессель. – И инквизиторы с ратманами свято верят в то, что избличают преступников...

– Или просто эти люди знают свое дело, – продолжил Ван Ален. – Если они столько лет занимаются таким, прямо скажем, непростым ремеслом, как торговля недвижимостью, значит, должны иметь нюх на удачные сделки. Всего-то и нужно – вовремя узнать, есть ли наследники у очередного отправленного к Господу на личный суд, и в нужный момент перехватить домишко у города, сбить цену различными ухищрениями, или провернуть еще какую уловку, или выкупить у оставшейся в живых родне, убитой горем, дом по дешевке, или урвать домик у тех, кто решил свалить из Бамберга... Тогда мы остаемся, с чем были: неподтвержденные подозрения в странной активности малефиков в Бамберге и убитый по каким-то неведомым причинам инквизитор, а эти дельцы – так, мимо пробежали.

– И самое поганое, что все три версии выглядят логичными, – вздохнул Курт. – И имеют право на жизнь, *dixerim*²⁸.

– Отметать участие семейки Гайер сразу я бы все же не стал, – остерег его Ван Ален. – Уж больно они в этой истории глубоко увязли... Даже если выяснится, что к самым арестам и осуждениям они отношения не имеют, – наверняка им о внутренних городских делишках известно побольше, чем девицам из трущоб и пьяным ухажерам, и вдруг да скажут что полезное. Но выяснить это сможешь только ты, здесь уж наши бумажки не помогут...

Курт задумчиво кивнул, поленившись прочесть охотнику очередную лекцию на тему полезности открытого сотрудничества с Конгрегацией, и вопросительно поднял брови, когда Ван Ален добавил с усмешкой:

– Кстати, у тебя даже есть через кого к ним подступиться. Старая знакомая, – пояснил охотник. – Помнишь графиньку, которую ты десяток лет назад спас от стригов в Ульме? Она на днях явилась в Бамберг. Сняла себе домик из бывших во владении Гайеров, частенько с ними видится и, говорят, несколько раз уже бывала поблизости от пустующих нераспроданных домов – явно приглядывалась. Судя по всему, дамочка и сама барыжит хатами.

– Уверен? – нахмурился Курт. Ван Ален пожал плечами:

– Адельхайда фон Рихтхофен, графиня. Сколь я помню, именно так звали ту женщину. И вот я что мыслю: прошло, понятно, уж десять лет, но спасенная жизнь, а тем паче – спасение от столь страшной участи, за такой срок не забывается. Попробуй к ней подкатить. Подмигни, там, скорчи улыбочку, поинтересуйся благополучием, пробуди фантазию и выжми пару приятных фразочек... А когда растает – глянь, нельзя ль через нее выйти на эту семейку дельцов. Или, быть может, она сама о чем проболтается.

– Идея стоит того, чтобы попытаться, – пробормотал Курт, ощутив, как в переносицу толкнулась внезапная, уже давно не ощущаемая, резкая боль. – Где она сняла дом?

²⁸ Так сказать (*лат.*).

Глава 7

Из «Святого Густава» Нессель вышла задумчивой и оттого не столь напряженной, как прежде, – вместо того, чтобы коситься на улицы вокруг и сжиматься при взгляде на проходящих мимо людей, ведьма смотрела лишь себе под ноги, что-то мысленно взвешивая и хмурясь каким-то невысказанным раздумьям. Курт шагал рядом молча, не пытаясь и даже в какой-то мере опасаясь разрушить ту стену, каковой она оградилась от мира, и отчего-то невольно болезненно поморщился, когда Нессель нарушила молчание.

– Эти люди... – кивнув через плечо на оставшийся позади трактир, произнесла она, – ты часто вот так работаешь с ними? Кто они? Они ведь не имеют отношения к вам, так я поняла?

– Так, – кивнул он, – не имеют. Это охотники. Они существуют сами по себе и, если верить их хронистам, куда дольше Инквизиции. Некоторые из них считают, что и куда дольше Церкви тоже, но это остается недоказанным, ибо нет свидетельств, подтвержденных чем-либо, кроме преданий и охотничьих баск. Славные парни. Правда, своевольные, и оттого работать с ними тяжело. Они блюдут свои охотничьи тайны, для них самих порой самые обыденные, в то время как для нас – жизненно важные, таят сведения, каковые могли бы и облегчить нам работу, и в итоге спасти куда больше жизней и избавить мир от куда большего количества нечисти. С одной стороны, Яна я могу понять: Конгрегация, если сравнивать с их сообществом, и впрямь еще молода, и кто знает, как может всё повернуться однажды, политика есть политика. В конце концов, ведь охотники смогли выжить, сохранить себя самих и свои знания не в последнюю очередь благодаря собственной осторожности и такой вот замкнутости... Но подчас они с этим перегибают палку, не желая делиться даже самыми простыми секретами, вроде противоядий от укусов ликантропа, или же, напротив, руками и ногами отбиваясь от наших попыток оказать помощь им самим... В последнее время наши отношения кое-как наладились – даже они понимают, что в мире происходит уже нечто вовсе нехорошее и надо объединять силы.

– А что происходит?

Курт помедлил, ответив не сразу, перебирая в мыслях все услышанное на заседаниях Совета, увиденное собственными глазами и глазами следователей, составлявших отчеты, которые ему доводилось читать за последние пару лет... Что из этого можно открыть лесной ведьме, которую, по большому счету, он видит второй раз в жизни? И главное – нужно ли...

– Я не знаю, – отозвался он, наконец. – Но что-то происходит – это бесспорно. Твари, которых прежде было не сыскать силами зондергруппы и пятерки следователей, все чаще попадают едва ли не толпами. Мстительные, неупокоенные призраки и души умерших – то, что даже опытными следователями все чаще относилось к разряду сказок или событий давно минувших дней, – явление теперь не столь уж необыкновенное. Все больше малефиков – осмелевших и обнаглевших. Охотники рассказывают то же самое – их люди гибнут вдвое чаще, чем прежде, потому что работы прибавилось втрое. Даже самые старые из них не помнят, когда такое было. Стриги, кажется, единственные, кто еще сидит более или менее тихо, но и они начинают поднимать голову – чувствуют, что наступает благое время для них. И... – он вновь умолк на мгновение, не глядя в сторону Нессель, но чувствуя, что ведьма смотрит на него выжидательно, и медленно договорил: – И Каспар. Он и его приятели становятся все настырней.

– Приятели? – переспросила Нессель; по ее тону было отчетливо видно, что на ответ ведьма не надеется, однако он кивнул с невеселой кривой усмешкой:

– Да... Если так можно сказать. Он не просто мой личный враг и не просто опасный человек. Он – один из трех малефиков, в чьих планах не только моя смерть (это, скорее,

для них приятное дополнение к основному блюду), но и смерть Империи, Веры, христианского мира... А в планах одного из них – и мира вообще. И самое страшное заключается в том, что мы до сих пор не знаем, известно ли это ему самому, или же он одурманен своими богами и рассчитывает на власть над миром и человечеством после своей победы... Или он попросту сбрендивший старик – насколько мне известно, даже Каспар почитает его таковым. Те трое грызутся меж собою, но это не мешает им объединяться время от времени и вести войну против Конгрегации и Империи. Им подчиняются или помогают из корысти либо по идейному согласию курфюрсты, бароны, крестьяне, герцоги, колдуны, стриги, простые наемники. Любой, кто прошел мимо нас с тобою сейчас по вот этой улице, кто сидел с нами в трапезном зале трактира, кто поселился в соседней комнате, – *любой* может оказаться одним из них.

– И моя Альта... Она нужна Каспару для его армии? Чтобы вырастить и натравить ее на вас?

– На *нас*, – поправил Курт мягко, но решительно. – На людей. Без разбора по вере, святости, возрасту, наличию или отсутствию сверхобычного дара и тем более верности тому или иному правителю. Люди для него делятся лишь на три типа – орудия или препятствия...

– Ты сказал «три», – тихо заметила Нессель; он кивнул:

– Да. Есть еще третий, в который мне и не посчастливилось угодить: любимая игрушка. К какому типу относится в его понимании твоя дочь – я не знаю; если он и впрямь уверен, что я имею к ней отношение, то наверняка сразу к двум. Но «орудие» будет стоять на первом месте.

Нессель бросила в его сторону короткий напряженный взгляд, беззвучно шевельнув губами, и дальше зашагала молча, глядя вновь лишь себе под ноги, еще более задумчивая и хмурая, так и не произнеся более ни единого слова вплоть до самой комнаты в «Ножке», где сразу же ушла на свою половину. Что она делала за закрытой дверью, Курт не знал и, откровенно говоря, знать не хотел – еще одного приступа уныния и новой порции слёз он бы сейчас не вынес...

– Мне придется оставить тебя здесь, – сообщил он сквозь закрытую створку. – Я ненадолго. Засов не опускай, я запру дверь снаружи.

Нессель отозвалась глухо и неразборчиво, однако переспрашивать или заглядывать он не стал, торопливо выйдя прочь.

Возвратился Курт и впрямь довольно скоро – все заняло около часа, большая часть которого ушла на то, чтобы отыскать нужное место в городе без своего уже привычного провожатого и ежеминутных вопросов к прохожим: привлекать к себе внимание было ни к чему. Теперь надлежало лишь дожждаться ночи...

Остановившись у распахнутого окна, Курт, раздраженно морщась от палящего солнца, долго смотрел вниз, на узкие улочки, сам не зная зачем, да и вряд ли кого-то видя. Мимо проходили мужчины, женщины, однажды пробежал мальчишка в одежде заметно не по размеру, время от времени снизу, из окон трапезного зала, доносился грохот отодвигаемой скамьи или оклик – вокруг жил своей жизнью мирный, спокойный городок, в котором просто не могло случиться ничего серьезней, чем кража ведра с бельем у зазевавшейся хозяйки. Впрочем, по опыту можно было сказать, что именно в таких отдаленных городках чаще всего и происходят события самые страшные, преступления самые чудовищные и укрываются тайны самые невероятные...

Курт вздохнул, отвернувшись от солнечной улицы, прошел к своей дорожной сумке; покопавшись, извлек из нее небольшую плоскую шкатулку, украшенную клетчатой двухцветной глазурью, уселся за стол, отщелкнул скрепляющую две половинки маленькую застежку и высыпал на стол крохотные, с полмизинца, фигурки, отливающие желтизной старой кости. Шахматы на разложенной перед собою маленькой доске он расставлял долго,

медлительно, тщательно устанавливая каждую фигуру точно по центру квадрата, мыслями пребывая где-то вдали и от этой комнаты, и будто от себя самого, а потому вздрогнул, когда голос Нессель позади окликнул:

– Что делаешь?.. Скучно, – пояснила она, когда Курт обернулся, уставившись на нее с удивлением, с легким оттенком паники отметив, что не услышал ни звука открывшейся двери, ни ее шагов. – Не могу я сидеть там и смотреть в стену... Ничего, если посижу с тобой?

– Боюсь, со мною тебе будет не намного веселее, – усмехнулся он, аккуратно установив башню на ее место. – Собеседник из меня не слишком занимательный.

– А ты расскажи, что это за женщина, про которую завел речь тот охотник, – предложила Нессель, усевшись напротив. – Он так говорил, как будто у вас с ней что-то было... Не представляю тебя с женщиной, откровенно сказать.

– От тебя это звучит вдвойне занятно, – заметил Курт; она фыркнула:

– Это не считается. Я имела в виду – по-настоящему, как это бывает у всех нормальных людей, когда чувства, когда обоюдное влечение... Я будто бы и понимаю, что за столько лет жизни ты не мог себе кого-то не найти, но все же – ни в какую не могу себе вообразить тебя и кого-то... вот так.

– Оно, в общем, и не «вот так», – пожал плечами Курт, установив последнего короля и оставшись сидеть, глядя на доску. – Мы просто виделись пару раз.

– И ты спас ей жизнь, – уточнила Нессель с нарочито умильной улыбкой; он поморщился:

– Да... было дело... Это случилось той весной, когда я угодил в твой лес. Помнишь, почему тебе пришлось использовать, так скажем, не совсем заурядный способ меня излечить?

– Ты торопился, – кивнула она, – спешил попасть в Ульм как можно скорее и говорил, что должен встать на ноги немедленно, ибо каждый день и час на счету.

– Именно. В Ульме обосновалось гнездо стригов, причем засели они в замке местного ландсфогта и все более подгребали под себя ульмскую знать, а следователя, который должен был их вычислить и обезвредить, убили по пути туда. Я должен был его заменить. Стригов я тогда нашел, но задержать их в одиночку не рискнул бы, да и не должен был – по нашим правилам. Однако пришлось.

– Они захватили ту женщину? Чтобы надавить на тебя?

– Скорее – на моего приятеля, ее жениха, что помогал мне в расследовании. Местный барон, довольно сообразительный парень, который принимал в жизни города участие самое деятельное и желал помочь... ну, а кроме того – был неприлично любопытен и все надеялся с моей помощью увидеть живого стрига. М-да... Вот и увидел. Ты побывала в Ульме, когда искала меня, – наверняка ведь слышала там легенду о том, как я в одиночку вырезал целый замок стригов и простых смертных наемников? Вот только это не совсем так: нас было двое, стригов трое, и нам несказанно повезло... – Курт помолчал, невольно проведя пальцем в черной перчатке по бусинам деревянных четок, что висели на его запястье, и вздохнул: – А если точнее – то и нас тоже было трое, и помимо везения нам споспешествовало самое настоящее чудо.

– Хорошо, что ты все еще держишь их при себе, – заметила Нессель. – Повторю снова, что тот, кто одарил тебя ими, наделил тебя небывалым благословением... И к слову, в них что-то изменилось. Теперь я уже не могу сказать, что ты носишь их просто так.

– Я их, как ты это назвала, «намолил»? – усмехнулся Курт, отчего-то смутившись и заметив с неприятным смутением, что это чувство неловкости, будто его застучали где-то на пустынном берегу речки голым и безоружным, возникает слишком часто при беседах с лесной ведьмой; чувство это нисколько не напоминало испытанное в далекой юности любовное

смущение и было чем-то другим, глубинным, первобытным и настолько похожим на страх, что становилось не по себе...

– Да, на них теперь есть твой след, – просто кивнула Нессель. – И не смейся.

– Вот уж даже и не думал... – буркнул он себе под нос, зачем-то поправив и без того идеально стоящую фигурку на доске.

– А что та женщина? – снова спросила она с многозначительной улыбкой. – Ты сказал, что тогда в Ульме ты истребил стригов на пару с ее женихом, но почему-то все, даже этот охотник, считают, что это сделал ты один и что тебя с нею что-то связывает. И в Бамберг, как я поняла, она почему-то приехала одна, без мужа. А между тем – вон сколько лет прошло.... Твой приятель так и остался вечным женихом?

– У них... не заладилось, – на миг замявшись, ответил Курт. – Но я здесь ни при чем.

– Врешь ты все, – еще шире улыбнулась ведьма. – Но я не в обиде. Понимаю, какие у тебя тайны.

– *Id est?* – нахмурился он и переспросил, уловив непонимание в ее глазах: – То есть?

– Ты о чем-то молчишь, – пояснила Нессель с готовностью. – Не говоришь правды и о том, что в Ульме было, и про этого «жениха», и про нее саму, и про то, что между вами есть... Виляешь, как заяц. Но, как я уже сказала, обижаться не стану: я понимаю, что на всю Германию прославленный инквизитор наверняка замешан в таких темных делишках, про которые всяким сторонним ведьмам знать не положено. Я и не уверена, что хочу... А про женщину спросила, потому что было и впрямь подумала, что у тебя вдруг что-то с кем-то может оказаться всерьез, и меня это удивило.

– Всерьез у меня оказаться не может ни с кем, – отозвался Курт сумрачно. – Сколько у меня врагов и каких – ты уже, думаю, поняла, а ведь я тебе и половины не раскрыл. При такой жизни лучше не иметь близких людей, через которых меня можно достать. Пока я один, я подставляю только себя, стоит допустить к себе хоть кого-то – и он окажется в опасности, быть может, еще большей, чем я сам. И меня поставит перед выбором, который я делать не желаю, – пару раз приходилось, и мне это не понравилось... Я не стану отрицать, что до конца откровенен с тобою не был. Не столько потому, что не верю тебе, сколько ради твоей же собственной безопасности. Поверь, кое-чего лучше не знать... Как ты поняла это? – спросил он, не дав Нессель ответить. – Ты можешь увидеть, когда человек лжет?

– Нет, – вздохнула она и, помолчав, невесело улыбнулась: – Вот Альта – она такое немного умеет. К сожалению, не всегда – ведь того человека она не раскусила... Быть может, с опытом еще научится. А я – всего лишь понимаю, когда меня обманываешь ты; я не вижу тебя, но... чувствую и понимаю движения твоей души. С другими такого нет, посему, если ты надеялся, что я смогу помочь тебе в твоём расследовании, обнаруживая для тебя лжецов, забудь: не смогу.

– Жаль, – вздохнул Курт, вдруг осознав, что испытывает непреодолимое желание отодвинуться от своей временной подопечной подальше, а лучше и вовсе уйти из этой комнаты прочь...

– Как думаешь, мы сможем жить в мире? – вдруг тихо и серьезно спросила Нессель, и он удивленно воззрился на собеседницу, на миг забыв о своем смятении.

– Мы – кто? – уточнил Курт осторожно; ведьма пожала плечами, вяло обведя рукой комнату и неопределенно кивнув в сторону окна:

– Мы все. Люди, как ты, и... такие, как я, как Альта. Однажды мы сможем спокойно жить вместе или вы просто со временем истребите нас, чтобы жилось спокойно и не было опасности за спиной?

– Что за вздор? – возразил Курт. – Я бы понял, если б такой вопрос задала твоя мать или ты сама в тот день, когда мы с тобою встретились впервые и ты еще не знала, как все на самом деле, но...

– А я все еще не знаю, как все на самом деле. И на самом ли деле. Вот посмотри на себя: ты сейчас хочешь схорониться от меня под стол или вытолкать меня из комнаты, и я вижу, как ты все больше и больше уходишь в эту свою колючую скорлупу... И этот багрянец снова над тобою. Тебя раздражает и пугает, что я... такая.

– Готтер, – с расстановкой произнес он, стараясь говорить как можно мягче, но все равно слыша, как в голос просачивается неприятная и неуместная жесткость. – Поверь мне. Любой мужчина захочет спрятаться под стол от женщины, которая «видит движения его души». Ну, или вытолкать ее из комнаты... А мне, – добавил Курт, улыбнувшись в ответ на неровную, унылую усмешку ведьмы, – так и вовсе по чину не полагается быть для кого-то читаемым, подобно книге. И то, что хоть кто-то умудряется вот так видеть меня, – говорит о моей несостоятельности как следователя, что меня отнюдь не радует.

– Другие не увидят, – повторила Нессель. – С ними ты не... И все же, – оборвав саму себя на полуслове, продолжила она, – покоя между нами нет. Такие, как я, работают с вами или на вас, вы пользуетесь их услугами и позволяете жить между людьми, вы уже не преследуете всех подряд лишь за одно только отличие от простого человека, да... Но все равно всё не так, все равно мы словно два разных существа, и как человека меня не принимают.

– Не ты ли рассказывала, что в вашей деревне...

– В нашей деревне, – перебила Нессель, – ко мне относятся, как к убогой. Сперва – боялись, а когда поняли, что употреблять свой дар во вред я не желаю, – стали меня принимать так, будто я какая-то скорбная рассудком или увечная... То есть, ты понимаешь, что я сказать хочу? Я не думаю, что это – из-за того, что я сирота или одинокая, я просто уверена, это потому что я – *такая*. Не бывает так, чтобы относились ровно, точно так же, как к своему соседу, как к любому из людей. Нас либо боятся (или хоть опасаются, вот как ты), либо к нам снисходят. Но боятся – чаще.

– Это дело времени, – помедлив, отозвался Курт, снова поправив одну из фигурок на доске. – Слишком мало лет миновало с тех пор, как мы были по разные стороны, и люди еще не привыкли, не поняли, что им положено думать и чувствовать, – в самих себе не разобрались. Пока еще живо поколение тех, кто помнит, как это было, – с обеих сторон. Люди меняются медленно, а в лучшую сторону – еще и неохотно. Надо просто подождать... И, разумеется, делать что-то для того, чтобы это положение изменилось. Мы стараемся, как можем. Все наладится, просто не сегодня и, быть может, не завтра.

– Хотелось бы надеяться... – тихо произнесла Нессель, даже не пытаясь скрыть недоверчивость в голосе. – В этом мире, который строите ты и твои братья, жить моей дочери...

Она запнулась, на миг опустив взгляд и поджав губы, и тут же распрямилась, встряхнувшись точно кошка под дождем.

– Если все в вашей Конгрегации такие упрямые, как ты, у вас должно получиться, – с неискренней улыбкой подытожила лесная ведьма и кивнула на доску с крохотными фигурками: – Этим ты себя развлекаешь, когда нечем заняться?

– Обыкновенно да, – так же вяло и фальшиво улыбнулся Курт. – Лучше б, разумеется, было завести себе соперника, но в игре против самого себя тоже есть свои плюсы; в конце концов, именно себя одолеть зачастую и трудней всего. Проверено не единожды... Хочешь, научу? Хоть будет чем убить время в мое отсутствие, если мне вновь потребуется уйти одному.

– Не думаю, что я это постигну, – покривилась Нессель. Он отмахнулся:

– Чушь. Меньше слушай высокородных зазнаек, на самом деле – это просто. Единственное, что нужно, – запомнить правила, по которым полагается переставлять каждую фигуру, а остальное всецело во власти твоей выдумки... Двигайся ближе. Двигайся, двигайся – обещаю, что под стол не спрячусь.

* * *

– То есть, я должна остаться тут одна? – уточнила Нессель, исподлобья глядя на то, как он копается в дорожной сумке. – На всю ночь?

– Никто не будет знать, что меня нет, – вынув, наконец, веревку, повторил Курт уже во второй раз и поднялся с корточек, ногой задвинув сумку под кровать. – Для того и выбираюсь вот так, тайно. Тебе ничто не грозит.

– Ты не в заботе о моей безопасности так выбираешься, а чтобы никто не знал, куда ты направился и что вообще куда-то направлялся, – хмуро возразила она. – К той женщине идешь?

– Не совсем, – мотнул головой Курт, отвернувшись, дабы она не видела его лица, и не зная, поможет ли этот детский трюк вкупе с высказанной полуправдой оградиться от всепроникающего взора ведьмы. – Хочу кое-что проверить и кое за кем проследить. И поверь мне, тебе там делать нечего совершенно... Оружие есть?

– Сам же знаешь, что есть... Стало быть, мне ничего не грозит, – размеренно повторила Нессель, – но ты спрашиваешь, есть ли у меня оружие?

– Никогда нельзя быть слишком готовым, – пожал плечами Курт, привязывая веревку к ножке кровати. – Когда спущусь, втяни ее и закрой окно на задвижку; вернусь я утром, посему она мне больше не понадобится.

– И ты мне конечно же не расскажешь, где ты будешь шлаться до утра? – насупилась Нессель; он усмехнулся, усевшись на подоконник:

– Вот я и дожил до этого дня: женщина задает мне такие вопросы... Поговорим, когда возвращусь; все будет зависеть от того, что мне удастся узнать. Не забудь запереть ставню на задвижку, – повторил Курт уже серьезно и, подергав за веревку, кивнул: – Сядь на кровать. Она и так тяжелая, но... на всякий случай.

– А что мне делать, если утром ты не вернешься?

– Я вернусь, – отмахнулся он. Ведьма насупилась, зло шлепнувшись на постель и пробормотав под нос нечто неразборчиво-ожесточённое, и Курт вздохнул: – Хорошо, ты права. План действий надо иметь и на этот случай тоже... Если со мною что-то случится, не обращай к нашим в Бамберге, иди в тот трактир, где мы были сегодня днем, и расскажи всё Яну – *вообще всё*. Пусть немедленно валит из города вместе с тобой и отыщет Бруно. Он придумает, как.

– И этот охотник будет со мной тетешкаться, а не пошлет куда подальше?

– Этот – будет, – кивнул Курт уверенно. – Но еще раз, главное: не вздумайте сунуться в Официум. Это – понятно?

– Веришь бродячему жулику больше, чем своим братьям?

– Чем кой-каким из них – да, – вздохнул Курт, бросив взгляд на пустынную улицу, и повторил снова: – Закрой за мною задвижку.

Нессель кивнула, вздохнув и упершись ладонями в кровать, словно надеясь таким образом придать этому и без того массивному деревянному монструму дополнительный вес, и Курт улыбнулся ей – натянуто и нарочито жизнерадостно.

Вниз он спустился в два прыжка, поморщившись, когда слегка не рассчитал первый толчок и подошва соскользнула, едва не угодив в окно этажом ниже; Нессель появилась наверху молча, втянула веревку внутрь и, не задержавшись у окна, аккуратно, без стука, закрыла ставню. Курт на миг замер, прислушиваясь; внутри трактира и на душных безлюдных улицах царила тишина, лишь сверчки надрывались во всю мощь, будто стремясь заполнить неестественную пустоту и безмолвие. Та же тишь и пустота сопровождали его по извилам холмов между домами, и единственным живым существом, встреченным на пути, была

откормленная ленивая кошка, вальяжно развалившаяся у одного из мостиков и проводившая мастера инквизитора равнодушным взглядом.

К нужному дому Курт вышел спустя несколько минут; остановившись чуть поодаль, вновь замер на мгновение, оглядываясь и вслушиваясь, и, быстро прошагав к двери, тихонько стукнул в створку – один раз. Дверь приоткрылась почти тут же – ненадолго, только чтобы позволить ему проскользнуть в неширокую щель, – и без единого звука закрылась за его спиной, лишь едва-едва прошуршав засовом в петлях.

– За мной, – тихо проронила черноволосая женщина в легкой пенуле прямо поверх ночной сорочки, поманив его рукой со светильником, и, развернувшись, двинулась по лестнице наверх.

Во вторую от лестницы дверь, ведущую в комнату с наглухо закрытыми ставнями, она вошла, все так же не оглядываясь, прошла к столу и, установив на него светильник, бросила на ходу:

– Засов.

Курт осторожно, стараясь не гроыхнуть и не скрипнуть, вдвинул деревянный брус в петлю и развернулся к хозяйке дома, вдруг поняв, что не знает, какими словами начать разговор.

– Сколько времени у тебя в запасе? – спросила та, медленно приблизившись на два шага; он передернул плечами:

– Прикрыт до утра. Какими судьбами ты...

– Стало быть, поговорим потом, – оборвала она решительно, и Курт с готовностью умолк, тоже шагнув навстречу.

– Ничего не имею против, – согласился он серьезно.

– Свидание раз в десять лет – это перебор, – вздохнула Адельхайда, потянувшись, и перевернулась на бок, приподнявшись на локте и подперев ладонью щеку. – А с нашей службой каждое из них может и вовсе оказаться последним.

– Раз в *пять* лет, – поправил Курт с улыбкой, она фыркнула в ответ:

– Пражское не считается. То еще свиданьице – явиться в разгар расследования, чтобы увидеть даму мельком, поцеловаться с ней над трупом предателя и сбежать на следующий день, не попрощавшись.

– Для последнего у меня были веские причины.

– Да, я знаю, – отозвалась Адельхайда уже серьезно и, помолчав, вздохнула: – А мне не удалось даже побывать на погребении...

– И не только тебе. Отец Бенедикт был духовным отцом для многих... да и не только духовным. Большинству из нас он был единственным настоящим отцом вообще. И большинство по тем или иным причинам не смогли с ним попрощаться; нам с Бруно еще повезло...

– Как ладишь с ним? – спросила она спустя мгновение молчания. – Я понимаю, что вы всегда были душа в душу, но все ж одно дело напарник, а другое – духовник...

– А когда оный духовник еще и бывший помощник на побегушках, а ныне – начальство... – продолжил Курт с улыбкой и отмахнулся: – Оказалось проще, чем я полагал. В сущности, ничего не изменилось – просто теперь на то, чтобы долбить мне мозг, у него есть заверенные документально полномочия, каковыми он и пользуется беззастенчиво... Так какими судьбами ты в Бамберге? И что не так с семейкой Гайер, раз уж ты обратила на них внимание?

– Хотела тебя спросить о том же, – усмехнулась Адельхайда. – Не представляешь моего изумления, когда я увидела тебя расхаживающим подле моего дома.

– Не видел другого способа дать знать о себе, – пожал плечами Курт. – В свете гибели Штаудта все *regulae communicatorum*²⁹ на территории этого города упразднены, посему оставалось лишь нагло импровизировать.

– Как ты узнал, что я здесь, а главное – кто сказал, что интересуюсь Гайерами?

– Помнишь охотника, с которым мы с Бруно вляпались в стаю ликантропов? Он здесь: охотничье сообщество заинтересовало невероятное количество малефиков в этом городе. В процессе расследования, каковое здесь проводит Ян, он и узнал о тебе. Твое имя он запомнил после ульмской истории, и в голове у него, сдается мне, угнездилась какая-то непристойная версия насчет нас с тобою.

– С чего бы это, – вскользя улыбнулась Адельхайда, тут же посерьезнев. – Хм. Резвый парнишка... А ты-то здесь что забыл?

– Расследую исчезновение Штаудта. Точней (если *res suis vocabulis nominare*³⁰) его убийство.

– Работаешь в связке с попечительским отделением? – удивленно приподняла бровь она. – Ты? Неожиданно.

– Висконти попросил меня лично, а в такой ситуации, сама понимаешь, не слишком велика свобода выбирать; и кроме того – убит все же один из нас, пусть и кураторский служитель, а такое оставлять без ответа нельзя... И судя по тому, что о тебе мне никто из Совета не обмолвился ни словом, ты здесь не по его заданию, а по императорскому? Неужто наше Величество обеспокоено мухлежом с недвижимостью в этом городке или я не в курсе чего-то более нешуточного?

– Все, как всегда, сложно, – вздохнула Адельхайда, снова улегшись на подушку и уставившись в потолок. – В первую очередь я здесь именно по императорской воле; Рудольф пожелал узнать, что происходит в Бамберге, – некоторый переизбыток малефиков на единицу пространства ему тоже показался подозрительным, даже с учетом того, что более половины происшествий после завершения расследований были переданы в ведение магистрата. Не меньше его заинтересовало и невероятное единодушие, внезапно установившееся между простыми горожанами, служителями Конгрегации, епископом, магистратом и местной знатью. Обыкновенно хотя бы одно из звеньев в этой цепочке оказывается слабым или вовсе гнилым. Правда, в известность о происходящем Рудольфа поставил Сфорца, он же рассказал мне об убитом *inspector*'е, когда узнал, что Император взвалил проверку на меня. В дело велел не вмешиваться, но вместе с тем дозволил «решать на месте по ситуации»... Старый сукин сын, – тепло улыбнулась Адельхайда, – а ведь у меня возникло ощущение, что он что-то недоговаривает... Как полагаешь, почему он не сказал мне, что и ты здесь?

– Вряд ли он надеялся, что мы не узнаем друг о друге до самого конца наших расследований... – задумчиво проронил Курт и, помедлив, кивнул: – Возможно, опасался, что мы друг другу помешаем так или иначе или что один из нас соблазнит другого своей версией происходящего и утянет на свою дорожку. Быть может, счел, что чем позже мы встретимся – тем больше вероятность того, что к тому времени у каждого из нас будет в запасниках что-то существенное и при встрече мы не будем кидаться друг к другу в поисках версии, в которую можно будет поверить за неимением собственной, а нам будет что друг другу рассказать.

– И как, у тебя есть? – без особенной надежды уточнила Адельхайда.

Курт снова умолк, глядя в стену и не столько решая, следует ли рассказывать всё, сколько подбирая слова и раздумывая над тем, с чего начать.

– Видимо, есть, – сама себе ответила она, снова развернувшись на бок, и приглашающе кивнула: – Говори. Судя по твоему лицу, твоя информация куда занимательней моей.

²⁹ «Правила содеятелей», протокол совместных действий (*лат.*).

³⁰ Называть вещи своими именами (*лат.*).

– Не совсем так, – вздохнул он, – и эта самая информация не слишком-то связана с происходящим в Бамберге вообще... Со мною в город прибыл кое-кто, и это не наш служитель и не агент, но так случилось, что он в курсе всего происходящего. Точнее – она.

– Eia³¹, – заинтересованно отметила Адельхайда, демонстративно устроившись поудобнее, как человек, настроенный выслушать долгую и увлекательную историю. – Продолжайте, майстер инквизитор, я вся внимание.

Курт поморщился, не ответив на ее многозначительную ухмылку, каковая исчезла при первых же словах повествования; рассказ о лесной ведьме Адельхайда выслушала безмолвно от начала до конца, не задавая вопросов и не прерывая, и потом несколько мгновений лежала в молчании, обдумывая услышанное.

– Уверен, что девочка не твоя? – уточнила она, наконец, и, увидев не слишком решительный кивок, коротко улыбнулась: – Жаль. Было бы забавно посмотреть на тебя в роли отца. Хотя, конечно, ребенка было бы жалко, посему – ну их к бесу, такие забавы... Итак, вот и обнаружилось еще кое-что, о чем Сфорца не счел нужным меня известить за все эти годы.

– Думаю, попросту потому, что не было повода, – предположил Курт, – Готтер тогда появилась, свершила свое дело – и исчезла. О ней знали Бруно и отец Бенедикт, Висконти и Сфорца – и этого было довольно. До сей поры всего лишь не было расследований, связанных с нею, и эта информация не касалась тебя напрямую. Не думаю, что мне сделают втык за разглашение тайны, превышающей твой доступ.

– Напрасно ты притащил ее в Бамберг, – укоризненно вымолвила Адельхайда. – Помня о том, как обыкновенно завершаются твои расследования, не могу не заметить, что девчонку ты довольно некрасиво подставил, втянув в свои дела.

– Отказать этой «девчонке» довольно сложно, знаешь ли, а она повисла на мне, как клещ.

– Чем-то она тебя зацепила, – произнесла Адельхайда почти серьезно. – Зная тебя, я бы сказала, что ты... опасаясь ее. Но вместе с тем, именно зная тебя, не могу не отметить, что ты ей доверяешь, причем практически безоговорочно.

– Она вряд ли может оказаться наемницей Каспара или Мельхиора, – усмехнулся Курт, – и уж точно не станет строить заговоры за моей спиной. Хотя *безоговорочно* я не доверяю никому, даже себе.

– Вы обосновались в одной комнате здесь, в Бамберге? И надо полагать, ты не отгораживаешься от нее запертой дверью.

– Резать меня во сне она тоже не станет.

– Как и я.

– Не понял, – нахмурился Курт, и Адельхайда улыбнулась, коротким жестом окинув комнату:

– Готова спорить на что угодно: ты не уснешь здесь. Будешь раздирать слипающиеся глаза, но спать в этой комнате не станешь, как и прежде, когда нам доводилось бывать вместе до утра. Я засыпала, ты – нет. Ты ворочался до самого рассвета, если уходить надо было утром, или сбегал посреди ночи, если была возможность по-тихому проскользнуть незамеченным и вернуться в свое обиталище. Я знаю, что это означает: ты опасаясь засыпать при посторонних, и, сдается мне, я даже могу предположить, что за человек был тому виною... и надеюсь, что она не только сгорела на помосте, но и до сих пор горит в аду, да простит меня Господь за такие слова... До сих пор был лишь один человек, которому ты верил настолько, что мог доверить ему спину во всех смыслах: это Бруно. Мне же, невзирая на все, что нас связывает, такой чести не выпало.

– Я... – начал Курт, и она перебила, воспреещающе вскинув руку:

³¹ Ого (вот как; ух ты и пр.) (лат.).

– Это не в укор тебе. Каждый для себя определяет правила безопасности. В конце концов, Сфорца был прав, говоря, что паранойя – наш лучший друг и что никогда нельзя быть слишком готовым. Меня не столько удручает то, что я не вхожу в твой круг полного доверия, сколько наводит на определенные размышления то, что в него входит некая лесная ведьма.

– Когда она выхаживала меня после отравления, я находился в ее сторожке без сознания, – отозвался Курт не слишком уверенно, – и вреда мне она не причинила.

– Сам ведь знаешь: вчерашний друг сегодня может стать злейшим врагом, и отсутствие враждебных намерений в прошлом еще не гарантирует того же в настоящем и будущем, тем паче, когда речь идет о малознакомом человеке. Здесь, видимо, нечто другое. Почему-то рядом с этой ведьмочкой ты чувствуешь себя защищенным. И тем более удивительно то, что ты так ее опасаясь при этом. Тебе доводилось работать с конгрегатскими expertus'ами, брать ликантропа под личную защиту от людей и сдружиться со стригом – и после всего этого ты с таким смятением упоминаешь о способностях какой-то лесной ведьмы, с которой тебе приходится иметь дело.

– Она видит, когда я лгу, – мрачно заметил Курт. – Согласись, не самое приятное открытие.

– Ужас какой, – с усмешкой подтвердила Адельхайда. – Согласна, это просто страшно.

– И она обыграла меня в шахматы сегодня, – помедлив, договорил он. – Замечу: играть Готтер научил я – сегодня же. Разумеется, я не выкладывался на полную, и разумеется, я поддавался, и разумеется, вышло это у нее почти случайно – но все же тот момент, когда она выставила мне мат, я попросту прозевал.

– Вероятно, потому, что думал совсем не об игре?

– Мнится мне, ты слишком много общаешься с Александером, – покривился Курт. – И набралась от него дурных привычек, в частности – настойчиво присваивать мне малознакомых женщин.

– Касательно одной малознакомой женщины Александер все же оказался прав, – лукаво улыбнулась Адельхайда и пояснила уже серьезно: – Просто не так уж часто встречаются люди, которые вызывают у тебя доверие, и не важно, носят ли они штаны или платье, – важен сам факт того, что ты не подозреваешь их ежечасно в намерении разрушить Конгрегацию, Империю и весь мир. Обыкновенно само лишь твое благорасположение к ним о чем-то говорит.

– О том, что я нахожусь под воздействием чар, например.

– Нет, – мотнула головой Адельхайда. – Для этого ты сейчас слишком рассудителен. Когда имел место приворот, насколько мне известно, именно способность к критическому суждению у тебя и пострадала первой... К тому же, присутствие этой Готтер-Нессель здесь и, как я понимаю, важность ее дальнейшего сотрудничества с Конгрегацией поддержаны и едва ли не навязаны руководством, которое общалось с нею несколько дней, а это лишний аргумент за.

– Остается только отыскать аргументы, которые подействуют на нее саму, – скептически заметил Курт и, подумав, пожал плечами: – Хотя должна же она понимать: раз уж на той стороне заинтересовались ее дочерью, в покое ее теперь не оставят, даже если сейчас все завершится благополучно. Связываться с какими-то малефиками она не пожелает – непричинение зла людям это ее пунктик, стало быть, будет пытаться дочь от подобной судьбы уберечь. Прятаться в лесу снова она явно не жаждет, а отсюда должен следовать логичный вывод, что, кроме Конгрегации, защитить их с дочерью некому. Ну, а с логикой у Готтер все в порядке.

– Полагаешь, девочка действительно может представлять такую уж ценность? Или все дело в том, что Каспар решил, будто она твоя?

– Готтер не раз упоминала о том, что Альта, когда подрастет, станет «сильней ее». Откровенно сказать, не имею представления, что это может означать в отношении ведьминских возможностей, но наверняка что-то серьезное. И мы ведь еще ведать не ведаем, что за человек был ее отцом. Как знать, быть может, и от него девочка унаследовала нечто такое, что усилило ее таланты, полученные от матери... Готтер сказала, что подобрала его раненым, и именно от ран он все-таки умер. Человек, который в предсмертном состоянии способен на постельные подвиги (ну, не изнасиловала же она его, в самом деле, пока он был без сознания?), *ad minimum* отличается невероятно глубокой витальной силой. Или же Готтер умолчала о том, что наемник этот тоже был их ведьмачьей породы. Словом, как ни крути, а от Альты Каспар теперь не отвяжется: бросать любимые игрушки не в его привычках... Что? – нахмурился Курт, уловив на себе пристальный оценивающий взгляд, и Адельхайда пояснила, осторожно подбирая слова:

– Ты иначе стал о нем говорить. Сдержаннее как-то. Так же, как о любом другом, с кем тебе приходилось иметь дело... Остыл. Это хорошо.

– А у тебя какие успехи? – не ответив, спросил Курт. – Есть чем похвалиться, кроме по дешевке снятого домика и знакомства с сомнительными дельцами?

Адельхайда помедлила, несколько мгновений глядя на него неотрывно, и вздохнула, снова улегшись на спину и подложив руки под голову:

– Нет, мне особенно хвастать нечем... Для начала, я не слишком вольна в действиях и довольно ограничена в интересах, которые могу проявлять публично: присутствие мое в городе объясняется паломничеством, в частности – здесь меня привлекают Бамбергский всадник³² и (уже приватно) общение с епископом. Георг фон Киппенбергер – личность занятая. Почти все время он проводит в своей резиденции, однако известен при этом весьма плотным вниманием к делам города и настоящей благотворительностью. Настоящей – то есть не парой монет в год местному госпиталю и его словесным благословением. Госпиталь, если уж на то пошло, содержится почти исключительно на его средства. При этом епископ имеет долю в делах торгового дома Гайер, и по слухам – весь доход именно на благотворительность и спускает.

– «Торговый дом»? Idest, эти ушлые ребята занимаются не только скупкой домов?

– Скупка домов, – кивнула Адельхайда, – посредничество во многих товарных поставках, от продуктов до камня, владение и сдача внаем (или все та же перепродажа) торговых мест и лавок... Епископ практически не лезет в их дела, но получает часть дохода от сделок. И откровенно говоря, гложут меня сомнения относительно созданного в Бамберге образа. По крайней мере, лично я ни разу не встречала сановных благотворителей, чьи слова не

³² Одно из самых известных скульптурных произведений немецкого Средневековья, до сих пор являющееся объектом пристального внимания историков и искусствоведов и вызывающее массу дискуссий. С точностью неизвестно, что за личность была прототипом Всадника. Первая, самая ранняя версия говорит, что это основатель Бамбергского собора, император Священной Римской империи Генрих II Святой, заложивший первый камень в основание собора, канонизированный Католической Церковью в знак его заслуг. Его крипта до сих пор находится в соборе и в Средние века являлась объектом поклонения паломников. По другой версии – это король-епископ Филипп Швабский, начавший свою сознательную жизнь с духовной карьеры, но отказавшийся от сана, чтобы объединить страну (был убит вассалом-предателем). Согласно третьей версии – это император Конрад III, умерший в Бамберге. С его личностью связана одна из вариаций истории о женщинах, спасших своих мужей: по преданию, Конрад, раздраженный долгой осадой крепости герцога Вельфа Баварского, перед решающим штурмом объявил, что позволяет женщинам покинуть крепость, взяв только то, что они могут унести сами, и те вышли из ворот, неся на плечах своих мужей. Конрад объявил, что он держит свое слово, и пощадил мужчин. Четвертая версия объявляет Всадника венгерским правителем Иштваном I Святым, первым королем Венгрии, который и привел королевство к христианству (впоследствии канонизирован Католической Церковью). И, наконец, согласно пятой версии, в статуе Всадника воплощен образ одного из трех Библейских царей-волхвов. По одной из городских легенд, однажды он оживет и проскачет по всей Германии, «провозглашая начало новой эпохи». Уникальность же статуи с исторической и художественной точки зрения заключается в том, что техническое исполнение на несколько столетий опередило свое время (статуя была создана в 1235 году). Реалистичность, пропорции и выразительность памятника свойственны эпохе Возрождения, но никак не Средневековью.

расходились бы с делом. Я намекнула ему, что хотела бы встретиться и обсудить некоторые вопросы по сотрудничеству и преумножению сих капиталов и влияния (за малую мзду, разумеется), но ответа еще не получила. Мерзавец тянет время.

– Сколько благоговения перед саном, – усмехнулся Курт с показной укоризной, и Адельхайда коротко улыbnулась в ответ:

– Он обо мне наслышан, но к женщинам, кои занимаются мужским, по его мнению, ремеслом, относится довольно неприязненно... да и к женщинам в целом тоже. Посему – убеждена, невзирая на заманчивость моих предложений, задержка будет долгой, попросту чтобы дать понять, кто тут главный. Меня это особенно не тревожило бы, если б не затягивало дело... Сам ты с господином фон Киппенбергером, как я понимаю, еще не имел чести беседовать?

– Думал об этом, – кивнул Курт, – но не могу измыслить достоверного предлога. Явиться к нему как представитель Конгрегации и прямо спросить, что происходит в городе и откуда такой вал судов над малефиками? Он вполне здраво осведомится о том, почему я не задаю этого вопроса обер-инквизитору, а если дать понять, что именно деятельность обер-инквизитора меня и смущает, так же логично он спросит, отчего этим занимаюсь я, а не кто-то из кураторов. Тем паче, что мое здесь пребывание *de jure* не связано с проверкой благонадежности Официума и я всего лишь расследую исчезновение *inspector'a*. Да и *de facto* тоже...

– Стало быть, ждем либо удобного случая, либо – пока он мне ответит. Предложение мое он наверняка не примет (оно пахнет не вполне законными делишками), но встретиться – встретится, любопытство и жажда наживы свойственны всем.

– А вдруг примет?

– Надеюсь, нет, – поморщилась Адельхайда. – Дела в Бамберге мне совершенно ни к чему – у меня нет здесь ни своих людей, ни связей, и я уйму сил положила на то, чтобы мое предложение выглядело как заманчивое, но опасное.

– Нет связей? – переспросил Курт. – А как же Гайеры?

– С ними я пока всего лишь свела некоторое знакомство и не думаю, что мысль допустить в свои угодья другую хищную рыбину так уж будет греть им сердце. Они обо мне тоже слышали и уже дали понять, что в Бамберге я всего лишь гость, в каком-то смысле коллега – но безо всяких надежд на приложение своих талантов на их территории. Для общения же с сим семейством как раз моя женская натура и играет мне на руку: Лютбальд Гайер тоже относится к дочерям Евиным с предубеждением, но, в отличие от епископа, более с добродушным снисхождением, нежели с неприязнью, и все-таки с большей терпимостью. Поэтому он с удовольствием делится со мною мелкими хитростями опытного дельца, попутно вдаваясь в историю города и детальности последних событий.

– Лютбальд Гайер, – повторил Курт задумчиво. – Его имя я слышу уже второй раз, однако, упоминая о сделках с жильем, все говорят «семейство Гайер».

– Лютбальд – старший брат, – пояснила Адельхайда, – принял дело от отца. Младший, Вигнар, пока лишь у него на подхвате и самостоятельно сделок не заключает – учится и помогает брату по мере сил и способностей. *In universum*³³, они довольно милые люди, если забыть о том, что могут оказаться причастными к убийствам, подставным осужденным и устранению Георга Штаудта.

– О жилище казненного судьи речь уже заходила?

– Вскользь, – неопределенно качнула головой Адельхайда. – По их словам, они воспользовались слухами о неупокоенной душе его дочери, чтобы перекупить дом. Пока не могу сказать, лгут ли они, хотя у меня есть подозрение, что немалая часть этих слухов – их

³³ В целом, вообще (*лат.*).

заслуга... Но не поручусь. Вот и весь мой улов, – со вздохом произнесла она. – Не слишком крупный.

– Похоже, у нас обоих безрыбье, – хмыкнул Курт и, помедлив, подытожил: – Стало быть, придется забираться с побережья в глубину.

– У этого иносказания есть какое-то конкретное толкование? – нахмурилась Адель-хайда непонимающе, и он серьезно кивнул, потянув одеяло в сторону:

– В данный момент – несомненно.

Глава 8

– Сегодня ты сделал для меня то, чего еще ни один мужчина не делал ни для одной женщины.

Он поморщился, натужной улыбкой отозвавшись на подчеркнуто пафосный тон и нарочито томный поцелуй Адельхайды, и та улыбнулась:

– *Außer pugas*³⁴, тебе надо было выспаться. Смотреть в потолок до утра, опасаясь того, что я тебя заколю во сне, не слишком добрая идея в твоём положении.

– Вот так, как-то раз поверив людям, один парень оказался на кресте, – буркнул Курт, выглядывая на улицу в приоткрытую до узкой щелочки дверь. – Никого... Я пошел.

– Кафедральный собор, изваяние Всадника, – повторила Адельхайда с расстановкой, – полдень. Думаю, ты в силах изобразить благоговение и почтение хотя бы пару минут, чтобы там задержаться. Я наткнусь на тебя в присутствии свидетелей, и ты сможешь приходить сюда открыто.

– ... преумножая сплетни, витающие над нами еще с Ульма, – договорил Курт, осторожно просачиваясь наружу, и она пожала плечами.

– Наилучшее прикрытие, – заметила Адельхайда с улыбкой и торопливо закрыла дверь.

– Не спорю, – выговорил он в закрытую створку и, развернувшись, двинулся по улице прочь, спеша уйти как можно дальше, прежде чем попадет на глаза кому-то из слишком любопытных ранних прохожих.

В комнату в трактире Курт проскользнул незамеченным – полусонные постояльцы брели в трапезную залу, не обращая внимания на происходящее вокруг, а владелец все еще был на кухне – судя по его недовольному голосу, производя внушение кому-то из работников.

Нессель не спала, хотя, судя по разворошенной постели и относительно свежему лицу, все же не провела ночь без сна в думах о похождениях майстера инквизитора и тревоге за его судьбу. Вопреки опасениям, она не набросилась с расспросами, лишь одарив Курта странным пристальным взглядом и чему-то усмехнувшись, и так же молча кивнула на его приглашение спуститься вниз для завтрака.

– Он что, караулил у двери? – тихо шепнула ведьма, придержав шаг на лестнице, увидев за одним из столов Петера Ульмера, и Курт так же тихо хмыкнул:

– Настоячивый юноша... Но сейчас он нам даже к стати.

– Почему?

Он не ответил, ускорив шаг и издали приветственно кивнув молодому инквизитору.

– Ранняя птичка, – заметил Курт, усаживаясь напротив и взглядом велел молчать пристроившейся рядом Нессель. – Какие-то новости или?..

– У меня ничего, майстер Гессе, – понуро качнул головой Ульмер. – Я полагал, что у вас будет что-то новое... Я еще раз поговорил с убийцей – подумал, что он наверняка уже протрезвел достаточно для того, чтобы вспомнить нечто необычное, если таковое было, но теперь он не говорит вовсе. Страж в тюрьме донес – парень однажды обмолвился о том, что тянуть не надо, он во всем сознаётся, и пусть уж поскорее суд и казнь... И мне он сказал то же самое, когда я явился его допросить. Более ничего – лишь смотрит волком, супится и молчит. Похоже, вы правы и здесь пусто: он просто убил девицу из ревности и злобы. Ратманы говорят – нечего тянуть, сегодня же будет суд и... Далее, как полагается.

– И у меня пустота, – вздохнул Курт, взмахом руки подозвав к себе разносчика. – Не знаю пока, куда идти и с кем говорить. Идея же мотаться по улицам и расспрашивать прохожих, не попадался ли им на глаза пропавший *inspector*, – меня особенно не обнадеживает

³⁴ Кроме шуток (*лат.*).

в плане осмысленности... Но с твоего позволения, все же снова прибегну к твоим услугам провожатого: Готтер хочет посетить кафедральный собор и увидеть статую Всадника.

– Да, – деревянно подтвердила Нессель, когда к ней обратился вопросительный взгляд инквизитора. – Мечтаю.

– С удовольствием укажу самый удобный путь, – улыбнулся Ульмер, на миг, кажется, даже позабыв обо всех тревогах. – Это стоит того, чтобы его увидеть. Более ни в Германии, ни в Империи, да и нигде в мире нет ничего подобного. В прошлом Бамберг не был столь малозначительным городком, как сейчас, в нем вершились великие дела, и Господь одарил его столькими примечательностями – и удивительнейшая природа, и небывалой красоты собор, и – вот, сие уникальное творение рук человеческих, покрытое пологом тайны... Я знаю, что вы родом из Кельна, майстер Гессе, и прошу меня извинить, но все же мне кажется, что даже Кельнский собор с хранящейся в нем святыней меркнет перед собором святых Петра и Георгия.

– Я полагаю всякое место пребывания Господа достойным почитания наравне с любым прочим, – пожал плечами Курт с ответной улыбкой. – Да и кельнец из меня теперь уж такой же, как ульмец или бамбержец, *alias*³⁵ – никакой.

– Только... – проронил Ульмер, вновь помрачнев и отчего-то смутившись, – есть еще кое-что, из-за чего я решился вас беспокоить. Прежде чем вы посетите собор, майстер Гессе, навестите майстера Нойердорфа. Мне было велено передать вам приглашение в Официум для беседы. Я не знаю, зачем ему это и чего он хочет, но выглядел он, отдавая это распоряжение, весьма сумрачно и обеспокоенно. Быть может, у него есть какие-то новости для вас, нечто такое, что он не считал возможным сообщить мне.

– Вот как, – произнес Курт, бросив взгляд на молчаливую ведьму рядом с собою. – Любопытно... Стало быть, вот что, Петер: сейчас у меня завтрак. Затем я посетю Официум и узнаю, что старику понадобилось от меня (или, если ты прав – о чем он хочет мне рассказать). А когда я завершу все дела – буду ждать тебя возле того горбатого и щербатого мостика, что ведет к Бергштадту³⁶. Если все будет в порядке, ты проводишь нас с Готтер к собору, если планы изменятся – там и решим, потребуется ли мне сегодня твоя помощь, и если да, то в чем именно. Думаю, ближе к полудню я со всем управлюсь.

– Хорошо, майстер Гессе, – кивнул Ульмер и с готовностью выбрался из-за стола, явно расценив полученные указания как повеление убираться вон. – Я буду ждать вас там, сколько потребуется.

– Боюсь, у него хватит мозгов и старательности отправиться напрямик туда, – тихо пробормотала Нессель, когда инквизитор вышел. – И толочься у этого мостика до самого полудня... И зачем же я хочу увидеть вашего всадника?

– Помолиться, видимо, – пожал плечами Курт. – Мне надо оказаться в соборе сегодня около полудня, но если я вдруг объявлю, что меня привлекает какая-то достопримечательность или внезапно проснулась молитвенная тяга – никто не поверит.

Он умолк, когда к столу приблизился разносчик, и Нессель тоже притихла, в безмолвии дождавшись, пока тот, выслушав заказ, отойдет.

– Ты же инквизитор, – возразила она с сомнением. – Вам положено.

– Скорее – так многие думают, – возразил Курт осторожно. – Но, как правило, среди нас отыскать служителя, особенно ревностно блюдущего *внешнее* благочестие, довольно сложно. Слишком много мы видим вполне посюстороннего зла, зла от людей, и даже если

³⁵ Иначе [говоря] (*лат.*).

³⁶ «Нагорный город» – престижная часть Бамберга, в которой располагались основные достопримечательности, в том числе дома духовенства и Бамбергский Собор.

за ним и стоит нечто сверхобычное, за этим сверхобычным – по большей части все те же люди. А против людей действенна не молитва, а нечто более осязаемое.

– И именно потому ты носишь их при себе, – улыбнулась Нессель, кивнув на его четки, – а не хранишь где-нибудь в дорожной сумке, просто на память о великом человеке. И потому они так намолены – именно тобою уже, а не только им.

– Порой людских сил недостаточно, – кивнул Курт, – и порой лишь Его вмешательство и может спасти ситуацию... Но когда и как следует это сделать – Он решает сам. А выставляя наши с ним отношения на всеобщее обозрение и обсуждение я не хочу. Подозреваю, что многие из нас мыслят так же, хотя, как ты понимаешь, спросить об этом мне в голову не приходило.

– Мама говорила – «молитва укрепляет душу и умягчает сердце», – задумчиво произнесла Нессель. – Быть может, в том и дело. Ты опасаясь, что твое сердце станет слишком мягким...

– Твоя мать была умной женщиной, – не дав ей договорить, оборвал Курт. – И ты ей не уступаешь. И именно потому должна понимать, когда начинаются вопросы, на которые ты не получишь ответа, а стало быть, и задавать их не имеет смысла... Лучше послушай о том, что тебе сегодня предстоит.

– Мне не нравится, как ты это сказал, – поджала губы Нессель. – Взирание на местную достопримечательность потребует от меня каких-то особенных усилий воли или разума?

– Взирание на Всадника – нет. На обер-инквизитора – да. Старик пригласил меня для беседы, – пояснил Курт, когда ведьма непонимающе свела брови. – И в свете этого нам представляется отличный повод *прощупать* его. Точнее – он представляется тебе.

– Этот ваш майстер Нойердорф наверняка пожелает говорить с тобою с глазу на глаз.

– Пережелает, – отмахнулся Курт и понизил голос, косясь на приближающегося разносчика с заказанной снедью. – Поешь как следует и настрой себя на работу. Если уловишь в нем нечто... странное – постарайся удержать себя от удивленных или испуганных восклицаний, от многозначительных взоров в его или мою сторону и вообще от каких-либо внешних эмоций. На его вопросы не отвечай, пока я не дам знак, что можно, сама ни о чем не спрашивай и вообще делай вид, что тебе наплевать на всё и всех. Лучше всего, если ты будешь выглядеть невыносимо скучающей и равно презирующей этот город, обер, меня и весь мир вокруг.

– Почему?

– Потому что примерно так себя ведут наши опытные *expertus*'ы, а неопытного ко мне бы не приставили, – пояснил Курт серьезно и, чуть отодвинувшись, дабы дать подошедшему разносчику поставить на стол их миски и кружки, повторил: – Ешь. Денек может оказаться нелегким.

* * *

Скучающий вид лесной ведьме давался из рук вон плохо – уже при приближении к зданию Официума Нессель притихла и съежилась, а войдя внутрь, и вовсе будто бы вжалась сама в себя, точно улитка. По сторонам она не смотрела, вновь уставившись себе под ноги и с каждым мгновением замедляя шаг все больше.

– Здесь скверно, очень скверно, – едва слышно шепнула она, когда Курт парой слов спровадил прочь местную стражу, желавшую напроситься в конвоиры. – Здесь еще хуже, чем во всем этом городе. Кошмарное место.

– Согласен, – покривился Курт, бросив косой взгляд в сторону светильника на стене, похожего на когтистую лапу неведомого зверя. – С духом тут перестарались. В этих стенах, должен тебе признаться, и мне довольно неуютно. Даже как-то, прямо скажем, совестно за

собратьев. Думаю, когда все закончится, попрошу руководство провести со здешними служителями воспитательную беседу. Ну, если к тому времени еще останется, с кем беседовать.

– Не думаю, что мы с тобою об одном и том же, – с трудом улыбнулась Нессель. – Да, я тоже заметила, какая тут неважправдашняя вычурность; отделение в Ульме было совсем другим, а здесь... Здесь не то. Но я не об этом говорю.

– Я понял тебя, – кивнул Курт уже серьезно. – Всего лишь намеревался тебя отвлечь и встряхнуть: уж больно для опытного expertus'а вид у тебя бледный. Соберись.

– Стараюсь, как могу, – огрызнулась она. – Я прикидываюсь вашей ручной ведьмой всего несколько дней, и...

– ... и неплохо справляешься, – кивнул он, понизив голос, когда до двери в рабочую комнату обер-инквизитора осталось лишь несколько шагов. – И сейчас справишься. Просто глубоко вдохни и вообрази, что идешь выслушивать жалобы какой-нибудь старушки на ломоту в заднице, причем ты точно знаешь, что ничего у нее не болит, а ей попросту охота поговорить, потому что она приходила вчера, третьего дня и неделю назад, и придет завтра и еще через неделю, и при этом отказывается принимать любые снадобья, что ты ей советуешь.

– Да я б такую уже с третьего раза выставила за дверь, – тихо буркнула Нессель, и Курт удовлетворенно кивнул, взявшись за ручку двери:

– Отлично. Если по твоему лицу будет видно, как ты жалеешь о том, что нельзя выставить за дверь гундящего обера, – будет еще лучше.

Сам майстер инквизитор пожалел об этом, стоило только войти: в глазах Гюнтера Нойердорфа отразилась смесь чувств, яснее всяких слов говорящая о том, что разговор будет далек от приятной светской беседы. Бросив взгляд на Нессель, обер-инквизитор кивнул так удовлетворенно, что Курт нахмурился, предчувствуя недоброе.

– Это очень хорошо, что ваш expertus с вами, Гессе, – без приветствия отметил он. – Ее персону напрямую касается того, для чего я вызвал вас сюда.

– «Вызвали»? – повторил Курт. Помедлив, он почти насильно усадил на табурет Нессель и присел на край стола, нависая над хозяином Официума. – Должен вам напомнить, Нойердорф, что в Бамберг я прислан не под ваше руководство, а учитывая обстоятельства, в связи с коими я нахожусь в этом городе, скорее я мог бы вызвать вас, буде у меня возникнет такая необходимость. Но так или иначе – я здесь и могу выслушать то, что вы намеревались мне сказать.

– Для начала, – хмуро отозвался тот, – я бы хотел сказать, что с вашей стороны было бы крайне любезно поставить меня в известность относительно того, какие служители и в каких количествах присланы вместе с вами. Тем паче, если оные служители – не просто следователи или помощники.

– Вы не выпались? – осведомился Курт так подчеркнуто любезно, что обер-инквизитор поморщился, точно от прострела в пояснице. – Мне сложно подобрать иное объяснение тому, что слышу. Напоминаю снова: в этом душном городке я нахожусь по распоряжению лично Бруно Хоффмайера, ректора академии святого Макария, и Антонио Висконти, папского нунция в нашей благословенной Империи, посему, если вас интересует, кто, когда и с какой целью был направлен сюда, – рекомендую вызвать в Официум этих двоих и требовать отчета от них. Это – понятно?

Несколько мгновений Нойердорф смотрел ему в глаза неотрывно сквозь злой прищур, и помимо раздражения было в этих глазах что-то еще, что-то не то... Испуг?... Растерянность?..

– Прошу извинить, – наконец выговорил обер-инквизитор, чуть сбавив тон. – Но поймите и вы меня, Гессе. В нашем городе убивают служителя, который de facto прибыл, дабы уличить меня в измене либо халатности, после чего являетесь вы...

– Я уже говорил, что направлен сюда исключительно ради выяснения обстоятельств исчезновения Георга Штаудта, – отозвался Курт, тоже смягчив голос – нарочито и демонстративно, дабы дать понять, что едва не вспыхнувший конфликт отринут, но не исчерпан. – И передо мною не стоит цели во что бы то ни стало прищучить вас *singulatim*³⁷ или здешних служителей *in universum*³⁸.

– С вами прибыл *expertus*, – мрачно произнес Нойердорф, выразительно посмотрев на молчаливую ведьму напротив себя. – Коего вы моему подчиненному представили как лекаря.

– Она и есть лекарь, – кивнул Курт. – Чья первоочередная задача – печься о моем здравии. Я надеюсь, вы не станете допытываться от меня, в чем именно это самое здравие претерпевает расстройство?

– Нет, – натянуто и холодно улыбнулся обер-инквизитор. – Думаю, этот вопрос уж точно не является моим делом, Гессе.

– Все остальные вопросы – тоже, – произнес он ровно и поднялся, кивнув: – Если это было единственным, что вынудило меня отнимать у вас время, – с вашего позволения, Нойердорф, я покину вас, дабы продолжить службу.

– Да, – кисло отозвался обер-инквизитор, отведя взгляд в сторону и явно с трудом сдерживая раздражение. – Как я понимаю, о том, что вам удалось выяснить и удалось ли, – вы мне не расскажете... Стало быть, да. Это все.

– Чудно, – широко улыбнулся Курт, взглядом велев Нессель следовать за ним, и развернулся к двери; уже на самом пороге, взявшись за отполированную ладонями ручку, остановился и обернулся к столу: – Да, кстати. С чего вы взяли, что мой лекарь – *expertus*?

– Я на службе не первый десяток лет, Гессе, – по-прежнему хмуро ответил Нойердорф. – И не все, что юный оболтус вроде Петера может запросто принять на веру, так просто может одурачить меня.

Курт помедлил, глядя на угрюмое лицо хозяина Официума еще мгновение, и, не попрощавшись, вышел в коридор. Нессель шагала рядом с ним, стараясь не отставать, не глядя по сторонам и уставившись перед собою, уже не пряча взгляд в пол, а высоко подняв голову и распрямившись, точно идущая к алтарю наследная принцесса.

– Как я справилась? – шепотом спросила она, когда тяжелые двери закрылись за их спинами, и Курт так же чуть слышно отозвался:

– Превосходно. Судя по твоему лицу, ты мысленно прикидывала, какими способами можно подвергнуть казни двух придурков, отнимающих твое драгоценное время, и вместе с тем решала, не стоит ли пристроиться поспать прямо перед столом обера, пока он несет свою ахиною. Из тебя получится отличный *expertus*: вести себя, как они, ты уже научилась, а по мнению многих из них, ничего более от их существования и не требуется.

Нессель поджала губы, бросив в его сторону напряженный взгляд, однако ничего не сказала, лишь ускорив шаг, чтобы не отстать, и Курт замедлился, с неприятным чувством отметив, что идет слишком быстро, будто стремясь как можно скорее уйти прочь от здания Официума.

– Как тебе обер? – спросил он уже серьезно. – Есть что сказать? Что-то в нем увидела, что-то особенное?

– Он в беспокойстве, – пожала плечами Нессель, и Курт усмехнулся:

– Это, знаешь ли, я заметил и своими собственными, простыми смертными глазами. Ты видишь его... нимб? Какой он? Мне есть смысл его подозревать?

³⁷ в частности (*лат.*).

³⁸ вообще, в целом (*лат.*).

– Я не пророчица, – огрызнулась ведьма недовольно. – И думается мне, я начинаю понимать, почему ваши экспертусы относятся к вам столь досадливо... Я не волшебница, я не могу заглянуть в голову человека и увидеть его мысли или, подобно Господу Богу, прозреть время и узнать его прошлое. Говорю, что вижу, а вижу я только то, что он раздражен, встревожен и не находит себе места.

– Испуган? – уточнил Курт; Нессель снова передернула плечами:

– Скорее насторожен. И да: ты ему не нравишься.

– Ну, для этого, чтобы получить такую информацию, expertus'ом быть не надо, – хмыкнул он. – Это нормально.

– Ему неуютно подле тебя, и одно твое присутствие раздражает его ужасно. Ему не по душе то, что ты делаешь. Его что-то тревожит и злит – он весь клокочет багрянцем. И он что-то утаивает, что-то такое, что не хочет раскрыть тебе. И... он меня опасается. Не скажу «боится», но я его настораживаю.

– Иными словами, на роль подозреваемого годится, – подытожил Курт. Нессель поморщилась:

– Я этого не говорила. Я сказала, что сказала, но это не означало «он убийца». Имей это в виду – не хочу, чтобы потом ошибку ты свалил на меня.

– За свои ошибки я привык отвечать сам, – возразил Курт и понизил голос, увидев впереди, у мостка, ведущего к Бергштадту, топчущегося на месте Ульмера. – Похоже, ты была права, и парень потащился сюда напрямик из трактира... Я начинаю понимать Нойердорфа.

– Ты ко всем столь презрителен, кто относится к тебе с почтением? Для него ты герой, легенда, а он для тебя всего лишь досадная неприятность только потому, что пытается быть предупредительным?

– До сих пор все, кто относились ко мне с почтением, либо оказывались двуличными мерзавцами и пытались в конце концов меня убить, либо мало отличались от бревна по степени разумности. Даже не знаю, какой именно из вариантов был бы утешителен в данном случае.

– Тебе больше пришлось по душе, если б этот человек вел себя неуважительно?

– В общем, да, – кивнул Курт. – В этом было бы больше честности. Уважение на пустом месте не появляется, а мы с ним недостаточно знакомы, чтобы он смог решить, есть ли ему за что уважать меня.

– По-твоему, он прикидывается?

– Не знаю. Если он подослан ко мне обером, дабы шпионить за мною, – то несомненно, если же его преклонение искренне – прикидывается все равно: перед собою самим, как и все, избравшие себе кумира. Так куда проще полагать собственные недостатки чем-то естественным, что не должно исправлять и с чем не надлежит бороться. Куда проще решить, что ты никто, прах под ногами великих, а все твои несовершенства – натуральное состояние любого человека, и лишь избранные могут его преодолеть.

– Слишком многого требуешь от людей, – укоризненно вздохнула Нессель; он качнул головой:

– Не более, чем от себя.

Ведьма нахмурилась, явно намереваясь заспорить, однако до Ульмера подле мостика уже оставалось всего несколько шагов, и она лишь тихо буркнула:

– Это и есть слишком много.

– Майстер Гессе! – излишне жизнерадостно поприветствовал Ульмер, и Курт едва не отступил назад, когда на миг ему почудилось, что сейчас молодой инквизитор заключит его в объятия. – Как прошло у майстера Нойердорфа? Он что-то узнал? Что-то новое? Что-то по делу?

– Напротив: требовал отчета от меня, – возразил Курт и, приостановившись, повел рукой, приглашая сослуживца указывать дорогу к собору.

– *Требовал отчета от вас?* – неверяще переспросил тот, на мгновение запнувшись, и пошел вперед, растерянно поглядывая на своих спутников. – Он же не имеет права этого делать, вы не подчиняетесь ему.

– Именно это я ему и сказал, – кивнул Курт, – на чем наша с ним приятная беседа и завершилась.

– Странно, – проронил Ульмер задумчиво. – Это на него не похоже – вести себя так...

– ... опрометчиво? – подсказал Курт, и молодой инквизитор вздохнул:

– Полагаете, его тревожит ваше расследование?

– Разумеется, тревожит. В конце концов, я могу найти нечто такое, что приведет его прямоком на помост, и старика не может не смущать этот факт – вне зависимости от того, виновен ли он в чем-то непотребном или чист, как ангел. «Невинный всегда спокоен» – это придумал тот, кто никогда ни в чем не обвинялся и не знает, что такое настоящее расследование.

Ульмер вздохнул, пробормотав себе под нос неразборчивое согласие, и свернул в сторону, где улица вела к соборной площади. Каменную кладку здесь делали явно еще в прошлом веке, причем из рук вон, отчего мостовая была неровной и похожей на деревенскую дорогу, и горожане больше смотрели под ноги, дабы не споткнуться на старых кривых камнях, нежели вокруг себя, отчего там и сям порой слышались тихие ругательства и короткие перепалки.

– А у меня меж тем есть новости по делу, – сообщил Ульмер самодовольно и, тут же смутившись собственного воодушевления, поправил сам себя: – Вернее, я не знаю, имеет ли это касательство к делу и будет ли нам полезно...

– В любом случае, говори, – подбодрил Курт и чуть не упал, когда в него, потеряв равновесие, врезался мощный детина в потрепанной и пыльной одежде, взмахнув руками и едва не угодив при этом кулаком в лицо проходящего мимо горожанина.

– Смотри, куда прешь, – зло выговорил детина, однако мастера инквизитора за локоть придержал, не позволив упасть, и уверенно зашагал дальше, напоследок бросив: – Понаехали тут...

– Ты!... – с оторопелой злостью произнес Ульмер и рванулся назад в попытке догнать уходящего. Курт ухватил его за плечо.

– Брось, – наставительно одернул он. – Что ты вознамерился сделать – настигнуть его и отдубасить за неуважение к моей легендарной персоне или арестовать за покушение на инквизитора?.. Не обращай внимания на подобную ерунду – и жизнь станет много проще. Давай-ка лучше к делу. Итак?..

Ульмер еще мгновение стоял на месте, с напряженным возмущением глядя вслед исчезнувшему в толпе разнорабочему, и, наконец, согласно кивнул, медленно переведя дыхание.

– Да, мастер Гессе, вы правы. Прошу прощения, сейчас такое время – не только мастер Нойердорф на взводе, – пояснил он, снова двинувшись вперед, и на ходу продолжил: – Я узнал, что в комнате, которую прежде занимал в «Святом Густаве» исчезнувший *inspector* Штаудт, несколько дней назад поселились какие-то странные и подозрительные личности. Их двое, смахивают на наемников. По словам Густава, они перед заселением справились, в этой ли комнате обитал пропавший постоялец, а потом еще не раз заводили разговоры и о нем, и о дочери судьи Юниуса. Я пока ничего не предпринимал...

– И не надо, – отмахнулся Курт равнодушно. – Лишь напрасно потратишь силы и время... Я их знаю. Поскольку интерес этих двоих и впрямь не связан с нашим расследованием, тебе говорить не стал. Однако, поверь, подозрительного в них не больше, чем в этом здоровяке с дурными манерами.

– Вы знали?.. – растерянно переспросил Ульмер. – И... кто же они? Почему лезут в наши дела?

– Эти двое – братья Ван Алены, раздолбаи, подрабатывающие, чем Бог пошлет; к примеру, ты прав, наемничеством. В последние же пару-тройку лет они нашли себе хлебное и почти безопасное занятие: бродят по Германии и собирают всевозможные байки, чем страшней, чем больше в них дьявольщины – тем лучше. Одному ученому мужу на старости лет возжелалось славы, и он задумал написать душеспасительный труд о Господних чудесах и человеческих грехах, а поскольку самому таскать свою старую задницу по всей Империи лень, да и небезопасно – подрядил двоих неглупых ребят, дабы выполнить за него эту часть работы. Ясное дело, что в пути братцы не упускают случая подзаработать и иными способами, однако их интерес к дому Юниусов, в коем, по местным слухам, обретался призрак его дочери, коренится всего лишь в непраздном любопытстве и тщеславии их нанимателя.

– Им платят за каждую историю?

– Да, – кивнул Курт с усмешкой. – И чем она увлекательней, тем плата больше. Отсюда и рвение. Разумеется, можно было бы эти истории и попросту сочинить (и не сомневаюсь, что порой они так и делают), однако парни, похоже, втянулись и теперь гоняются за сказками с непритворным увлечением. Что ж, человека всегда влекло неизведанное...

– Потому у нас и столько работы, – буркнул Ульмер недовольно, и Курт невесело усмехнулся:

– Не поверишь, Петер, ты почти *ad verbum*³⁹ повторил слова одного из моих старых сослуживцев, сказанные еще много лет назад. И не могу не заметить, что вы оба, к сожалению, правы.

– Но ведь они все равно могут быть нам полезны, – снова оживился Ульмер, приунывший было от мысли о ничемности добытой им информации. – Быть может, до их слуха доходили какие-нибудь рассказы, сплетни, которые люди стесняются рассказывать нам или магистратским дознавателям, или...

– Безусловно, – кивнул Курт одобрительно, – именно об этом я и подумал в первую очередь. Но пока им не удалось узнать ничего значительного – кроме того, что нам с тобою и без них известно. Однако же я, разумеется, велел им впредь держать глаза и уши открытыми и, если что-то покажется не просто байкой либо же будет особенно необычно или странно, – тотчас доложить мне. Старшего из братьев я знаю давно, он парень с ветром в голове, но осознать, когда ситуация требует серьезности, – способен. Посему будь уверен: если им что-то станет известно, об этом узнаем и мы.

– А вот и гордость Бамберга, – провозгласил Ульмер, кажется тут же позабыв обо всех печалях, и остановился, торжественно поведя рукой, будто без этого невозможно было увидеть четырехбашенную громаду собора, возвышавшуюся на вершине холма. – Императорский Собор⁴⁰, поистине чудо Божьего благоволения и труда рук человеческих.

Нессель остановилась, подняв голову и глядя на уходящие ввысь стены с немым восхищением и с некоторым замешательством – на изображение нагих Адама и Евы на соборном портале.

– Когда освящали собор, – с воодушевлением продолжал Ульмер, – на церемонии присутствовали сорок пять архиепископов и епископов. Никогда в истории Германии, Империи и вообще любого государства не было ничего подобного. Когда-то Бамберг был не просто провинциальным городком. Когда-то здесь бурлила жизнь! Когда-то на этом самом месте

³⁹ Буквально (*лат.*).

⁴⁰ Императорскими соборами по традиции именовались те соборы, что были построены под непосредственным покровительством Императора.

стояла военная крепость, и мне думается, в этом есть символ: этот Собор, дом Господень – наша крепость в борьбе с грехами человеческими и самим Сатаной.

– Если не ошибаюсь, он дважды сгорал дотла, – заметил Курт, подтолкнув Нессель в спину и направившись ко входу.

– Только во второй раз, – чуть обиженно возразил молодой инквизитор, спешно следуя за ними. – И в те годы собор был деревянным, посему здесь я символа не ищу.

– И это правильно, – одобрил Курт, входя внутрь и втаскивая лесную ведьму за собою.

Внутри собора Ульмер, наконец, прикусил язык, стараясь не нарушать тишины. Все службы уже отошли, прихожане по большей части разбрелись по домам и делам, и под высокими каменными сводами было почти безлюдно. Нессель ступала неторопливо и осторожно, будто опасаясь неверным движением своротить массивные колонны или проломить каменные плиты пола; на редких людей вокруг она не смотрела и даже, кажется, вовсе не замечала их присутствия – впервые за все дни в городе.

– Бамбергский всадник, – все-таки не выдержал Ульмер. Нессель поморщилась на его шепот, однако промолчала в ответ, оглядывая возвышавшуюся на консоли фигуру неведомого короля в высоком седле. – Никто не знает, кого изобразил скульптор и кем был он сам. Нигде не сохранилось его имени, нигде больше ни в Германии, ни в мире нет творений его руки: Всадник уникален.

– Живой... – тихо проронила ведьма, и на миг показалось, что она едва удержалась от того, чтобы протянуть руки к высоко стоящей фигуре; Ульмер горячо кивнул:

– Да, достоверность просто непостижимая! Порой мне кажется, что он вот-вот разомкнет губы и заговорит...

Курт бросил взгляд на сосредоточенное лицо Нессель, серьезно подозревая, что лесная ведьма имела в виду вовсе не талант скульптора, однако промолчал, не став развивать тему в присутствии сослуживца, лишь мысленно поставив себе зарубку на будущее. Отстраненно слушая Ульмера, который продолжал все тем же сдавленным шепотом вещать об истории и значимости уникальной скульптуры, он отступил чуть назад, всматриваясь в образ Всадника и пытаясь понять, отчего в нем самом, никогда не умевшем улавливать тонкие материи, поселилось и все больше разрастается какое-то неясное беспокойство...

– Майстер инквизитор! – нарушил тишину неприлично громкий голос, и на его обладательницу обернулись все, включая нескольких редких прихожан – недовольно хмурясь и глядя с неприкрытым упреком. – *Le monde est petit*⁴¹!

– О... – уныло пробормотал Курт и вывел на лицо подчеркнуто благожелательную улыбку, сделав несколько шагов навстречу Адельхайде.

Та приближалась летящим быстрым шагом в сопровождении едва поспевающей за ней молодой горничной, улыбаясь так жизнерадостно, что даже Ульмер рядом скривился, будто от скрипа ножом по стеклу.

– Кто это? – едва слышно спросил он, и Курт так же тихо отозвался:

– Вестник Апокалипсиса... Госпожа фон Рихтхофен, – поприветствовал он подчеркнуто учтиво, когда Адельхайда приблизилась. – Какая встреча.

– Судьба сводит нас с невероятной настойчивостью, майстер Гессе. Это неспроста и, надо сказать, крайне приятно.

– Вот радость-то, – согласился он кисло. На мгновение рядом повисла тишина, Адельхайда бросила выразительный взгляд на Ульмера, и тот смущенно кашлянул, ухватив Нессель за локоть:

– Идем, я покажу тебе Рождественский алтарь. Убежден, ничего подобного тебе видеть не доводилось. Это, конечно, не Всадник, но все же завораживающее, невероятное мастер-

⁴¹ Мир тесен (*фр.*).

ство. Глядя на лики на этом алтаре, душа пробуждает в себе самые благочестивые помыслы, что дремали в ней до...

Курт проследил взглядом удаляющуюся парочку, коротким кивком дав понять обернувшейся Нессель, что все в порядке и идет, как надо, и вопросительно уставился на горничную Адельхайды, отступившую на несколько шагов назад с видом исполнительного и прилежного солдата на плацу.

– Моя новая помощница, – сообщила графиня, вздохнув. – Лотта все же не вынесла этой работы и после пражской истории ушла на покой.

– Не могу ее осуждать, – пожал плечами Курт. – Она выжила чудом, и я вполне понимаю, почему женщине может, в конце концов, надоест вечно подставлять шею вместо того, чтобы растить детей и спать по ночам спокойно, не боясь проснуться с ножом в животе.

– Такое и мужчине может надоест, – возразила Адельхайда и кивнула вслед ушедшим: – Это и есть твоя ведьмочка? Симпатичная. Сколько ей лет?

– Двадцать семь или восемь.

– Неплохо сохранилась для женщины с ребенком, живущей в одиночестве в лесу. Больше двадцати двух-трех бы не дала... Интересно, обходится травами или это ведьминская натура?..

– Твое паломничество к Всаднику, – задумчиво вымолвил Курт, не ответив, – это лишь прикрытые или за этим что-то стоит?

– Что именно?

– Не знаю... – неуверенно произнес он. – Но Готтер обратила на него чуть большее внимание, нежели просто на искусно выполненную скульптуру. Она сказала о нем – «живой»... Не «как живой», а именно это слово.

– Так узнай, что она имела в виду, когда останетесь наедине, – пожала плечами Адельхайда. – Вполне вероятно, что всё довольно просто: уж к этому-то месту молящихся за два века набежало видимо-невидимо, и если твоя лесная фея способна улавливать такие материи – ее реакция неудивительна. Мне никаких указаний на этот счет не давали, и никаких тайных знаний о сем произведении искусства нам не известно, если ты об этом. Впрочем, насколько я знаю, expertus'ов в Бамберге никогда не бывало, посему не удивлюсь, если наши прозевали очередную действующую святыню.

– Еще ей удалось побывать рядом с местным обером сегодня и *взглянуть* на него, – сообщил Курт и, помявшись, договорил: – Что-то тот точно скрывает, и на душе у него неспокойно. Но нельзя сказать с точностью, отчего он в таком смятении, – оттого, что ему есть что скрывать, или его попросту пугает моя репутация и он опасается ложного обвинения.

– Именно ввиду твоей репутации он и не должен бы этого бояться, – возразила Адельхайда с улыбкой. – Ты, если не ошибаюсь, едва ли не единственный следователь в Конгрегации, ни разу не совершивший следственной ошибки. Если, разумеется, не считать желтопузую мелочь, получившую Знак пару лет назад, которая напортачить просто еще не успела.

– Непогрешимых нет, – отозвался он хмуро. – И рано или поздно ошибаются все...

– Только не впадай в свое обыкновенное самобичевание прежде времени, – строго одернула его Адельхайда и распрямилась, снова натянув на лицо игривую улыбку. – А вот и твои подопечные. Что-то они скоро – видно, разглядывание алтаря не слишком увлекло это прелестное создание.

– Скорее Ульмера гложет нездоровое любопытство в отношении твоей персоны, – возразил Курт, – и ему не терпится узнать, а если повезет – то и подслушать, о чем это мы с тобой здесь беседуем.

– Это нормально в его годы, – отмахнулась она и чуть повысила голос: – Не стану более отвлекать вас глупыми женскими разговорами, майстер инквизитор. Желаю вам удачи

в вашем деле, что бы это ни было, и да споспешествует вам в оном деле Господь. Мария? Идем.

Ульмер поспешно отступил в сторону, когда Адельхайда проходила мимо, словно опасаясь, что она собьет его с ног, и медленно приблизился к Курту, на ходу как-то настороженно оборачиваясь в сторону ушедших.

– Фон Рихтхофен, – произнес он тихо. – Я помню это имя. Это ведь ее вы спасли когда-то от стригов, майстер Гессе? В Ульме, так? Громкая была история.

– Так, – неохотно отозвался он, – и уже не единожды подумал о том, что стоило оставить ее там: через неделю кровососы сами приползли бы ко мне, рыдая и умоляя запереть их в тюрьме, подальше от этого создания.

– Она красивая, – заметила лесная ведьма негромко, глядя вслед Адельхайде; Курт передернул плечами:

– Не заметил. В любом случае, это ее единственная и притом сомнительная добродетель.

– Как видно, симпатия вдовы фон Рихтхофен к вам безответна, – неловко улыбнулся Ульмер.

– Pro minimum, – покривился Курт недовольно. – Но отшивать ее слишком уж решительно не стоит: она, по слухам, фаворитка Императора и вообще вхожа в самые влиятельные дома. К тому же, в силу своего занятия – перепродажи недвижимости – имеет множество полезных связей и порой способна за пару часов получить информацию, выходящую далеко за сферу ее интересов, в поисках которой я буду рыть землю не один день.

– Полагаете, она может быть вам полезна?

– Пригласила меня навестить ее, – кивнул Курт. – Полагаю, не стоит отказываться. Завтра нанесу ей визит и прошу на предмет этой самой полезности. Убежден, что за время, проведенное в Бамберге, она уже собрала корзинку слухов и небольшой мешочек фактов; пригодится ли что-то из этого нам – поглядим... Сдается мне, из нашего похода в собор паломничества не вышло, – оборвал он сам себя, исподволь кивнув на прихожан, косящихся в их сторону. – И мысли наши далеки от благочестивых высей, и само наше присутствие, кажется, смущает прочих молящихся, да и не слишком это подходящее место для обсуждения строптивых вдовушек и старых знакомств.

– Вы правы, майстер Гессе, – поспешно согласился Ульмер и направился к дверям первым. – Полагаю, нам лучше выйти, мы смущаем прихожан, в то время как наше дело – укреплять их веру.

Нессель поджала губы, бросив на Курта насмешливый взгляд мимоходом, и тихо шепнула, двинувшись следом:

– «Не найти в инквизиторах внешнего благочестия», говоришь? Все же исключения-то бывают.

– Так себе исключеньице, – шепотом отозвался он, тоже зашагав к выходу.

Глава 9

Избавиться от докучливой услужливости Ульмера вышло не скоро. Видимо, отчего-то ощущая собственную вину за неудачное посещение собора, молодой инквизитор потащил гостей Бамберга на ту сторону соборного холма, откуда открывался вид на город почти со всеми его районами и достопримечательностями, от аббатства святого Михаила по соседству с соборной площадью до каких-то покосившихся домишек в отдалении. Нессель слушала рассказы о городе и его исторических зловключениях на удивление заинтересованно, несколько раз даже ободрив Ульмера вопросами, каковые дали повод для еще более пространных рассуждений. Отослать надоедливового провожатого с трудом удалось лишь спустя час, когда Курт уже прямо заявил, что намерен возвратиться в свое обиталище и предаться предписанным ему лечебным процедурам. Нессель, спохватившись, закивала, пробормотав что-то про распорядок дня и соблюдение предписаний, и Ульмер, покаянно охнув, наконец ретировался.

– Порой он даже мил, – заметила Нессель, когда дверь трактирной комнаты закрылась за их спинами, отгородив от внешнего мира. Курт усмехнулся:

– Да. Когда молчит.

– Ты не любишь людей, – укоризненно произнесла ведьма, и он кивнул:

– Спорить не стану. Полезная, надо заметить, привычка: именно потому я все еще жив.

– Ты жив еще и потому, что тебе попался тот, кто любит людей, несмотря ни на что, – многозначительно возразила Нессель. – И думаю, я не единственный человек в твоей судьбе, благодаря кому твоя жизнь не оборвалась однажды.

– И с этим тоже не поспоришь, – отозвался он, бросив на постель фельдрок, и отер рукавом взмокший лоб – в комнатах было прохладно, но тело, казалось, пропиталось уличной жарой до самых костей. – Бывало всякое.

– В собор мы заходили, чтобы ты встретился с той женщиной, да? – помявшись, негромко уточнила Нессель. – Ради нее ты терпел этого инквизитора и пошел в храм, в который не хотел идти?

– С чего ты взяла, что не хотел?

– Так значит, да? Ради нее?

– Ради дела, – поправил Курт. – Мы с нею и впрямь давние знакомые, и она действительно не раз оказывала в моих расследованиях неоценимую помощь. Невзирая на Знак (или именно из-за него), со мною говорить не всегда и не все желают, а она вхожа ко многим, и кроме того – в ней видят человека своего круга, а потому и более откровенны.

– А почему она помогает Инквизиции? Или она помогает только тебе и тот охотник правильно о вас думает, что ты ею просто пользуешься?

– Адельхайда на этот вопрос отвечает просто – «потому что могу». А кроме того, сдается мне, ее попросту привлекают приключения, – пожал плечами Курт и вынул из рукава рубашки смятый бумажный обрывок. – Посему – скорее *она* мной пользуется для обретения этих самых приключений.

Клочок грубой дешевой бумаги пропитался потом от его кожи и, видимо, еще до того, как попасть в руки мастера инквизитора, хранился отнюдь не в скриптории. Курт поморщился, аккуратно расправив влажный комок, порадовавшись, что благодаря перчаткам лишен удовольствия прикасаться к нему голыми пальцами.

– Что это? – спросила Нессель, подойдя ближе, и присела рядом, заглянув через его плечо в записку, будто для нее это имело смысл. – Это от нее?

– Нет, – качнул головой он и, поколебавшись, пояснил: – Помнишь того вола, что сегодня едва не сбил меня с ног?

– Он сделал так нарочно, чтобы незаметно передать тебе это?.. – неуверенно предположила Нессель и нахмурилась: – У тебя здесь есть свои агенты?

– Как оказалось, есть. Хотя и не совсем агенты, и совсем не мои... Перед тем как отправиться в Бамберг, я попросил одного старого приятеля забросить удочку и кое-что проверить. Откровенно говоря, не думал, что у него здесь обнаружатся какие-то серьезные связи, но с нашей последней встречи он, похоже, и впрямь неплохо развернулся...

– Он тоже инквизитор? Или как та женщина, из благородных?

– Я бы сказал – сильно наоборот, – усмехнулся Курт. – Он преступник. Бывший мальчик на побегушках у главаря кельнских бандитов, а на нынешний день – уважаемый в своей среде человек, держащий в руках контроль над низами нескольких городов Германии. И информация от него порой поступает куда как более полная и, я бы сказал, неожиданная, нежели из императорских покоев.

– У тебя очень интересные «старые приятели», – заметила Нессель и кивнула на клочок бумажки в его руке: – Что здесь написано? Что-то важное?

* * *

– «Вечером за рыбной лавкой», – произнес Курт с расстановкой. – Вот рыбная лавка, вот я, вокруг вечер.

– Да. За мной.

В иной ситуации мальчишке, встретившему его на безлюдном рынке у закрывшейся рыбной лавочки, он по меньшей мере прочел бы лекцию об уважении к старшим, но сейчас лишь кивнул и двинулся следом. Мелкий оборвыш припустил почти рысью, тотчас уйдя далеко вперед, однако гнаться за ним, пытаясь настигнуть, Курт не стал – лишь шагал, лавируя между кучами отбросов и лужами невнятной, дурно пахнущей субстанции, стараясь не терять мальчугана из виду, не отставать и вместе с тем не подходить слишком близко. Пару раз парнишка останавливался, будто бы невзначай оборачиваясь, и, видя, что майстер инквизитор не отстает, трогался в том же темпе мелкой рысцы дальше.

Улицы вокруг становились все уже и темнее, под ногами хлюпало и хрустело все смачней и чаще; мальчишка уже не убежал вперед – топал в паре шагов впереди, по-прежнему не пытаясь заговорить и лишь коротким движением руки указывая путь, когда требовалось свернуть в очередной узкий переулочек. Несколько раз навстречу попадались сумрачные типы, глядящие на майстера инквизитора с удивлением и настороженностью, но, видя его сопровождение, лишь молча отступали с дороги, и Курт чувствовал спиной их пристальные напряженные взгляды.

– Сюда, – наконец разомкнул губы мальчишка, толкнув дверь древнего, но все еще довольно крепкого домика, и тут же исчез в дальнем конце зала пивнушки, что ютилась внутри.

Его здесь ждали: это Курт понял по тому, как обратились к нему лица немногочисленных посетителей, – полдюжины человек того же потрепанного и угрюмого облика, что и давешний детина, даже не двинулись с места, ни в одном взгляде не промелькнуло ни тени удивления или растерянности, никто не произнес ни звука и не попытался задать ни единого вопроса. Лишь разговоры, что велись, пока мальчишка не открыл дверь, стихли разом, погрузив небольшой тусклый зальчик в совершенную тишину.

– Да, вижу, – прозвучал во всеобщей тишине голос хозяина, и мальчишка, только что шептавший что-то ему на ухо, кивнув, отступил назад.

Владелец сомнительного заведения – довольно молодой невысокий тип с лицом, когда-то явно хорошо подправленным чьими-то кулаками, – неспешно вышел из-за конструкции,

которую можно было с натяжкой назвать стойкой, и коротким движением руки указал на пустующий стол справа от себя:

– Садитесь, майстер инквизитор. Будем говорить.

– Не проверишь Знак? – спросил Курт с усмешкой, усаживаясь за грязный стол и стараясь не думать о чистоте скамьи под собою. – Не убедишься еще как-то в том, что я тот, за кого себя выдаю?

– Ни к чему, – мимоходом улыбнулся хозяин, садясь напротив. – Финк вас обрисовал достаточно внятно, да и весь Бамберг уже болтает о том, что нас почтила вниманием легенда Инквизиции, если вы понимаете, о чем я... Меня зовут Вурцель.

– Фамилия или прозвище? – уточнил Курт, и тот благожелательно хмыкнул:

– Прозвище, майстер инквизитор. Вот только хотел бы я сказать, что оно все еще что-то значит, да не могу⁴² – я тут давно уже не главный. Вот про это мы с вами говорить и будем. То, про что Финк для вас просил разведать, – оно и нас тут коснулось.

– Звучит не слишком радужно, – заметил Курт, уловив, как хмурые лица вокруг помрачнели еще больше, и Вурцель со вздохом кивнул:

– А то... Ну, словом, вот что, – кивнул владелец, упершись в стол локтями и тяжело навалившись на руки. – Для начала я вам скажу, что мы вашему приятелю не подчиняемся, если вы понимаете, о чем я. Слышать про него слышали, что уважаемый человек – знаем, но в его гильдию не входили. Не вижу я, знаете ли, никаких выгод самого себя вгонять в послушание непонятно кому. Тут мы были сами себе хозяева, сами за себя решали, что нам лучше, и пусть у нас покровителей со связями в Инквизиции нету – зато и в затылок никто не дышит, если вы понимаете, о чем я.

– Еще как понимаю, – подтвердил Курт, хотя ответа от него явно не ждали, и Вурцель кивнул:

– Так вот. Я про вашего приятеля ничего плохого сказать не могу, говорю сразу: не слышал ничего такого. Потому, когда от него прилетела весточка – помочь согласился сразу. И вот что мы тут решили... – хозяин пивнушки ненадолго умолк, переглянувшись с молчаливыми свидетелями беседы, и, вздохнув, продолжил: – Мы так подумали. Если вы, майстер инквизитор, разгребете то дерьмо, что тут образовалось, – перейдем под руку вашего приятеля. Бамберг войдет в эту его гильдию, мы его признаем самым главным головорезом или кем там надо, уж не знаю, как это у него положено... Потому что так вот оказалось, что мы как прежде были сами по себе, и это было хорошо, так и теперь мы сами по себе остались, но это оказалось уже не так хорошо, если вы понимаете, о чем я. Сами мы... не справились, и все становится только хуже.

– Всем скопом да при поддержке – всегда лучше, – осторожно заметил Курт. – А в одиночку даже рыбу ловить тяжело... А не нальешь ли чего выпить, Вурцель? Я так предчувствую, разговор долгий будет.

– Это дело, – кивнул владелец, с готовностью поднявшись, и направился за стойку. – Пива вам или покрепче чего?

– Пива, – отозвался Курт, показательно вздохнув. – От этой жары, кажется, все от глотки до последней кишки пересохло.

– Оно, в общем, так, – продолжал Вурцель, нацеживая светлый, как грушевая смола, напиток. Майстер инквизитор, поразмыслив, решил для себя почитать кружки чистыми, а пиво неразведенным. – Когда от Финка пришла весточка, мы сразу решили, что вот оно, пришло время, когда есть выбор – или мы по-прежнему ни от кого не зависящие, но со своими проблемами один на один, или вот, возможность подвернулась всё решить, если вы понимаете, о чем я...

⁴² Wurzel – корень (нем.).

За стол он возвратился с двумя кружками и, установив одну напротив гостя, сделал из своей долгий, глубокий глоток.

– Словом, так, – решительно выдохнул Вурцель, со стуком водрузив кружку на стол, и вытер губы рукавом. – Финк попросил обрисовать, нет ли слухов каких насчет вашей братии тут, или наоборот, не появлялись ли среди нашего общества особо злостные малефики – пришлые, может, или просто чересчур наглые... ну и вообще, как у нас тут дела, не происходит ли чего странного. Вот и скажу вам по порядку, майстер инквизитор. Малефиков у нас тут нету. То есть, среди наших ни новичков с особыми талантами не появлялось, ни из старых людей никто не обнаруживал в себе ничего такого. У нас тут все шло своим чередом, и дальше оно так же шло бы, думается мне... И про Официум прямо тоже ничего сказать не могу.

– А не прямо? – уточнил Курт, с удовлетворением отметив, что пиво в дыре Вурцеля на удивление неплохое. Хозяин вздохнул:

– Не прямо тоже. Я вот понимаю даже, почему вы ими заинтересовались: правильные они слишком, если вы понимаете, о чем я. Все у них ладно, все гладко, все складывается... Но такие уж они гладкие, что прям аж скользкие...

«Если вы понимаете, о чем я», – безмолвно договорил владелец пивнушки одним взглядом, вновь приложившись к своему пиву.

– С магистратскими они просто душа в душу, – продолжил Вурцель, отставивши кружку снова на стол. – Одни ловят, другие казнят. Или одни и те же казнят, но чаще все ж сдают магистратским. Только вот она, первая странность, майстер инквизитор: наших-то ловить совсем перестали. То есть, если кого прижмут прямо на деле – на рынке за руку поймают или прямо в доме застукают, – то возьмут, да. А вот в прошлом месяце пьяная драка была, и там один из наших затесался... ну, и порезал маленько... Я вам Богом клянусь, тот мерзавец сам был виноват: играть сел, а сам сжулил, а когда прижали – стал отнекиваться и скандал поднимать, да и драку он сам же первым начал, думаю – надеялся свалить под шумок... Так вот. Драка прошла – а магистратским хоть бы хны. Не искали никого, разбираться не пытались, вообще никто ничего не делал. А спустя неделю после того взяли на драке же какого-то приезжего задиру – и на него то убийство и повесили.

– И часто такое бывало? – уточнил Курт; хозяин пожал плечами:

– Так вот про это я вам и буду рассказывать сегодня.

– Сперва вопрос. Это «житие душа в душу» у Официума с магистратом давно замечено?

– Дык где-то с год, – многозначительно сообщил Вурцель, отчего-то понизив голос, и несколько молчаливых голов вокруг подтверждающе кивнуло. – Вдруг среди горожан преступников нашлось – видимо-невидимо. Тот соседа траванул, этот намалефичил чего, та мужа во сне зарезала, эта подружку какими-то там нитками или иголками в могилу свела или дурнушкой сделала... Вот странное это чувство, скажу я вам, майстер инквизитор: сидишь тут, про тебя как будто забыли – а горожане друг дружку грызут.

– Ну да, забыли, как же, – тихо буркнул один из доселе молчавших свидетелей беседы, и Вурцель закивал:

– Да-да, вот это верно. Я почему и говорю, что это просто чувство такое, а не на самом деле так, если вы понимаете, о чем я. На самом деле не только не забыли про нас, а как будто про нас-то про первых и вспомнили.

– Не понимаю, о чем ты, – честно признался Курт, и владелец пивной поднял палец:

– Вот! И я не понимаю... Ну, Финк просил рассказать вам про странное, вот и рассказываю... С года так полтора назад, еще до того, как это «душа в душу» началось, в Бамберг явились чужаки. Бравые такие парни, серьезные. Типа наемников. Но не простые наемники – не обвешанные оружием с ног до головы, броней не светят, в трактирах не шумят, на службу

к влиятельным людям или в городскую стражу не напрашиваются... Даже не знаю, как вам объяснить, майстер инквизитор, почему я именно так подумал – «наемники». Вроде ничего такого в них не было, люди как люди, а только смотришь на них, слушаешь их – и понимаешь: ребята солидные, если вы понимаете, о чем я.

– Думаю, на сей раз понимаю, – согласился Курт, медленно отхлебнув пива. – И что эти чужаки? Чем занялись в городе, что привлекли ваше внимание?

– А наших вырезать начали, – просто сказал Вурцель. Одним махом опустошив кружку, с сожалением заглянул внутрь, помедлил и тяжело поднялся, направившись за стойку. – Сначала всех стариков убрали, – продолжил он, наполняя сосуд снова. – Без предостережения, без условий каких-то. То есть, не пытались переговоры вести или, там, требовать, чтобы бамбергские люди под ними ходили или еще чего, просто молчком взяли и поубивали всех.

– Устранили всех авторитетных людей из вашего сообщества? – уточнил Курт; владелец кивнул, вновь усевшись напротив:

– Истинно так, майстер инквизитор. А потом... Стариков же не стало, все связи порушились... Кое-кто из молодых решил, что пора переделить районы и шайки и заново переписать правила. И тут опять появились они, те парни. Самых ретивых порешили, а заодно с ними вообще всех, кто под руку подвернулся. Словом, оставили нас и вовсе без каких-либо старшин.

Курт помедлил, обедя взглядом полутемный тесный зальчик, – из всех собравшихся, включая самого владельца пивнушки, не было никого старше двадцати трех – пяти, большинство же и вовсе лишь недавно (и то вряд ли) перешагнуло двадцатилетний рубеж. Если теперь это и есть представители «стариков» нового бамбергского дна, дела здесь и впрямь плохи...

– И, – осторожно спросил он, – вы так это и оставили?

– Мы, ясное дело, пытались разузнать, что это за люди и чего им надо, – отозвался Вурцель со вздохом. – Сойтись с ними в открытую не решились, послали для начала одного юркого парнишку, чтоб проследить – кто такие, где обитают, с кем видятся, если вы понимаете, о чем я... Ничего не узнали. А парнишку нам в мешке принесли.

– Это как? – нахмурился Курт. Хозяин пивнушки пожал плечами:

– А так вот, майстер инквизитор. Пришел прям вот сюда, в наш квартал, один из тех парней с мешком, а там, в мешке этом, мальчишка наш лежит. Кусками, да.

– Он что-то сказал?

– Мальчишка? – удивленно переспросил Вурцель и, спохватившись, кивнул: – А, парень тот... Сказал. «Уважаемые люди этого города хотят видеть Бамберг тихим, уютным и благопристойным местом».

– О как.

– Угу, – гулко подтвердил хозяин в кружку и, отерев губы рукавом, продолжил: – Больше говорить ничего не стал, мешок нам бросил и пошел прочь.

– И вы его так просто отпустили?

– Стариков не осталось, – впервые хмуро подал голос один из собравшихся вокруг, – однако мозгов у тех, кто остался, хватило, чтоб понять, с кем лучше не связываться. Мы и не стали.

– Уж не магистратские ли решили нанять людей со стороны, чтоб навести в городе порядок?

– Вот уж не знаю... – вздохнул Вурцель, отодвинув от себя опустевшую кружку. – Мы вот, никто из нас, тех парней входящими в магистрат не видели, а наш мальчишка если и видел чего, то рассказать нам уже не мог, если вы понимаете, о чем я. А после него мы уж никого за ними следить не посылали, да и желающих разбираться не нашлось. Несколько

дней у нас тут была тишь, даже лишнюю булку стащить боялись, да и вообще почти никто носа не казал из квартала в большой город. А потом эти парни просто ушли.

– Просто покинули Бамберг – и все? – уточнил Курт с сомнением; хозяин кивнул:

– Исчезли однажды. Мы чуток выждали – они не возвращаются, ну, и начали жизнь налаживать, если вы понимаете, о чем я. Поделили город заново – но без мордобоя или смертоубийств, собрались тихонько и полюбовно решили, кому что отойдет. Не скажу, что жизнь пошла прежним чередом: осторожничали мы долго, перебивались по мелочи... А тут и это началось. Официум забурлил, аресты пошли, малефики всякие... Мы даже подумали – не они ли своих бойцов и прислали, чтобы, значит, в городе творить, что им надо, и никто им не мешал?

– А что им может быть надо?

– А черт их знает, майстер инквизитор, – передернул плечами Вурцель. – Это мы без понятия. Да и не происходит тут ничего особенного: шабашей не замечено, привидения по городу бродить не начали, ведьмы младенцев не воруют так уж, чтоб кучами... Словом, так мы и не знаем, что это было.

– А вы знали, что Конгрегация уже присылала в Бамберг своего человека?

– Слышали, как же, – кивнул владделец. – Разок даже видели – подле дома покойного судьи ошивался. Серьезный такой... Пропал он, говорят.

– Кому-то из ваших он под руку, часом, попасться не мог? – помедлив, уточнил Курт осторожно, и один из сидящих поодаль фыркнул:

– Обижаете. Что ж у нас, совсем мозгов нету – инквизитора резать?

– Ну, я должен был спросить... А у дома судьи кто его видел и когда? Что он там делал? Входил внутрь или снаружи бродил, что-то осматривал или так, постоял и ушел?

– Да кто его знает, – пожал плечами Вурцель и переглянулся с одним из посетителей. – Кто его видел-то?

– Маус, – отозвался тот. – Говорил, что видел присланного инквизитора, что тот серьезный малый, и все думал, не связано ль это со слухами – ну, про призраков в доме. Мол, не их ли инквизитор изгонять будет.

– Этот Маус жив? – спросил Курт и, дождавшись кивка хозяина, уточнил: – И где его можно найти? Мне б ему пару вопросов кинуть про этого серьезного инквизитора...

– Кхм... Он у нас парень городской, приличный, серьезными вещами занимается, если вы понимаете, о чем я. Сюда приходит так, изредка, – с парнями вот посидеть, дела обсудить... Неподалеку от рынка его домишко. Только, майстер инквизитор, вот всем миром просим: не ходите вы к нему домой, а? Не палите нам парня. Оно, конечно, все понятно, только вот...

– Понимаю, – серьезно кивнул Курт, когда Вурцель замялся, подыскивая слова. – Ну, а сюда-то его вызвать можно? Скажем, следующим вечером я снова подойду. Встречать меня не обязательно, дорогу я запомнил, скажите просто своим здесь, что я не по их душу и меня не стоит в канаву спускать... Тут мы с ним и поговорим, вдали от ненужных глаз.

– Это можно, – с готовностью согласился хозяин. – Это всем хорошо будет.

– Хорошо, – подытожил Курт, поднимаясь, и Вурцель встал тоже. – И последнее. Если увидите, услышите, узнаете что-то странное – хоть что-то! – расскажите мне. Я поселился в «Ножке», и беспокоить меня можно в любой час, хоть посреди ночи. Меня интересует все, что не укладывается в обычные порядки и события. Даже если кто-то спяну увидит летящего по небу Сатану – расскажите. Если вдруг магистрат в полном составе поедет за город на пляски у костра, если Официум вдруг решит заняться торговлей яблоками, если в городе снова будет замечен один из тех странных парней – расскажите мне.

– Непременно, – кивнул Вурцель, – нам и самим все это не нравится, майстер инквизитор, если вы понимаете, о чем я... Вы правильно поймите, мы против вашего брата ничего

не имеем. Оно, может, и хорошо, что Официум всякую нечисть вылавливать начал, ежели она и правда тут есть. Да и майстер обер-инквизитор – он мужик неплохой, зверств таких уж никогда не учинял, сколько мы его помним – при нем всегда было тихо и без скандалов... Жалко будет, если с ним что-то нечисто. Оно, понимаете ли, видно, когда человек за дело болеет, так вот майстер обер-инквизитор – он такой. Здоровье себе посадил на службе вон как. По чести вам сказать, нам тут и не по себе делается, как вообразим, что на его место поставят кого другого, если вы понимаете, о чем я...

– А что с ним? – остановившись уже на полпути к двери, уточнил Курт. Хозяин кивнул куда-то в сторону, за окно пивнушки:

– Дак это... Помощник его каждую неделю почитай к аптекарю наведывается – за желудочными каплями, говорят. И еще какое-то зелье от давления кровяного, что ли... Пару месяцев назад, говорят, была гроза – так в Официум аптекаря даже вызвали: ходили слухи, что майстер обер-инквизитор лежал пластом и чуть Богу душу не отдал. Говорили, ему от молний поплохело... то ли с сердцем, то ли что-то такое...

– Вот как... – проронил Курт тихо и уточнил: – Аптека в Бамберге одна?

– Три. Но помощник его всегда бежит в одну, к Дитриху Штицлю: это аптекарь самый лучший, к нему половина города ходит... ну, у кого средства имеются. Прочие-то двое попроще, оно и понятно, как они налечат... В Инзельштадте она стоит. Издалека видать: там на щите сверху вот такенная бутылка пририсована... эта их врачебная, знаете...

– Да, проходил мимо, видел, – кивнул Курт. – Спасибо, не знал... Выглядит-то старик бодрячком.

– Самолюбие, – вздохнул Вурцель с явной завистью. – И безопасность. Молодым только дай понять, что ослаб, – и нету тебя.

* * *

– Думаешь, этот молодой инквизитор хочет свалить своего начальника? – неуверенно спросила Нессель. – Чтобы занять его место?

– Вряд ли.

В комнату трактира Курт возвратился уже затемно, но уснуть сразу не смог; ведьма тоже не спала, и сейчас оба сидели у стола, глядя на огонек светильника и тихо переговариваясь.

– Вряд ли, – повторил он, – а точнее – нет. *Primo*, даже если старика внезапно хватит удар, его места Ульмеру не видать – не хватит ни мозгов, ни упрямства, ни жесткости, словом, ничего из того, чем должен обладать инквизитор на руководящей должности. Да и просто инквизитор. Я вообще удивляюсь, как он угодил в следователи... И как бы ему ни казалось, что его не ценят, – парень не может не понимать, что подобных должностей он не потянет. А *secundo* – он, похоже, за свое начальство искренне тревожится. Или, по меньшей мере, добросовестно исполняет «три g», не пытаясь ими пренебречь.

– Три кого? – непонимающе нахмурилась Нессель.

– Три g, – пояснил Курт с усмешкой. – *Gehen, geben, gebracht*⁴³. Обычные обязанности всех низкоранговых служителей – негласные, но от того не менее неизбежные... Однако сам факт тяжелой болезни обера вполне может иметь значение и что-то объяснять. Скажем, такая версия: тот самый аптекарь (насколько я понял – неплохой лекарь) сказал Нойердорфу, что состояние его здоровья подразумевает скорый отход к предкам, – и старик решил перед смертью наловить побольше малефиков. От излишнего рвения его порою заносит и под руку

⁴³ «Пойти, подать, принести» (нем.).

попадают то обычные преступники, а то и вовсе невинные. И когда прибывший inspector об этом узнал – Нойердорф от него избавился.

Нессель несколько мгновений сидела неподвижно, молча глядя на его задумчивое лицо, и, не дождавшись продолжения, осторожно спросила:

– Но?... Я слышу, как ты это говоришь. Ты сам не слишком в это веришь.

– На сей раз ошибаешься, – вздохнул Курт, – верю. Слишком много видел, чтобы не допускать мысли о том, что обер-инквизитор может выкинуть нечто подобное... Просто пытаюсь прикинуть, как укладывается в эту версию все остальное. Епископ и магистрат, которые всем довольны, ни на что не жалуются и не пытаются противиться Нойердорфу, а то и споспешествуют его делам. Эти неведомые «серьезные люди», незнамо с чего решившие очистить улицы Бамберга от преступников... кто их пригласил, зачем и связано ли это вообще с моим делом? Их услуги заказали «уважаемые люди этого города», сказал тот парень. Имелся в виду магистрат или, быть может, семейка Гайер, которая таким образом расширила понятие «благополучный квартал» и увеличила стоимость скупленной недвижимости?..

– И к чему ты склоняешься?

– Ни к чему, – передернул плечами Курт. – Мало информации. Для начала надо поговорить с тем парнем, что видел Штаудта у дома судьи, – быть может, это наведет меня на дельную мысль... Пока же у меня есть вопрос к тебе.

– Ко мне? – удивленно вскинула брови Нессель. – О чем?

– О Всаднике. Когда мы были в соборе, ты сказала «он живой». Не «будто живой», а «живой». *Id est*, как я понимаю, ты разумела вовсе не талант скульптора, а нечто иное? Что?

– Я не знаю, – не сразу отозвалась ведьма, рассеянно ковырнув гладкую поверхность столешницы. – Не знаю, как тебе объяснить... да и не знаю толком, что почувствовала.

– Но что-то почувствовала все-таки? Что? Что-то похожее на мои четки – скульптура просто намолена тысячами паломников или сейчас иначе?

– Четки твои не просто намолены. Это... это чувствуется не так, будто с ними какой-то святой человек когда-то долго молился, он с ними будто бы продолжает молиться.

– Вот даже как... – произнес Курт тихо и, помедлив, уточнил: – Но все же – что со Всадником? С ним так же или это другое что-то?

– Другое что-то, – все так же неуверенно повторила Нессель. – Он... правда будто живой. Я словно не к камню подошла, а к живому человеку – настоящему, как ты... нет, не как ты – как будто приблизилась к святому. Этот инквизитор сказал – никто не знает, кто сделал статую... быть может, дело в мастере? Возможно, он и в самом деле был святым и когда делал свою работу – вложил в камень свою веру, которую спустя столько времени я теперь чувствую... Не знаю. Я не сталкивалась еще ни с чем подобным, поэтому не буду пытаться подводить выводы...

– Так говорить нельзя, – мягко поправил Курт. – «Делать выводы» или «подвести итог».

– Да? – переспросила Нессель, задумчиво нахмурившись на мгновение. – Я думала, так можно.

– И раз уж мы ненароком свернули на эту тему, – осторожно продолжил он, – я бы хотел кое-что спросить. «Ты думала, что так можно». Ты всегда обдумываешь слова, которые произносишь, и рассматриваешь словесные обороты перед тем, как их озвучить? Так обыкновенно мыслят люди, говорящие на другом языке. Так, скажем, мыслю я, когда мне приходится заговорить на французском, который я знаю урывками и довольно скверно.

– А я и говорю на другом языке, – невесело улыбнулась Нессель и, вздохнув, пояснила в ответ на его непонимающий взгляд: – Знаешь, когда деревенские приходили ко мне за помощью, я к каждому старалась подладиться, чтобы говорить, как говорит он, – тогда они расслабляются, и работать с ними легче. Это мне еще мать говорила: надо чувствовать того,

с кем говоришь, и подстроиться под него. С ребенком – говорить, как ребенок, например. Не сюсюкать, так только взрослые говорят с детьми, а именно что говорить так, как говорят его сверстники. Это тяжелее всего. Со стариками – говорить, как старики. Это проще всего, потому что старики болтливы, и они сразу же вываливают мешок слов, и в этот поток болтовни очень легко войти. С мужчиной говорить, как мужчины, с женщиной – как женщины, со священником – как священники... Поначалу это непросто дается, но со временем привыкаешь и начинаешь чувствовать, как следует думать и какие слова произносить. А тут, в городах... Тут говорят иначе. Пока я искала тебя, я провела во внешнем мире больше месяца, и все это время мне приходилось говорить с разными людьми, а в последние недели я общалась почти только с твоими собратьями. Эти порой говорят вовсе не по-людски, и к ним подладиться всего тяжелей. Не по-настоящему они говорят как-то, словно за ними кто-то всегда наблюдает и следит, что они скажут и как. Даже твой друг отец Бруно. Пока я сидела в запертой комнате вашего монастыря, он приходил ко мне читать, чтобы я не томила там в одиночестве, или что-то рассказывал, или просто так говорил – о погоде и Боге, о храмах и животных, о людях и книгах... И вроде видно, что человек перед тобой, а говорит как-то... не по-живому. Не замечал?

– Замечал, разумеется, – согласился Курт хмуро. – Это потому, что умение, которое тебе вот так просто передала мать, мои собратья постигают на лекциях в академии. Одну такую я сам, помнится, произносил перед будущими инквизиторами... Подстраиваться под собеседника, улавливать оттенки его настроения и речи, суметь отразить их так, чтобы войти в резонанс, вплоть до того, чтобы понимать и воспроизводить незнакомые слова и понятия... Невероятно, – коротко и сухо рассмеялся Курт, – просто невероятно. То, чему несколько лет обучают в закрытом монастыре будущих душеведов и что все равно не каждому из них дается, какая-то ведьма из леса запросто постигает по ходу дела за счет собственного разума и чувства... А я уж начал в мыслях выстраивать всевозможные теории о том, кем был умерший отец твоей дочки, и не был ли это какой-нибудь рыцарь или, того хуже, странник из разорившихся благородных, – все не мог понять, откуда вдруг взялся у тебя этот хохдойч после стольких-то лет жития в отшельничестве и общения с деревенским священником. А объяснение простое – эмпатия.

– Что?..

– Иногда твоя метода все же дает сбой, – отметил Курт с усмешкой и пояснил: – Это по-гречески; значит *einfühlung*⁴⁴. Ты слушаешь людей вокруг и спустя время начинаешь воспроизводить их манеру речи... И что самое главное – делаешь это не механически, а действительно понимая слова, которые произносишь, и даже, как видно, составляешь собственные конструкции из услышанного, как из разрозненных деталей. И ведь сегодня была первая и единственная ошибка, на которой я тебя поймал... Невероятно, – повторил Курт уже серьезно, вновь на мгновение ощутив то самое неприятное чувство, похожее на страх, смешанный с неловкостью от осознания того, что понимал: ведьма это видит. – Из тебя, знаешь ли, при таких талантах вышел бы отменный инквизитор. Хваленого Молота Ведьм бы, глядишь, за пояс заткнула.

– По-твоему, ты сейчас сказал нечто льстивое и приятное? – нахмурилась Нессель, и он снова улыбнулся, чувствуя, что улыбка выходит фальшивой и неискренней:

– Это называется *verba honorifica*⁴⁵. Еще одно новое словечко тебе в копилку. Нечто, что является правдой по большей части, но все же слегка преувеличенной. Инквизитор из тебя вышел бы отличный, если б это твое умение не было замешано на способности именно

⁴⁴ Нем. (букв. – «сочувствие»). Слово ввел в обиход в 1885 году философ и психолог Теодор Липпе, от его буквальной кальки впоследствии и произошел термин «эмпатия» (введен в конце девятнадцатого века психологом Эдвардом Титчене-ром).

⁴⁵ Compliment (лат.).

чувствовать своего собеседника, если б оно строилось на холодном расчете. А при том, что есть сейчас, – спустя полгода активной службы тебя, боюсь, увезли бы в далекий монастырь под присмотр особых лекарей, expertus'ов по расстройствам рассудка.

– Вот и слава Богу, – сухо отозвалась Нессель. – Стало быть, мне не грозит стать в ваших руках орудием, когда все кончится...

– Это что?.. – не дослушав, оборвал ее Курт, напряженно обернувшись к окну, и ведьма покривила губы:

– Это еще один ваш прием, которому учат, чтобы не слушать то, что неприятно?

Курт не ответил, еще несколько мгновений сидя неподвижно и глядя в темноту за окном. Темнота окрасилась едва заметным, почти неразличимым алым отсветом – настолько прозрачным, что кто иной мог бы и не увидеть, а увидев – не понять, что это...

– Что с тобой? – повторила Нессель, кажется поняв по выражению его лица, что ни о каких ухищрениях он сейчас и не помышляет. – Что случилось?

– Постой.

Курт поднялся из-за стола и, подойдя к окну, выглянул в проем, взявшись за верхнюю планку и высунувшись наружу по пояс, и замер, глядя вправо и чувствуя, как сводит пальцы. Вдали, над крышами домов, к небу взметались яркие огненные точки и короткие резкие росчерки, исчезающие в низком, густом облаке багрового дыма.

– В городе пожар, – упавшим голосом произнес Курт. – Я вижу огонь.

С усилием втянув себя обратно в комнату, Курт глубоко вдохнул, отгоняя от внутреннего взора облик Бамберга, охваченного пламенем, в центре которого – трактир и он сам, окруженный огнем со всех сторон...

– О, господи, – проронила Нессель, и он выговорил с усилием:

– Горит где-то далеко, и, судя по всему, один дом или два. Думаю, самому городу ничто не грозит. Здесь кругом каналы, вода, должны справиться. Но все же я туда схожу.

– Ты пойдешь туда, где что-то горит? – с сомнением уточнила ведьма. – Ты? Зачем?

– Да, мне совершенно не хочется этого делать, – покривился Курт, пристегивая меч и забирая с кровати чехол со сложенным арбалетом. – С удовольствием остался бы там, где я есть... Но в этом городишке любое событие, вырывающееся за привычный порядок вещей, любое происшествие должно привлекать мое внимание. Пожар же явно в этот самый порядок не укладывается. Я должен знать, что происходит.

– Я с тобой, – решительно выговорила Нессель, поднимаясь. – Я не желаю сидеть в комнате ночью одна, тем более в городе, где горят дома. И просто не желаю сидеть одна, и всё, иначе я сойду с ума взаперти. Я и так проторчала тут целый вечер, глядя в потолок.

Курт возражать не стал, и вниз они спустились вместе, у выхода столкнувшись с владельцем «Ножки», – тот стоял на пороге, позевывая и глядя на далекое зарево.

– Не тревожьтесь, майстер инквизитор, все в порядке, – без приветствия сообщил он, завидев постояльцев. – Это далеко, и у нас тут с пожарами давно нет никаких проблем: если что случается, тушат быстро. Вода ж кругом. До нас не доберется.

– Вот и славно, – одобрил Курт, кивком велел хозяину отойти с дороги, и тот нехотя посторонился, пропустив обоих на улицу.

– Напрасно беспокоитесь, – сквозь зевок повторил владелец им вслед. – Но дело ваше, конечно.

– Сколько, однако, неизбывной тревоги за собратьев-горожан было в его голосе, – заметил Курт тихо, шагая от трактира прочь, и Нессель вздохнула, мельком обернувшись назад:

– Жизнь в больших городах делает равнодушными. В деревне сбежались бы все... Здесь каждому все равно, что происходит с его соседом, главное – чтобы его самого не коснулось.

– В деревнях любят сбегаться, – подтвердил он. – Лишь повод дай. Когда вас с матерью пытались убить, тоже сбежались все?

– Да, и у них не всё гладко, – помрачнев, согласилась ведьма. – Они легко заводятся...

– Уж я-то знаю... Община хороша, Готтер, когда в добром расположении духа, а ты у нее на хорошем счету, но и то, и другое может поменяться в момент. Посему для безопасной и приятной жизни город лучше: именно потому, что здесь всем все равно, кто ты, чем занимаешься, чего хочешь и как живешь. Правда, – подумав, добавил он с невеселой усмешкой, – порой именно это и мешает нам работать. Порой люди в соседних домах знать не знают, как зовут жену соседа.

– И когда тебя убьют на ночной улице, никто даже не вспомнит, что ты был, – тихо договорила Нессель, исподволь озираясь. – Всем тоже будет все равно.

– Ты со мной, – уверенно возразил Курт. – А меня здесь теперь не тронут. Да и вообще не похоже на то, что преступность относится к числу заметных проблем этого города.

Нессель буркнула что-то себе под нос, вновь настороженно бросив взгляд в темный проулок, мимо которого лежал их путь, и вцепилась в его локоть, будто бы это каким-то неведомым образом могло оградить ее от опасностей вокруг. Несколько минут они шли молча, и вскоре в ночной тишине стали слышны отдаленные возгласы собравшихся на пожаре людей; пламя же, судя по отблескам, словно стало меньше и приземистей.

– Тушат, – предположила Нессель, и вновь мелькнула неуютная мысль о том, что эта женщина опять без слов и даже без лишнего взгляда поняла, о чем он думает...

Курт приостановился на миг и ощутил, как пальцы ведьмы на его локте непроизвольно сжались, явно почувствовав, как напряглась его рука.

– В чем дело? – спросила она почти шепотом, и он ответил так же едва слышно:

– Я знаю, что это горит.

Нессель не спросила «что?», не произнесла больше ни слова, лишь ускорила шаг, когда Курт почти бегом устремился вперед, туда, где всего в двух улицах от них полыхал один из домов.

Они выбежали на открытое пространство перед полыхающим домом через полминуты, остановившись в нескольких шагах от суетящейся толпы людей с ведрами и баграми, и ведьма испуганно вздрогнула, когда Курт отшатнулся назад и застыл на месте, стиснув зубы до боли в скулах. Нессель что-то спросила, но он не услышал – он смотрел на грандиозный костер, в который превратилось двухэтажное здание, уже не видя носящихся вокруг людей и не замечая их голосов; он видел лишь, что полностью сгорела дверь, в которую он стучал прошлой ночью и из которой вышел поутру, и что в огненный ад обратился второй этаж, в одной из спален которого он вчера уснул...

Курт, очнувшись, рванулся вперед, сквозь сборище немногочисленных зевак, и снова остановился, ощущая жар на лице и чувствуя, как леденеют ноги, не желая делать следующий шаг...

Мимо проковылял полуодетый горожанин, тащивший огромное ведро с водой; он неуклюже пытался бежать с тяжелой ношей, и вода плескалась под ноги, оставляя на утоптанной земле темные грязные лужи. Курт ухватил его за плечо, остановив, и выкрикнул, пытаясь заглушить треск пламени и людские голоса:

– Выжившие есть?

– Да черт их знает... – раздраженно отозвался тот и, уткнувшись взглядом в Сигнум, сбавил тон, присовокупив: – Майстер инквизитор. Я когда пришел – тут уже вовсю жарило... Простите, там воды ждут, не то к соседям перекинется.

Курт выпустил его плечо, отступив на шаг назад, и, помедлив, двинулся вдоль редкой толпы зевак.

– Кто здесь с начала пожара? – повысил он голос, пытаясь найти отклик хотя бы в одном лице, увидеть хоть что-то хотя бы в чьих-то глазах. – Кто видел, есть ли выжившие?

Ответом были лишь недоуменные взгляды и пожатия плеч, и обратившиеся к нему лица вновь отворачивались, а глаза опять устремлялись на огонь; Курт остановился в центре толпы, тоже невольно обернувшись к полыхающему дому, и так и остался стоять на месте, замороженно глядя на пламенные лоскуты и чувствуя, как кружится голова от запаха нагретого воздуха и дыма.

– Что происходит? Чей это дом?

Лесной ведьме Курт не ответил, все так же стоя неподвижно и глядя на то, как пламя торопится сожрать как можно больше до того мгновения, когда люди совершенно убьют его. В чувствах, в мыслях, в разуме зияла непривычная, неожиданная, давно, казалось бы, забытая пустота.

Глава 10

Огонь умер лишь к рассвету. Зеваки большей частью разбрелись, но вместо ушедших явились новые, самые стойкие продержались до утра и дождались конца ночного представления, будто боясь пропустить что-то интересное и важное. С рассветом же появились и магистратские служащие, привнесшие в окружающее беспорядочную суматоху и шум. Свидетелей происшествия среди зрителей они искали судорожно и суетливо, отчаянно пытаясь вызнать хоть что-то и ничего не находя. Завидев мастера инквизитора, городские дознаватели бросились к нему едва ли не с распростертыми объятьями, то ли надеясь на то, что тот уже всё выяснил и без них, то ли рассчитывая, что представитель Конгрегации снимет с магистрата эту внезапную неприятную заботу и возьмет ее на себя. Осознав, что ни того, ни другого ожидать не приходится, мрачные служители лишь вздохнули и направились к сгоревшему дому, где наиболее деятельные горожане из самочинной пожарной команды уже копошились внутри в поисках тел обитателей жилища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.